

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

К. Познаньска

СТАРАЯ
И НОВАЯ ТУРЦИЯ

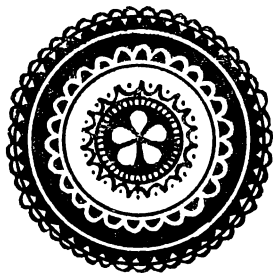
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт востоковедения

К. Познаньска

**СТАРАЯ
И НОВАЯ ТУРЦИЯ**

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1974

Krystyna Poznafska

TURCJA
STARA I NOWA
Warszawa 1970

Редакционная коллегия

К. В. Малаховский (председатель), А. Б. Давидсон,
Н. Б. Зубков, Г. Г. Котовский, Н. А. Симония

Перевод с польского

А. Сверчевской

Ответственный редактор

Н. Г. Кицеев

Автор послесловия

Ю. А. Петросян

Познаньска К.

П47 Старая и новая Турция. Перевод с польск. М.,
Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1974.

191 с. с илл. («Путешествия по странам Востока»).

Предлагаемая советскому читателю книга известной польской жур-
налистки представляет собой сборник оригинальных очерков о Турции:
о ее историческом прошлом, сегодняшнем политическом и экономиче-
ском положении, культуре и деятелях культуры.

91 (И5)

П $\frac{26901-170}{013(02)-74}$ 137-74

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1974.

ОТ АВТОРА

Я с большим удовольствием отдаю свою книгу в руки советского читателя, потому что знаю, какой большой интерес проявляют в Советском Союзе к Турции, и надеюсь, что моя книга поможет удовлетворить такой интерес.

Мне повезло быть в Турции в знаменательный для ее истории период — с 1961 по 1967 год, то есть сразу после государственного переворота, когда в стране открылись возможности для новых общественных процессов. Свой рассказ о Турции я, по сути, и ограничиваю этими годами.

Однако, говоря о том, что представляет собой сегодняшняя Турция, нельзя забывать о прошлом, следы которого встречаются буквально на каждом шагу. На этой исключительно богатой историческими событиями земле на протяжении веков откладывались слои различных цивилизаций, пока в конце XI века туда не пришли турки и не создали огромную империю. Благодаря борьбе турецкого народа, которую возглавил Мустафа Кемаль Ататюрк, на развалинах империи выросла новая Турция. И когда находишься в Турции, то понимаешь, что реформы Ататюрка нашли свое претворение во многих областях жизни. В любой области можно проследить борьбу нового, рожденного кемалистским духом, со старыми, косными нормами жизни.

Вместе с тем, рассказывая о Турции, мне хотелось бы передать красоту турецкого пейзажа, великолепие произведений искусства, богатство древних памятников, щедро рассыпанных по всей турецкой земле. К сожалению

нию, обо всем этом мне приходится рассказывать фрагментарно...

История Турции и история турок — это не одно и то же. Многие цивилизации успели оставить свой след на анатолийской земле, пока туда в конце XI века не пришли первые турецкие кочевые племена. Сегодняшняя Турция — это страна с богатой историей, каких немного на нашей планете.

КОНЬЯ — СТОЛИЦА СЕЛЬДЖУКОВ

За несколько часов на машине мы пересекаем монотонные равнинные земли Центральной Анатолии. Отличное, ровное и гладкое, как стол, асфальтовое шоссе Анкара — Конья — такое широкое, что на него могли бы садиться небольшие самолеты (это объясняется стратегическими соображениями). По обе стороны от шоссе насколько хватает глаз — равнина. Только вдоль дороги торчат телеграфные столбы. Кругом ни одного деревца... Правда, чтобы быть точной, я должна сказать, что вдали на горизонте виднеются какие-то жалкие деревца. Путешественник, утомленный однообразным пейзажем, задерживает свой взгляд на вулканических холмах. Время от времени по обе стороны дороги вырастают нищие деревеньки с глиняными халупами и кое-где среди безводной глади — примитивные колодцы с журавлями.

Бывшая столица сельджуков Конья — настоящий зеленый оазис среди анатолийской пустыни. Может быть, именно поэтому здесь, вдали от моря, возник когда-то город. Раньше он назывался Икониум. Как гласит древнегреческая легенда (а их так много родилось на анатолийской земле), своим возникновением и названием он обязан сыну Зевса и Данаи — Персею, победителю Медузы. Прибыв в Конью, он повесил голову Медузы на шпиль колонны. Отсюда и название Икониум, то есть город с изображением (иконой). Как утверждают археологи, первый период расцвета город пережил еще за две тысячи лет до нашей эры. Через Икониум прошел Ксенофонт, а Александр Великий отбил его у персов. Потом Икониум был римской колонией. Город сохранял известное значение и в византийскую эпоху, хотя ему пришлось многое вынести от частых набегов арабов.

Очередным мусульманским пришельцам, туркам-сельджукам, Конья обязана кратковременным величием: в 1116 году ее завоевал один из сельджукских султанов Кылыч Арслан I и основал в ней столицу. Свое государство он назвал Рум (от Рома, или Рим).

Кстати сказать, слово «рум» претерпело с тех пор значительную эволюцию. Для сельджуков, прибывших из азиатских степей, Рим был синонимом империи, владычества, господства и поэтому они и назвали так свое государство. Но это же слово было и названием Восточной Римской империи, то есть Византии. В понятие «рум» турки включали в то время всё, что относилось к Византии, а потом всё, что было связано с Грецией. Таким образом, в понимании османов христианство православного происхождения, отделенное от Рима, было римским. В настоящее время слово «рум» в турецком языке означает грека, живущего за пределами Греции, то есть в Турции или на Кипре...

Наибольшей славы Конья достигла в годы правления великого сельджукского султана Алаэддина (1219—1236). Однако более Алаэддина был знаменит в то время «султан мысли» Бахаэддин-велед, который поселился в Конье вместе со своим сыном Джемальеддином Руми. Впоследствии тот прославился под именем Мевляны как основатель Братства пляшущих дервишей. Этот выдающийся представитель исламского мистицизма и в настоящее время считается одним из величайших поэтов и философов своего времени.

Прибыв из Горного Туркестана (нынешний Афганистан), он основал в Конье мистическое братство, которое просуществовало до наших дней. Правда, в 1926 году Ататюрк распустил все дервишские монастыри (текке), но начиная с 1950 года, когда к власти пришло правительство Мендереса, ежегодно в декабре месяце (месяц смерти Мевляны) вновь стали устраиваться публичные торжества с участием его последователей — «пляшущих» дервишей.

На эти экзотические, захватывающие зрелища собирается много зрителей, и прежде всего иностранных туристов. В представлении самих «мевлеви», то есть членов братства, их ритуальные пляски — это совсем не искусство, а лишь акт веры, состояние экстаза, когда душа соединяется с богом.

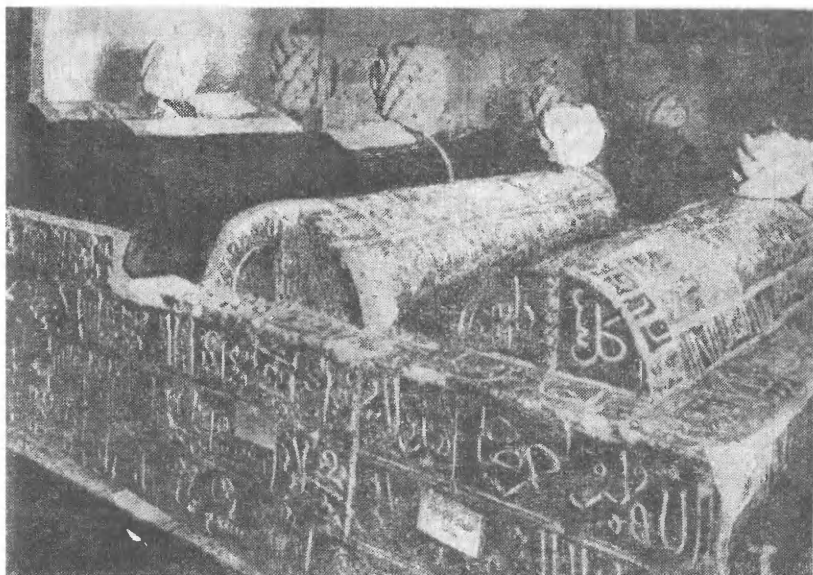

«Пляшущие» дервиши

Сначала — получасовое «вступление». Проникновенное гортанное пение слепого певца в черных очках. Дервиши, внимая ему, неподвижно сидят на полу, скрестив под собой ноги. На них конусообразные темно-коричневые колпаки, похожие на фески, но более высокие (они по символике Мевляны означают каменные надгробия), темные пелерины, символизирующие гробницы, и широкие белые юбки — «джалуны». Такая одежда должна означать, как мне объяснили, воскресение из мертвых и вечную жизнь в боге. В какое-то мгновение все как один бьют лбом об пол. Потом вскакивают и плавным шагом начинают двигаться вперед. Ведет всех «вожак» в зеленой пелерине и зеленом колпаке. «Пляшущие» поворачиваются друг к другу лицом, кланяются и идут дальше. Потом выстраиваются в ряд и сбрасывают с себя пелерины. Под монотонные звуки флейты и удары бубнов прямые фигуры дервишей в белых юбках и конусообразных колпаках начинают кружиться, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, а вокруг них раздуваются белые колокола юбок. Крутясь, как волчки, вокруг своей оси с выражением экстаза на лице, они сохраняют абсолютное равновесие. Зато у тех, кто на них смотрит, кружится голова. Внезапно, скорее всего в ту минуту, когда тело становится им неподвластно, некоторые из них резко останавливаются, как бы застывают и стоят, как изваяния, до тех пор, пока не замрут остальные.

Музыка стихает, юбки опадают словно лепестки цветов. В наступившей минутной передышке слышно, как кто-то читает стихи из Корана. А потом снова начинаются вращательные движения. Дервиши кружатся вокруг себя и одновременно по кругам, нарисованным на полу, что должно означать вращение планет и звезд вокруг своей оси и вокруг солнца... Спустя какое-то время «пляшущие» снова застывают со скрещенными на груди руками и кланяются «вожаку». По их лицам течет пот. Начинается молитва и восторженное пение. До мозга костей пробирают вопли дервишей «селям алейкум» и, как эхо, ответное «алейкум селям».

Представление заканчивается. Зачарованные зрители, сидевшие вдоль стен зала, начинают молча расходиться. Видно, что большинство присутствовавших (за исключением иностранных туристов) вместе с дервишами

Мавзолей Мевляны

переживали состоявшие религиозного экстаза, хотя атмосфера веселой ярмарки, царящей перед входом в зал, с зазыванием торговцев сувенирами мало способствует сосредоточению. Но, оказывается, и это соответствует философии Джемаль-эддина Руми, для которого смерть, как соединение с богом, была высшим блаженством. И он завещал своим последователям веселиться в день его смерти.

Последователи Мевляны, духовное влияние которого распространяется за пределы Турции, на Сирию и Ирак, в значительной степени отошли от традиционного ислама. Да и ему самому не чужды были пантеизм, почерпнутый из персидских легенд, философия Платона и даже христианство.

Отпечаток величия философа XIII века сказывается и на сегодняшней Конье.

Лавчонки полны сувенирами с изображением Мевляны и пляшущих дервишей. Но главное — его мавзолей, который возвышается над городом. Этот старин-

ный монастырь скрывает в своих стенах настоящие сокровища сельджукского искусства XIII века. Уже само залитое солнцем подворье монастыря, в котором журчит фонтан и курлычат голуби, напоено особой безмятежностью и сосредоточенностью. Вокруг — светлые кельи дервишей, а посредине — мечеть, в которой теперь устроен музей. К мечети примыкает гробница самого Мевляны и его близких; конусообразный восьмиугольный, характерный для сельджукской эпохи купол гробницы выложен бледно-зелеными глазурованными плитками с золотым рисунком.

Подобные мавзолеи можно увидеть и в других местах, где оставили свой след турецкие племена. Исключено, что первые сельджуки пытались в камне запечатлеть конусообразную форму шатра, в котором жили их предки-кочевники.

Поражает и очаровывает обилие золота и глазури, сказочные по краскам, богатству и благородству орнаменты бывшей мечети. Гробы Мевляны и его шестидесяти приближенных покрыты шелком и бархатом чудесного зелено-голубого цвета; на покрывалах золотыми нитями вышиты восточные орнаменты и стихи из Корана. В изголовьях тех, кто прославился еще при жизни, стоят высокие тюрбаны. Обращает на себя внимание погребение отца Мевляны: его гроб не лежит, а стоит, потому что, как гласит легенда, «султан мысли», когда пришел его смертный час, поднялся с ложа навстречу Магомету, который сошел к нему на свидание... И все это озарено светом, падающим сквозь цветные витражи. В мечети в стеклянных витринах собрана большая коллекция рукописных Коранов, украшенных богатым орнаментом; самый старинный Коран насчитывает чуть ли не тысячу лет. Некоторые из них не больше спичечного коробка. Поневоле задумаешься над тем, как художнику удалось уместить на таких маленьких листочках пергамента арабскую вязь священного писания, да еще найти место для разноцветных украшений на полях книги. Вероятно, такая работа могла быть сделана только с помощью лупы. Здесь же собраны и другие предметы культа: уникальные коврики для молитв (есть семисотлетней давности), удивительные по красоте чеканные серебряные подсвечники, искусно выполненные деревянные подставки для Коранов, ста-

ринная одежда дервишей. Все это внимательно и с благоговением вместе с нами осматривает большая группа людей, среди которых особенно много женщин и стариков. Но есть и молодые люди. Как видно, мистическая символика Братства пляшущих дервишей оказывает свое воздействие и сегодня...

Большинство сельджукских построек сохранилось до наших дней. К сожалению, ничего не осталось от величественного некогда дворца Алаэддина, который в XIII веке объединил под своей властью значительную часть Малой Азии и которого за успехи в строительном деле прозвали сельджукским Юстинианом. Правда, на вершине поросшего зеленью холма Алаэддина стоит построенная им же и почти не изменившаяся с тех пор мечеть.

Эта мечеть без купола являет собой классический образец древней сельджукской архитектуры. Целиком высеченная из камня и асимметричная по форме, она напоминает арабские мечети Омейядов в Кордове и некоторые мечети Каира. Ее остроконечные своды опираются на сорок две колонны с прекрасными греческими капителями. Впрочем, удивляться этому не приходится: ведь Конья — это древний Икониум! Каменный пол пестрит от множества разноцветных ковриков для молитв. В этой мечети веет холодом и монашеским аскетизмом, но вместе с тем и величием.

Мы бегло осматриваем здание старинной медресе Индже минаре (Тонкий минарет), также относящееся к XIII веку. Сейчас от этого минарета, который, кстати, совсем не кажется тонким, осталась лишь одна треть, а остальное разбила молния в 1901 году. Сохранился удивительный по изяществу «кружевной» портал — одно из самых прекрасных произведений сельджукского искусства. А вообще-то, сегодняшняя Конья таит в себе не так уж много интересного.

За исключением центральной части, весь остальной город, относительно чистый и аккуратный по сравнению с другими турецкими городами, напоминает скорее большую деревню. Здесь, как и в других местах Анатолии, по улицам разъезжают разрисованные арбы...

Известное сельджукское изречение «поезди по всему свету, но прежде всего посмотри Конью» применимо к ней, нынешней, с большой натяжкой. Наоборот, когда

покидаешь город, в памяти остаются развалины стен древней Иконии, которая даже по территории была в два раза больше теперешней Коньи...

БУРСА — ПЕРВАЯ СТОЛИЦА ОСМАНОВ

Моей первой поездкой по стране была поездка в Бурсу, и я смогла тогда собственными глазами убедиться в контрастах анатолийского ландшафта. Угрюмые, голые, без малейшей растительности горные склоны остались позади. Кругом — сочная зелень пастбищ, а вдоль дороги — цветущие фруктовые деревья и пирамидальные тополя, которые издали кажутся тонкими метелками. Чем ближе мы подъезжаем к Бурсе, тем пышнее становится зелень, и трудно поверить, что перед нами все та же Анатолия. Здесь каждый клочок плодородной лесовой земли вспахан, засажен, засеян. Бурса — это большой парк, или, вернее, фруктовый сад, снабжающий всю Турцию своими плодами. Объясняется это просто — обилием влаги: вокруг Бурсы из-под земли бьет около четырехсот родников и ключей; вот откуда буйная растительность, которая очаровывает путешественника, приезжающего из безводной, серой, каменистой Центральной Анатолии.

Ландшафт резко меняется, как только подъезжаешь к щиту с надписью «Вилайет Бурса». В отдалении, словно фон, нарисованный художником, высится сине-серый мрачный горный массив Улудаг. Вершина этого олимпа древней Битании всегда покрыта снегом. А ближе к дороге растут платаны и тополя, но чаще темно-зеленые кипарисы. Эти «кладбищенские» деревья напоминают нам о том, что мы приближаемся к Бурсе — пантеону первых османских султанов, к городу, который и сейчас живет памятью о своем коротком периоде славы шесть веков тому назад. Бурса встречает нас розово-белой пеной цветущих персиковых и миндальных деревьев, которые шпалерами выстроились вдоль дороги.

Бурса лежит в центре плодородной долины реки Нилюфер. Город с населением в 240 тысяч человек производит приятное впечатление благодаря своей чистоте и порядку, а также любезности и гостеприимству его жителей. Я встретила здесь больше, чем где-либо в Турции, доброжелательных улыбающихся людей.

В какой бы части города вы ни оказались, из любой узкой улочки виден величественный Улудаг. В Бурсе особый микроклимат. После разреженного высокогорного воздуха Анкары здесь легко дышится. И погода какая-то особенная, «нетурецкая». Бурса напоминает некоторые городки французского Прованса или Италии.

Однако на самом деле Бурса — самый что ни на есть турецкий город, за исключением, может быть, Коньи. Она вошла в историю прежде всего как столица первых османских султанов и от тех времен сохранила прекрасные памятники. Здесь нет, как, скажем, в Стамбуле, Измире или Анкаре, такого переплетения различных культур. Наверное, единство и гармония и делают из Бурсы истинную жемчужину среди всех других турецких городов.

Бурса существовала задолго до того, как на анатолийскую землю ступила нога первых османов. Она была основана в конце III века до нашей эры королем Битании Прусасом I у подножья одного из высочайших олимпов греческого мира. Бурса была ареной борьбы Митридата против Рима, а в 74 году до нашей эры вместе со всей провинцией вошла в состав Римской империи. Плиний Младший называет ее в своих письмах «Пруссиас ад Олимпум». Во времена Византийской империи город часто переходил из рук в руки: на него нападали персы и арабы, до его стен доходили сельджуки, а потом с запада пришли крестоносцы. Долше всех в городе держались византийцы. Находившаяся в то время в семидесяти пяти километрах Никея (теперь Изник) была даже столицей эфемерного византийского государства, как раз в то время, когда крестоносцы в четвертом походе захватили Константинополь.

Как в Бурсе, так и в Изнике не осталось никаких памятников от тех времен. И сейчас трудно себе представить, что это та самая Никея, где в IV веке император Константин устраивал пышные пиршества, описанные в Хрониках; что именно здесь император, одетый в пурпурную мантию, восседал на золотом троне во главе собора из 350 епископов, прибывших в Никею, чтобы осудить еретика Ария.

Византийцы господствовали на этой земле с небольшими перерывами до 1326 года, когда Осман, основатель династии турецких султанов, сломив сопротивление

осажденной Бурсы, сделал ее своей столицей. Вот тогда-то и пробил час наибольшей славы этого города, и хотя она была недолгой, однако достаточной, чтобы Бурса и сегодня продолжала жить ее отблеском. Наследники Османа, и в первую очередь его сын Орхан, расширяли и украшали столицу еще сорок лет.

Из Бурсы османские султаны устраивали набеги на Византию. Однако в скором времени город уступил свое значение столицы Адрианополю (ныне Эдирне), что позволило османам окружить Константинополь с запада. Перестав быть столицей административной, Бурса осталась духовным центром османов: здесь проходили коронации султанов, здесь их хоронили. Кстати, в Бурсу в 1414 году прибыла первая польская дипломатическая миссия, которая, к слову сказать, вообще была первой европейской дипломатической миссией в Турцию.

С захватом в 1453 году Константинополя кончается история величия Бурсы, хотя османские правители и продолжали еще какое-то время сооружать там для себя мавзолей.

Постройки первых османских султанов в городе, по которым можно судить о благородной красоте архитектуры и искусства эпохи, сохранились до наших дней.

Самыми известными из них являются мечеть Ешил джами (Зеленая мечеть) и мавзолей Ешил тюрбе (Зеленый мавзолей). Не потому ли и Бурсу называют Зеленой Бурсой? Ешил джами, строительство которой началось при султани Мехмеде I (1413—1421) и закончилось в 1424 году, славится тем, что сочетает в себе благородство формы с великолепием цветного фаянса, которым мечеть выложена с внутренней стороны, а мавзолей — снаружи. Цвет плиток не голубой и не бледно-зеленый, а тот, что называют «морской волной». Поражаешься тому, что за столько лет «морская волна» не выцвела и не поблекла. Восьмиугольный мавзолей заканчивается остроконечным куполом, который под солнцем переливается всеми оттенками зеленого и голубого цветов. Как и Улудаг, этот мавзолей составляет неотъемлемую часть пейзажа Бурсы: его видно в городе отовсюду. Внутри мавзолея находится гробница султана Мехмеда I и всей его родни.

Замечательное прикладное искусство того времени в меньшей степени, чем это делалось при более поздних

постройках мечетей и пробиц, использовало в качестве декоративных мотивов святые изречения из Корана, но больше фантастические рисунки, навеянные воображением художника: абстрактные спирали, стилизованные цветы, сказочные животные... Одни историки искусства видят в этом влияние мусульманского индусского искусства, другие — арабского или персидского.

Интересно, что человек, чьи золотые руки вызвали к жизни весь этот сказочный мир, запечатленный на цветных керамических плитках, покоится здесь же, у одной из стен мавзолея. Его тоже звали Мехмед, но был он не султаном, а просто Мехмедом Неистовым, прозванным так за свою страсть к работе.

Я должна признаться, что гораздо большее впечатление произвела на меня другая святыня Бурсы — Улуджами (Большая мечеть), которая находится в центральной, торговой части города. Снаружи она поражает не столько своей красотой, сколько размерами, но какое же великолепие открывается, когдаходишь в мечеть! Здесь царит атмосфера какой-то безмятежной восточной мистерии. Это единственная в Турции мечеть, в центре которой бьет фонтан. Сквозь ее стеклянный купол проникает солнце, и под его лучами всеми цветами радуги играют искусно выполненные витражи и становится более отчетливой черная арабская вязь на белых стенах. А в середине мечети на пестрых ковриках — погруженные в молитву люди: они стоят на коленях, склонившись над Коранами на деревянных подставках. Кто-то из молящихся начинает жалобные причитания, и великолепная акустика разносит его голос по всей мечети. Другие, повернувшись лицом к Мекке (к михрабу — алтарю), шепчут священные слова Пророка. Когда проходишь мимо этих людей, никто не обращает на тебя внимания. Выражение внутреннего созерцания в глазах стариков, склонившихся над священным писанием, — это и есть настоящий Восток. Такому созерцанию способствует особенная атмосфера в мечети: неумолкаемое журчание фонтана, солнечный свет и строгая вязь стихов Корана на белых стенах.

А за стенами Улуджами совсем другой мир. Большой, крытый, когда-то шумный базар с характерным зазыванием продавцов, расхваливающих свой товар. Рядом с дешевыми безделушками для туристов выстав-

лены национальная одежда и ткани, широко известные махровые полотенца местного производства. У некоторых выставлены разного размера ножи — это тоже гордость Бурсы.

Прогулка по шумному базару утомляет очень быстро. Нам хочется тишины. По тихой улочке, которая подымается в гору, в старый город, мы добираемся до квартала Мурадие — пантеона первых османских султанов. Здесь в мавзолеях покоятся они сами, их жены и дети. Свое название квартал получил от мавзолея султана Мурада II, отца Фатиха, завоевателя Константинополя. Вот что написано на гробнице султана Мурада II: «Султан арабов и персов, тень Аллаха на земле, султан и сын султана Мурад, сын Мухаммеда, сын хана Баязида — да продлит Аллах его власть — приказал воздвигнуть это благородное строение». Мавзолей Мурада — строгий по форме, без всяких украшений. Прямо напротив него бьет фонтанчиком естественный источник, а за ним поднимается к небу могучий платан, достигающий у подножия пятнадцати метров в диаметре. Этому платану сейчас около пятисот лет — он был посажен во время похорон султана. Когда идет дождь, сквозь отверстие в куполе вода падает на гроб, засыпанный тонким слоем земли. Такова была последняя воля Мурада. Ибо, как утверждает ислам, дождевая вода является благословением Аллаха. С этим нельзя не согласиться: дождевая вода является благословением божьим для сухой и безводной Малой Азии. А вода, которая бьет из четырехсот источников — благословенье и богатство Бурсы.

По сравнению с простой гробницей султана Мурада, особенно пышной выглядит гробница сына Мехмеда II — султана Джема: тут и цветные витражи, и выложенные голубой майоликой стены с золотым орнаментом. Неподалеку покоится родной сын султана Сулеймана Великолепного несчастный Мустафа, коварно убитый на глазах своего отца... В этом, единственном в своем роде пантеоне, на маленьком пространстве теснится около двадцати гробниц первых османских султанов и их близких. Он утопает в зелени разлапистых платанов, уходящих высоко в небо кипарисов и расцветающих гранатовых и апельсиновых деревьев... Шумят листья, журчат ~~ключи~~ фонтаны. Здесь вас охватывает состоящие непри-

вечною покоем и безмятежным раздумья. Может быть, такой покоем в месте вечного упокоения османских владык должен был служить им вознаграждением за кровавые деяния при жизни, когда убийство брата или сына было самым обыденным делом? Интересно, что никто другой, как сын Сулеймана и Роксоланы султан Селим, который обязан тронem своему злодейски убитому брату, приказал, чтобы это кладбище-сад «уподобилось раю». Так написано при входе в Мурадие.

Сегодняшняя Бурса — это старинный драгоценный камень, застывший в своем великолепии. Однако при умелом развитии город и сегодня мог бы быть достойным своей былой славы: для этого у него данных больше, чем у любого другого города, и прежде всего — плодородная земля и обилие влаги. Бурса с ее окрестностями отличается высокой культурой земледелия и является крупнейшим центром фруктоперерабатывающей промышленности, центром шелковой, а с недавних пор и шерстяной промышленности. Прекрасное местоположение Бурсы, пышная растительность и превосходные климатические условия позволяют ей стать также привлекательным местом для туристов. Уже сейчас два уютных отеля, построенных на вершине Улудага, принимают любителей зимнего спорта. В гостинице для туристов в самом городе по трубам течет железистая вода с температурой 38 градусов по Цельсию. Еще во времена Византийской империи были известны ценные лечебные свойства многих минеральных источников Бурсы. Кажется, именно сюда приезжала ежегодно «на воды» императрица Феодора со своей четырехтысячной свитой; сохранились развалины «старой бани», в которой она купалась. В находящихся неподалеку «новых банях» XVI века течет природная семидесятиградусная серная вода. С тех пор, то есть с XVI века, в использовании этих серных источников ничего не изменилось. В женской половине бани (мужской я не видела) на стенах висят картинки, напоминающие старинные турецкие гравюры, на которых изображены женщины с детьми. В бане собираются, чтобы провести время: посидеть часок-другой в парной, искупаться в общем бассейне, посплетничать. Здесь сосредоточена своеобразная общественная жизнь. И в этом смысле тоже почти ничего не изменилось с османских времен. «Турчанки приглашают

друг друга в баню, как у нас (в Польше. — А. С.) приглашают на чай, на прогулку или на катанье, и проводят там по нескольку часов, угощают друг друга, пьют, едят, курят наргиле и трубки, красятся, наряжаются, точно так же, как в гареме», — так писал в своих воспоминаниях Владислав Яблоновский, врач по профессии, нашедший после подавления январского восстания 1837 года убежище в Турции и работавший как раз в Бурсе.

СТАМБУЛ С ИСТОРИЕЙ НА «ТЫ»

Моя первая встреча с Турцией только подтвердила представление о ней как об экзотической стране. Вечерний Стамбул, если смотреть на него из окна идущего на посадку самолета, — это сверкающий тысячами огней город из восточной сказки... Такое впечатление еще более усилилось, когда мы подъехали к городским крепостным стенам. Эти полуразрушенные зубчатые стены, которые по вечерам искусно подсвечиваются прожекторами, помнят времена римского владычества в V веке, расцвет и падение Византийской империи. И хотя город менял и властителей, и название, он уже сотни лет тому назад поставил свою неизгладимую печать на всю историю человечества. Слова «патина истории» как нельзя лучше подходят именно к Стамбулу, и это особенно бросается в глаза, когда знакомишься с городом вечером и когда темнота и искусные световые эффекты сглаживают убожество и нищету кварталов стамбульской бедноты, прилегающих к крепостным стенам.

Едва я на следующее утро вышла на стамбульские улицы, как впечатление восточного волшебства рассеялось. Я увидела перед собой беспорядочное и хаотичное нагромождение уютных старинных строений и современных дворцов, роскошь которых граничит с плохим вкусом, и оживленную пеструю и шумную толпу, похожую на пчелиный рой. Эта контрастность во внешнем облике города каким-то неуловимым образом сливается в неоднородное, но тем не менее гармоничное целое. Стамбул с двумя с половиной миллионами жителей¹ являет-

¹ В 1970 г. в Стамбуле проживало 2 248 000 человек.

ся единственным на свете городом, который расположен на двух континентах, разделенных холодными и мутными водами Босфора. Этот важный в стратегическом отношении пролив длиной около тридцати километров, отделяет в этом месте азиатскую часть города от европейской. Босфор скорее похож на широкую полноводную реку — в самом узком месте ширина его достигает всего пятисот пятидесяти метров. Но не только этим определяется географическое положение своеобразного города. Та его часть, которая находится на европейском берегу, делится бухтой Золотой Рог на старый Стамбул, расположенный, как и Рим, на семи холмах: здесь множество мечетей, прекрасные памятники византийской и османской архитектуры, и на псевдосовременные, малопривлекательные деловые кварталы Галата и Пера, которые теперь называются Бейоглу. За Золотым Рогом холодный Босфор сливается с теплым Мраморным морем, песчаные пляжи которого составляют также неотъемлемую часть Стамбула.

Что составляет неповторимую красоту Стамбула? Трудно сказать. Живописные ли кривые улочки, то поднимающиеся круто вверх, то спускающиеся вниз? А может гармония древних стен, пышной зелени и воды, омывающей город с трех сторон? История Стамбула и ныне жива в старотурецких деревянных домах с нависающими над улицей балконами. Она заложена в устремленных вверх минаретах и в куполообразных, наподобие византийских, сводах бесчисленных мечетей, которыми османские султаны украшали столицу. По сей день живо и византийское прошлое Стамбула. Если хочешь по топографии города узнать историю Византии, надо отправиться в ту часть города, которая заключена как бы в треугольнике между крепостными стенами, Золотым Рогом и Мраморным морем.

Уже в VII веке до нашей эры полулегендарный Визас, выходец из дорической Мегары, основал здесь город-крепость Византион, в котором осели греческие колонисты. Однако подлинная история Византии началась в 330 году, когда римский император Константин Великий после победы над греческой колонией на Босфоре расширил крепость и объявил ее своей столицей, названной в честь победителя Константинополем. Спустя несколько десятилетий наступил последний раздел

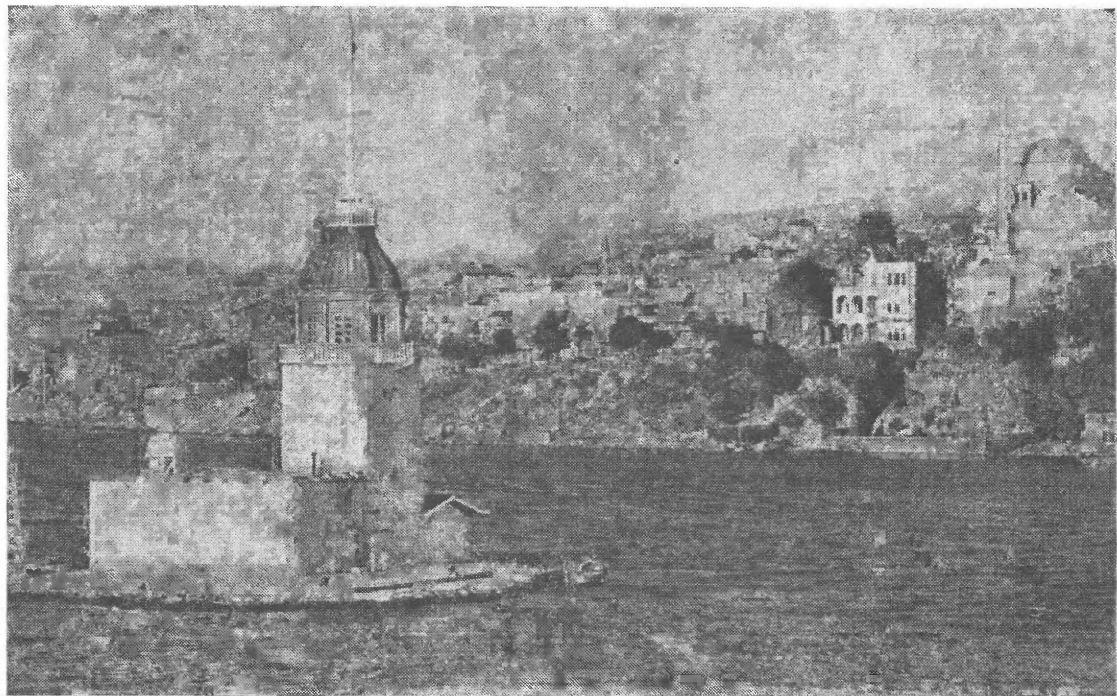
Римской империи на западное и восточное царство (последнее со столицей Константинополем), а после покорения самого Рима в 476 году германскими варварами Константинополь стал единственной столицей империи. Этот город, как когда-то Афины, а потом Рим, начал играть роль политического и духовного центра всего Средиземноморья.

Итак, Византийская империя, римская по названию и преческая по своей сущности, но остающаяся под влиянием восточной культуры, просуществовала более тысячи лет. В тот период, когда отсталая Европа переживала эпоху средневековья, здесь в «Новом Риме», то есть в византийском Константинополе, расцветали искусство и культура. По свидетельствам современников, Константинополь был самым богатым городом в мире. Необычайно сильным было влияние духовной, религиозной жизни, а также художественной культуры Византии на соседние страны. Для Восточной Европы Византия была таким же центром цивилизации, как в свое время Рим и латинская цивилизация — для Западной Европы. Таким образом, название «Новый Рим» оказалось исторически оправданным, хотя с самого момента его основания греческий язык был языком церковным, а начиная с VIII века стал и официальным государственным языком Византии вместо латинского.

Император считал себя наместником бога на земле, и он, а не папа в далеком Риме разрешал религиозные споры о двойственной или однородной природе Христа. Единственным способом избавления от такого «божественного воплощения» на земле, когда его тирания становилась невыносимой для его подданных, было убийство из-за угла. Если я не ошибаюсь, из 107 византийских императоров 65 были или убиты, или «только» покалечены и свергнуты. В своих дворцовых интригах правители широко пользовались услугами евнухов, что повторилось потом и при дворе Османской Порты, правда, в несколько иной форме...

Между тем расцветало искусство.

Секретом неповторимого совершенства византийского искусства было соединение в единое гармоничное целое греко-римских и восточных элементов, главным образом декоративных. Византийское искусство отличают богатство и яркая палитра красок, широкое использова-

Вид старого Стамбула

ние мрамора, позолоты и драгоценных камней. В погоне за эффектом, за внешним блеском византийские императоры не отказывались от украшений своих дворцов колоннами, капителями, барельефами. Расцвет искусства Константинополь пережил в VI веке, в годы правления Юстиниана и Феодоры (ее отец, родом из Фракии, ходил с дрессированным медведем), красивой и умной уличной девки, которая стала императрицей и соправительницей империи. Во времена их правления была построена прекрасная святыня Константинополя — храм Мудрости божьей (храм св. Софии, затем Ая Софья). На основе римского права был выработан Кодекс Юстиниана, который лег потом в основу кодификационных систем большинства подвластных Византии славянских провинций.

Вслед за периодом расцвета в византийском искусстве наступил период иконоборческого движения (противников картин). Почти полтора века продолжалось господство разрушителей картин. Запрещение рисовать в церквях фигуры людей длилось вплоть до 843 года. И наконец после десятков лет притеснения византийское искусство вновь переживает ренессанс, высокохудожественные картины снова нашли свое место в церквях и дворцах по всей империи, которая в годы наивысшего расцвета простиралась от Трапезонда (нынешний Трабзон) до Долмачи и от южной Сербии до Дамаска и оказывала влияние на славян Юго-Восточной Европы и на христианские секты Ближнего Востока.

И опять, на этот раз на религиозной почве, вспыхнуло соперничество между восточным и западным Римом. Ватикан никак не мог смириться со столь широко распространившимся влиянием этого центра восточного христианства. Растущая враждебность между западным и восточным христианством, выражением которой была схизма 1054 года¹, явилась одновременно и началом упадка Византии. После этого в глазах западных христиан византийцы стали только схизматиками, не заслуживающими внимания. Задолго до того, как Византию завоевали турки, ее грабили орды латинских рыцарей. К историческим стенам Византии в 1204 году прорвались крестоносцы во время четвертого крестового по-

¹ С х и з м а — церковный раскол.

хода и расправились с Константинополем более жестоко, чем турецкие приверженцы Магомета при века спустя. Разъяренные крестоносцы устроили в городе кровавую резню, обесчестили святую Софию, насилая там византийских женщин, грабили все, что попадало под руку, делали «живые» факелы из греческих священников. «Герои» четвертого крестового похода разгромили ипподром, перелили в монеты его бронзовые статуи и уничтожили все художественные ценности, кроме Коней Лисиппа, которые украшают теперь Венецию.

На захваченных землях империи основались небольшие княжества с латинянами-крестоносцами во главе. Византия сохранила свою власть только над территориями к востоку от Константинополя, главным образом в Никее и Трапезонде.

Вскоре, однако, новая опасность стала грозить Византии, на этот раз со стороны турок-османов.

Все византийские владения оказались в их руках, и только сам Константинополь и близлежащие земли еще сопротивлялись превосходящим силам турок. Положение города было безнадежным. Но, когда последний византийский император Константин IX в отчаянии обратился за помощью к папе, в Константинополе вспыхнуло восстание, потому что народ хорошо помнил 50 лет правления латинян. Это восстание было жестоко подавлено, несмотря на то что византийское духовенство поддержало призыв народа — «Лучше полумесяц, чем кардинальский пурпур, лучше турецкий тюрбан, чем митра латинян». Незначительная помощь со стороны венецианцев и генуэзцев не изменила судьбу Константинополя. 29 мая 1453 года, после пятидесятитрехдневной осады, Византия пала, чтобы никогда больше не подняться. Эту дату некоторые ученые считают началом новой истории.

Падение Византии вовсе не означало конца славы Константинополя: начинается эпоха усвоения византийского искусства. Константинополь вновь засиял под названием Стамбул как столица могущественной Османской Порты. Новое название города турки выводят из слов «ислам болу» («исповедующий ислам»), но скорее всего оно происходит от греческого выражения «из тин болин» (дословно «в городе»).

Стамбул начал приобретать восточный облик: его

заселили коренные турки — колонисты из Центральной Анатолии. Но и прежние жители города — греки, итальянцы, французы — продолжали жить в нем с соблюдением своей веры и обычаев и выплачивая соответствующую дань взамен лояльного отношения к ним новой власти.

Молва гласит, что султан Мехмед II Завоеватель, захватив город, прежде всего направился в прекрасный храм святой Софии, остававшийся символом христианства. Ужас охватил тех, кто находился в храме: ведь этот мусульманский владыка мог обезгочестить христианскую святыню, как это сделали когда-то крестоносцы. Но Мехмед II оказался более великодушным: он усмирив своих янычар, пытавшихся уничтожить бесценную мозаику и разбить мраморную лестницу. Он проявил себя также и более мудрым политиком, объявив о защите греческой церкви и назначив вскоре после завоевания Константинополя, как это делали и византийские императоры, патриарха, который и по сей день имеет свою резиденцию в стамбульском квартале Фенер. Он признал также привилегии за генуэзцами, населявшими квартал Галата.

Мехмед II не разрушил святой Софии, но превратил ее в мечеть. Стены мечети расписали изречениями из Корана, а византийские фрески и мозаику замазали тонким слоем извести, который был удален лишь в 1935 году, когда по распоряжению Ататюрка мечеть была превращена в музей, открытый для людей со всего света.

Я не была исключением из общего правила и поэтому, как только приехала в Стамбул, сразу же направилась в Ая Софию. Помню, что первым чувством, которое меня там охватило, было глубокое разочарование. Как? Это и есть чудо света, о котором я так много слышала и читала и которое как бы олицетворяет собой Стамбул? Вот эта громоздкая, нескладная, лузатая постройка грязно-желтого цвета, которая не прешит ни лепкостью, ни привлекательностью и которая вместе со своими многочисленными пристройками напоминает скорее крепость, нежели базилику?

Но стоило лишь переступить порог музея и оказать-

ся внутри, как чувство разочарования уступило место удивлению, восхищению огромными размерами, великолепием и гармонией. Трудно поверить, что ее не очень правильная оболочка скрывает в себе необъятную по размерам огромную внутреннюю часть с устремленным в небо куполом. До того как был построен собор святого Петра в Риме, святая София была самой большой церковью на свете. Не часто можно встретить такую дисгармонию между непривлекательной внешней формой и царственной красотой внутренней части. Внутри этого храма человек чувствует себя песчинкой, пылью. И при этом во всем — удивительная легкость линий и соблюдение пропорций! Можно только восхищаться развитым тогда искусством архитектуры: купол с одним окном на высоте 54 метров, сквозь которое освещается вся церковь, опирается всего на четыре колонны! Вас поражает не только архитектурное искусство, но и сказочное убранство Ая Софии: изумительные мраморные плиты с тонкими светлыми прожилками, ажурное кружевное украшение капителей, а главное — ослепляющее золото и яркие краски мозаик.

Первую базилику, которая также называлась святой Софией, но значительно меньшую по размерам, построил еще император Константин в 347 году. Она дважды горела — в 415 и 532 годах. Император Юстиниан в пору расцвета своего могущества воздвиг на месте прежней базилики великолепный храм и, когда тот был готов, говорят, воскликнул: «О Соломон, я победил тебя!» Самого императора мы видим увековеченного в мозаике у входа в храм.

Чтобы лучше понять характер этого прекрасного сооружения, надо представить себе его творца, изображенного в центре нефа, — могущественного и сладострастного деспота Юстиниана вместе с красавицей женой — распутной Феодорой в окружении высших духовных и государственных сановников. В пышных одеждах они слушают при свете сотен свечей в золотых и серебряных подсвечниках и канделябрах игру музыкантов на мандолинах, цитрах и цимбалах и пение многоголосого хора красиво одетых женщин, детей и евнухов. В годы правления Юстиниана церковь насчитывала не менее тысячи служителей, не считая многочисленных священников и епископов, которые отправляли богослужение.

среди ослепляющей роскоши собранных в храме богатств; кажется, что одни только шелковые занавеси были расшиты пятью миллионами жемчужин. От прежнего великолепия осталось не так уж много: часть мозаик и фресок, украшающие мечеть колонны. Снаружи, рядом с куполом, устремляются в небо четыре минарета. На стенах храма, рядом с восстановленными в настоящее время фресками и мозаикой, висят восемь громадных темных плит, на которых золотыми буквами увековечены имена аллаха, Магомета и шести калифов. Турки, на мой взгляд, правильно сделали, что, превращая мечеть в музей, сохранили эти плиты (насколько могли) в непротнутом виде; это является как бы наглядным символом передачи культурного наследия Византии османским завоевателям.

Ая Софья служила примером для художественного подражания османским мастерам, которые украсили Стамбул сотнями мечетей, придав ему тем самым колорит мусульманского города. Однако куполы многих из этих святынь ислама — дело рук гениального архитектора Синана — напоминали скорее круглый свод Ая Софьи, нежели прямые своды сельджукских мечетей, которые можно увидеть, например, в Конье. Красивейшие стамбульские мечети — свидетельство пятисотлетнего пребывания турок в городе — несут на себе и выразительные следы побежденной, но запечатленной в искусстве Византии.

В старом Стамбуле, наиболее колоритной части города, можно найти еще и другие — кроме Ая Софьи — чисто византийские памятники. Есть там, например, маленькая и внешне ничем не примечательная мечеть, затерявшаяся среди кривых улочек недалеко от городских стен и от Адрианопольских ворот. Она относится к V веку; сначала она называлась церковью Спасителя Хора, потом Кахрие джами, а теперь является музеем, сравнительно недавно ставшим доступным для всеобщего обозрения. К сожалению, первоначальная мозаика этого памятника, которая была не менее, а может быть, и более прекрасной, чем мозаика Ая Софьи, в большей части уничтожена. В той же, которая сохранилась, нет ни экзотичности, ни напыщенности, которые были характерны для большинства памятников религиозного искусства. Неподдельным шедевром является мозаика

с изображением св. Павла: у него вдохновенное лицо, а фалды его одежды создают впечатление трехмерности. Изумительны также фрески, запечатлевшие святых с характерными для византийского искусства продолговатыми лицами простых греков. Больше других мне запомнилась настенная фреска скорбящей Мадонны с нежным, задумчивым лицом. К сожалению, репродукции с этих фресок не продаются, а фотографировать их нельзя, потому что они являются собственностью музея. В который раз я тогда убедилась, что турки не особенно стремятся к пропаганде своих великолепных памятников.

Византийское влияние сказывается и на тех постройках, авторами которых были османские мастера. Так же как Юстиниан считал делом своей чести «одержать верх над Соломоном», «переплюнуть Юстиниана» было делом чести османских султанов. Больше других удалось это сделать самому могущественному султану — Сулейману Великолепному (1520—1566), который через сто лет после взятия Константинополя довел свою империю до высшей степени могущества.

Исполнителем замыслов и желаний Сулеймана стал гениальный архитектор Синан. Как многие другие выдающиеся личности Османской империи, он не был турком. И так же как славу османскому оружию снискали не сами турки, а главным образом сыновья христиан — янычары, так и этот величайший зодчий Османской империи был по происхождению албанцем, инженером янычарских войск, и добился большой известности как строитель мостов. Сулейман Великолепный, оценив по достоинству его талант, поручил ему и строительство дворцов и мечетей — во славу аллаха, а заодно и самого себя. За долгую жизнь (он умер в возрасте 89 лет) Синан построил более трехсот сооружений, в том числе 131 мечеть, 19 мавзолеев, 62 медресе, 33 дворца и пр.

Однако славу Синану принесла не столько его удивительная работоспособность, сколько необыкновенный талант архитектора, который развивался по мере возведения новых сооружений. Каждая его новая мечеть была великолепней и совершенней прежней. Он применил в архитектуре и свой талант военного инженера. Все его постройки продуманы с математической точностью, безошибочны в своих пропорциях, исполнены бла-

городных линий. Мне кажется, что самым его совершенным творением является последняя построенная им мечеть Селимие в городе Эдирне, названная так в честь Селима, сына и наследника султана. Она отличается ни с чем не сравнимой гармонией и чистотой формы. До сих пор остается неразгаданным секрет ее четырех минаретов: когда смотришь на мечеть издали, видишь только два минарета, но по мере того как к ней подъезжаешь, они на глазах раздваиваются и вы вдруг обнаруживаете, что их четыре.

Самым известным сооружением Синана, которым он украсил Стамбул, является мечеть Сулеймание, названная так в честь Сулеймана Великолепного. В саду при мечети два мавзолея: самого Сулеймана и его любимой жены Роксоланы. А чуть в стороне — скромная гробница того, кто создал это великолепие, — зодчего Синана.

Роксолана... роковая женщина, великая любовь Сулеймана, женщина, которая сыграла важную роль в истории империи. Она была, пожалуй, первой женщиной, которая оказывала известное влияние на политику государства. Эта прекрасная славянка, пленница с Подола, была то ли русской, то ли украинкой, а может быть и полькой, как утверждает Т. Гаштовт. Наложница султанского гарема, с детских лет наученная искусству нравиться, она пленила сердце владыки своей нежностью и красотой. Однако честолюбивой Роксолане мало было роли первой султанской наложницы, она пожелала стать официально признанной госпожой султанского двора, совладычицей империи. Но для этого ее родной сын Селим должен был сделаться наследником трона; роль первой дамы в османском государстве играла не жена султана (их могло быть несколько, и они часто менялись), а мать султана — «валиде-султан». Поэтому осуществлению планов Роксоланы мешала не столько жена султана Гюльбахар, сколько ее сын Мустафа, любимец янычар и великого везира Ибрагима.

Роксолана должна была употребить всю свою власть над султаном, чтобы убедить его избавиться от тех, кто ей мешал. Не без ее подстрекательства при султанском дворе разыгралась одна из бесчисленных кровавых трагедий, которыми так изобилует история Оттоманской Порты. Султан сначала послал на смерть своего любимца великого везира Ибрагима, хотя поклялся ему, что,

пока он жив, будет жить и он, Ибрагим. Как говорят, он повелел убить Ибрагима во сне, поскольку во время сна, по словам одного духовного лица, душа человека покидает тело и спящий человек, таким образом, не может считаться живым... После Ибрагима султан умертвил своего первенца, любимого сына Мустафу. Он позвал его к себе в шатер во время одной из военных кампаний и лично наблюдал из-за занавеса, как палачи быстро и незаметно окружили ничего не подозревавшего юношу и задушили его тетивой от лука: членов царственной фамилии можно было умерщвлять только бескровным способом.

Так красавица Роксолана заняла место первой дамы в государстве. Из наложницы она превратилась в султаншу, но по иронии судьбы так и не стала «валиде-султан», потому что умерла раньше мужа. Но мечта ее осуществилась: после смерти Сулеймана трон занял ее сын Селим II, который известен в истории под «благородным» прозвищем «султана-пьяницы» и правление которого знаменует собой начало упадка Османской империи.

Ни один турецкий султан после Сулеймана Великолепного не достиг его славы. Они превзошли его в другом — в пубности, жестокости или распущенности, в преступлениях, и особенно в братоубийстве, когда надо было сесть на трон самому или посадить на него своего любимого наследника.

«Монарх уважает и допускает братоубийство, если речь идет о троне» — прочитала я в хронике, а вернее, в собрании сказаний об истории Османской империи дервиша Ахмеда, современника султана Мехмеда II. «Врага надо убить, — писал он еще, — а потом устранить... Каждый должен беспощадно использовать те обстоятельства, которые назначила ему судьба».

Приведенное высказывание представляет собой не что иное, как гармоничное связывание в единое целое главной идеи ислама — фатализма — с уверенностью в активной роли личности в истории. И как следствие этого, убеждение в том, что судьба только обуславливает обстоятельства, а использование их — это дело самой личности.

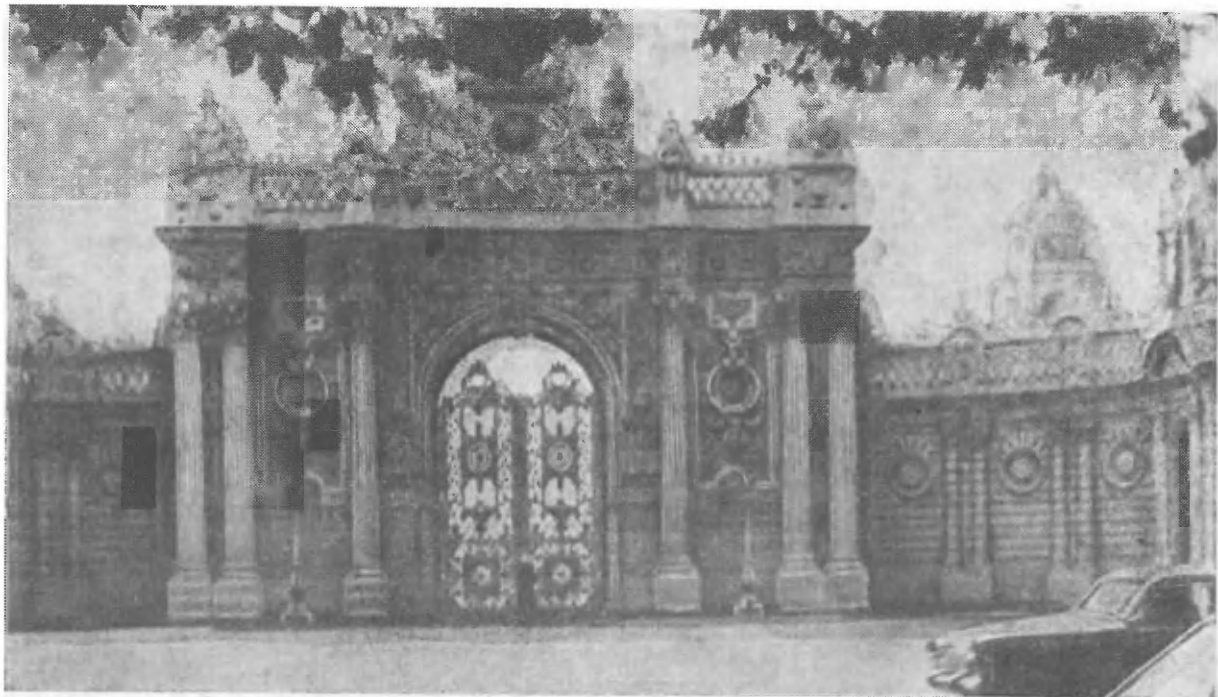
Все султаны после Сулеймана Великолепного именно так и действовали: чем дальше, тем они все более

изнеживались в роскоши гаремов и все меньше и меньше интересовались государственными делами, перекладывая их на плечи великих везиров или других фаворитов... Происходило постепенное вырождение.

Сын Селима Мурад III, имевший более сорока наложниц и большое потомство, был эпилептиком. Сын Мурада Мехмед III, заняв султанский трон с помощью все той же тетивы, убил 19 своих братьев и повелел утопить в Босфоре беременных наложниц юнца, чтобы они не родили ему соперника. Как свидетельствует его современник сэр Джон Сандерсон, у Мехмеда III был 81 ребенок. Его старший сын и наследник Ахмед I, который стал султаном в пятнадцать лет, а умер в тридцать, содержал, будто бы, гарем, в котором было около тысячи наложниц, главным образом европейек. Как пишет Икбаль Шах, из двадцати правивших султанов десять умерли загадочной смертью, четверых убили, а пятерых сначала сместили с трона, а затем убили. Что же касается наследников, то их попросту отправляли в тюрьму.

В Стамбуле есть место, где ежедневные акты жестокости и насилия можно представить себе как бы в концентрированном виде. Это — Семибашенная крепость (Еди жуле), в которой исчезли навсегда многие султаны и их близкие. В этой крепости вам покажут камеру, в которой умер Осман II. Здесь казнили османскую знать и послов иностранных держав, о чем красноречиво свидетельствуют надписи, нацарапанные на стенах на латинском, греческом, немецком и французском языках. Обыкновенный с виду колодец во дворе назывался когда-то кровавым, потому что в него бросали отрубленные головы. В юдной из камер сохранилась круглая дыра в полу. В нее, как рассказывают, тоже бросали снятые с плеч головы.

Семибашенная крепость — не единственное место в Стамбуле, известное кровавыми деяниями. Думаю, что ни один человек, оказавшись в Стамбуле, не откажется посетить старый султанский дворец Топкапы, который был резиденцией османских султанов до середины прошлого века, пока не был построен еще более роскошный дворец Долмабахче на Босфоре. Этот комплекс зданий, возведенных в разное время, образует как бы небольшой султанский городок за каменными воротами. Имен-

Долмабахче. Ворота

Но от этих дворцовых ворот — «порты» — и идет термин «Высокая Порта», обозначавший правительство султанской Турции.

Когда-то на дворцовом дворе стояли бараки янычар, с волей которых должны были считаться даже султаны (от рук янычар погибло не менее шести турецких султанов). Здесь можно увидеть специальный фонтан, в котором главный палач имел обыкновение мыть руки после исполнения своих «служебных обязанностей». Неподалеку — тюремные камеры, из них жертвы уводили на казнь, после которой отрубленные головы наиболее знатных людей насаживались на длинные шесты и выставлялись над дворцовыми стенами, чтобы их видела чернь.

Прошло много лет с той поры, но серый каменный двор остался в неизменном виде. Сохранились огромные кухонные строения, в которых еда готовилась на несколько тысяч человек, прекрасная коллекция доспехов и военного снаряжения, коллекция султанских носилок и экипажей; здесь же красуются дворцовые павильоны. Один из них воспроизводит в миниатюре багдадский дворец и сооружен султаном Мурадом IV в 1638 году в честь завоевания Багдада. Но самое большое впечатление произвела на меня сокровищница султанов, в которой собраны несметные богатства. Через какое-то время начинаешь смотреть на все эти невиданной величины бриллианты, изумруды и другие драгоценные камни, украшавшие корону, как на простые, ничто не стоящие стекляшки. Один из выставленных здесь султанских тронов целиком сделан из золота и украшен двадцатью пятью тысячами жемчужин.

Гарем... Самая таинственная и наиболее охраняемая часть султанского дворца... Рядом с гаремом с видом на Босфор и Мраморное море находятся покои матери-султанши: гостиная, столовая, спальня и молельня. В этих скромных апартаментах жила самая могущественная женщина османского государства; она правила гаремом, подсовывала сыновьям своих любимиц и не раз оказывала тем самым влияние на ход государственных дел.

Но если какая-нибудь из заживо замурованных здесь прекрасных женщин, которых можно было купить или завоевать силой оружия, мечтала о месте султанши, она должна была попасть на султанское ложе. Стоило вла-

дыке обратить свое благосклонное внимание на одну из пленниц, как ее, эту счастливую избранницу, немедленно переводили в специальные покои. И тогда она в печали и одиночестве начинала ждать, когда за первым шагом последует второй и она удостоится еще более высокой чести — войти в султанскую спальню. Если ей повезет и она станет посещать спальню регулярно, то станет наложницей и получит в свое распоряжение одну из товарок по гарему, которая будет ей так же прислуживать и так же льстить, как еще совсем недавно это делала она сама.

Каким образом удавалось поддерживать порядок в этом сборище красивых молодых женщин, отгороженных от всего мира и от мужчин? Ведь их было немало: иногда в гареме томилось несколько сотен, а то и несколько тысяч женщин.

Главным помощником матери-султанши в этом деле был начальник черных евнухов, человек неслыханно богатый и влиятельный. Он имел право брать себе в услужение евнухов и пленников. Физическое увечье делало этих людей жестокими и хитрыми, они держали весь гарем в страхе, и немало пленниц, утопленных в Босфоре, было жертвами этого могущественного человека. Для этого ему было достаточно шепнуть султану или хотя бы одному из везиров, будто та или другая рабыня пыталась, например, передать любовную записку за стены дворца.

Однако богатство богатством и влияние влиянием, а положение евнухов было незавидным. Они были искалечены физически, но в остальном оставались нормальными людьми... Монтескье в «Персидских письмах» приводит слова евнуха: «Я стенаю, удрученный бременем пятидесяти годов, проведенных в заботах и тревогах, и не могу сказать, что в течение моей долгой жизни мне выпал хоть один ясный день и хоть один миг спокойной жизни».

И все-таки судьба несчастных пленниц султанского гарема или гаремов его вельмож куда более достойна жалости. На знаменитом Крытом рынке сохранилось несколько полуразрушенных домиков, где еще в конце прошлого века шла торговля невольниками, главным образом невольницами, причем дороже всего ценились светловолосые славянки и черкешенки.

Сейчас на Стамбульском рынке не продают женщин, но в изобилии продают женские украшения. История этого рынка насчитывает почти столько же лет, что и история самого Стамбула: он был построен в 1461 году, то есть спустя несколько лет после захвата Константинополя. За это время рынок несколько раз уничтожался пожаром, а в 1894 году был разрушен землетрясением. Однако каменный свод уцелел, и пострадали только лавчонки.

В настоящее время под этим сводом на площади в 30 тысяч квадратных метров тянутся целые улочки вполне современных ларьков и лавчонок, которых, как говорят, около трех тысяч. Сразу же обращают на себя внимание витрины с ювелирными изделиями. Но стоит лишь свернуть с главной рыночной артерии и попасть в лабиринт боковых рядов (а их, по рассказам, около сотни), то можно кружить и кружить по рынку, не находя выхода. Зато при этом можно набрести на магазинчики, в которых продаются кустарные изделия из меди и серебра, керамика, расшитая золотыми нитями национальная одежда, знаменитые турецкие ковры.

Когда бродишь среди ювелирных магазинчиков Крытого рынка, понимаешь, как богат Стамбул. А совсем неподалеку от рынка, на кривых городских улочках, вас подстерегают убожество и нищета. Люди в залатанной одежде (пожалуй, здесь я впервые по-настоящему поняла, что значит выражение «заплата на заплате»), нищие дети... Перед входом во дворец Топкапы часто можно наблюдать такую картину: поздно вечером прямо на ступеньках и между деревьями укладываются на ночлег бездомные, одетые в лохмотья крестьяне, подстелив на землю лишь кусок газетной бумаги. Эти несчастные стекаются из деревень в Стамбул в надежде найти здесь хоть какую-нибудь работу и хлеб. Но как раз работу и кусок хлеба совсем непросто найти в самом большом турецком городе, в котором, по данным Промышленной палаты, сосредоточено около половины рабочих страны.

Из коробок, жестяных банок, фанеры и картона эти несчастные сколачивают себе за одну ночь развалюхи, так называемые «геджеконду» (буквально «построенные за одну ночь»); по действующему в Турции, как и в Италии, бытовому праву нельзя снести дом, если он в течение ночи возведен под крышу. Такие домишки за-

Хамал (носильщик)

нимают в Стамбуле целые кварталы, и в них ютится около полумиллиона человек. Кое-где «геджеконду» стоят по соседству с богатыми кладбищами, на которых высятся дорогие надгробия из белого мрамора. Склепы стамбульских богачей — это целые апартаменты, часто с электричеством и с расположенными рядом бассейнами проточной воды. Цена таких гробниц — от полумиллиона до миллиона турецких лир. «Если собрать весь мрамор со стамбульских кладбищ, то его хватило бы на нужды пяти таких городов, как Стамбул», — писал известный турецкий писатель Яшар Кемаль в своем нашумевшем репортаже, который он озаглавил «Дома бедняков и склепы богачей». Там же он приводит слова некоего жителя «геджеконду», который ходит за питьевой водой за километр от своего домишка: «Мертвые богачи живут во сто раз лучше нас, живых».

Два самых больших по площади и самых богатых стамбульских кладбища находятся в Ускюдаре и при мечети Эйюб джами на Золотом Роге.

Как гласит легенда, знаменосец и сподвижник пророка Эйюб Ансари был убит во время первой осады Константинополя арабами в 670 году. Место его захоронения приснилось мулле из армии Мехмеда II как раз тогда, когда турки, обложившие Константинополь, уже готовы были отступить. Воодушевленные этим видением, они штурмом взяли город. В благодарность Мехмед II повелел соорудить на том месте беломраморную мечеть, а рядом — гробницу для останков Эйюба и выложить ее голубой майоликой. Место это долгое время считалось у мусульман священным. Христианам не разрешалось даже селиться рядом с мечетью. Сейчас этот запрет снят, и все имеют право войти на широкое подворье, где среди платанов стоит мечеть, на крыше которой голуби и аисты свили себе уютные гнезда. В отличие от других храмов Эйюб джами расположена в стороне от городской суеты. У задней стороны подворья примостились ларьки и лавчонки, стоят привязанные к деревьям ослики. По всему чувствуется, что мусульмане добивались чести быть похороненными здесь, рядом с местом вечного покоя сподвижника Пророка. Об этом говорит множество белых каменных надгробий, расписанных арабской вязью. Мужские надгробия своей формой напоминают тюрбан или феску (в зависимости

от общественного положения усопшего), а на могилах женщин — цветок. На этом кладбище царит атмосфера спокойствия и безмятежности, а не печали, и потому, наверное, оно является излюбленным местом для гуляния и пикников местных жителей. Очень живописны и маленькие кладбища, затерявшиеся между деревянными, типично турецкими домами с закрытыми балконами в кварталах старого Стамбула.

Огромное кладбище Эйюб ведет на холм, на вершине которого стоит небольшой деревянный домик — кофейня, носящее громкое имя Пьера Лоти. Именно здесь, как рассказывают, сживал Лоти, любуясь красотой Золотого Рога, который он так красочно описал впоследствии. Правда, в его время Золотой Рог, наверняка, был красивее, чем теперь. Промышленные предприятия, расположившись на его берегах, навсегда погасили золотой блеск воды в этом заливе.

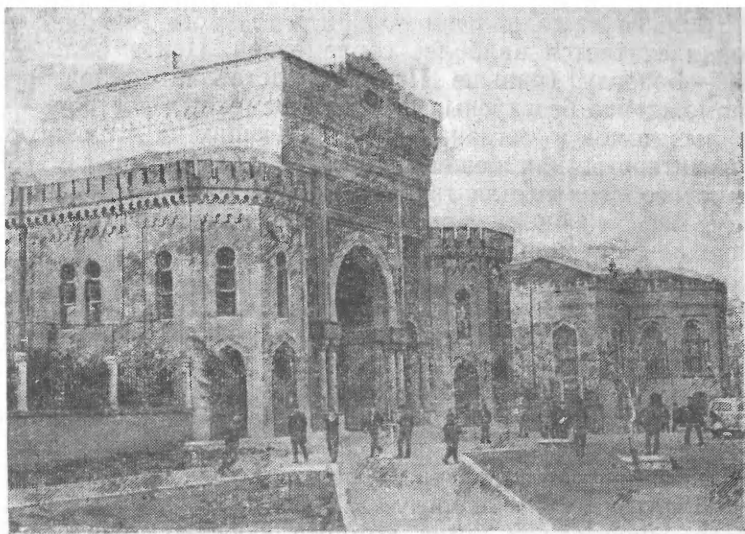
По стамбульским мечетям и другим историческим памятникам можно составить себе представление об истории города. Среди них особое место занимает белокаменная мечеть султана Ахмеда — так называемая Голубая мечеть. Она стоит напротив Ая Софьи и радует глаз своей гармонией, стройностью, лепкостью, будто бросает вызов промоздкой Ая Софье. Голубая мечеть была построена в начале XVII века и является самым прекрасным творением ученика великого Синана — архитектора Мехмеда, который, построив эту мечеть, доказал, что он достоин своего учителя. Просторная внутренняя часть мечети изумительно хороша в солнечный день, когда свет, проникая сквозь цветные витражи, отражается на разноцветных, главным образом голубых, фаянсовых плитках, которыми выложены стены, и еще более подчеркивает великолепие пестрых ковров в огромном пустом зале. Впечатление из сказки «Тысячи и одной ночи» становится особенно сильным во время полуденной молитвы, когда молящиеся начинают одновременно бить униженные (в буквальном смысле этого слова) поклоны аллаху, потом как по команде поднимаются и снова приседают на корточки.

Голубая мечеть имеет еще одну особенность, благодаря которой считается самой красивой мечетью в Стамбуле. Она имеет шесть минаретов, а не четыре. Как гласит предание, султан поручил архитектору построить

золотые (алтын) минареты, но тот неправильно понял и построил шесть (алты) минаретов... Так это было или не так, неизвестно, но только имам Мекки посчитал такое желание султана Ахмеда неслыханной дерзостью, поскольку только одна-единственная, самая дорогая сердцу каждого мусульманина мечеть Кааба в Мекке имела право иметь шесть минаретов. Дело кончилось тем, что султан приказал соорудить на собственные средства седьмой минарет в мечети Кааба в качестве «моральной компенсации». С тех пор именно здесь, в Голубой мечети, молился султан и его двор по великим мусульманским праздникам. А перед Голубой мечетью на площади Ат мейданы, где когда-то был ипподром, протекала «общественная жизнь» Византии, а потом и Высокой Порты. Здесь происходили публичные казни и праздновались великие победы... Именно на Ат мейданы в 1826 году объявили о роспуске янычарского корпуса.

На этой старинной площади больше, чем в любом другом месте, чувствуется биение пульса большого города, в котором напластования прошлого, тесно переплетаясь с современностью, соединились в гармоническое целое. История здесь не отгорожена, не заперта в музей, а дает о себе знать человеку на каждом шагу. Здесь разные эпохи переплетаются между собой самым неожиданным образом. Неподалеку от площади сохранились в хорошем состоянии римские цистерны; рядом с дворцом Топкалы — Археологический музей, в котором среди памятников греко-римской культуры выделяется беломраморный саркофаг одного из величайших полководцев древности — Александра Македонского; саркофаг украшен барельефом, воспроизводящим сцены из жизни Александра.

А на другой стороне Золотого Рога — будто совсем другой город: он более современный, без интересных исторических памятников, лишенный величия старого Стамбула. Но и здесь жизнь бьет ключом: без умолку воют корабельные сирены, кричат мелкие уличные торговцы, которые, сидя в лодках под Галатским мостом — главной артерией, соединяющей старый и новый город, — предлагают плоды своих трудов — кто рыбу, а кто персики. На нижнем ярусе моста много магазинов и маленьких кофеен, в которых, как и положено по турецкому обычаю, толкуются главным образом мужчины.

Стамбульский университет

Паромы привозят людей из предместий Стамбула, из разных маленьких городков и населенных пунктов, расположенных на другой стороне Босфора, то есть в Азии. Все это и создает восточный облик Стамбула...

Громадный дворец Долмабахче по-восточному помпезен, но лишен гармонии и благородных форм, что характерно для построек старого города. Со второй половины XIX века этот дворец являлся резиденцией султанов. Дворец Долмабахче, это огромное сооружение, напоминает своими филигранными украшениями торт, сделанный весьма искусным кондитером, который не понимал, однако, что нагромождение такого множества различных украшений является признаком не столько красоты, сколько плохого вкуса. Когда смотришь на дворец, то понимаешь, что на него не пожалели ни разноцветного мрамора, ни порфира. Огромны дворцовые залы; в тронном зале, например, хрустальные люстры весят четыре с половиной тонны! На фоне такой восточной пышности весьма скромно выглядит комната, в которой часы остановились на времени 9.05. В этой комнате 10 ноября 1938 года умер Ататюрк.

Больше всего лишена колорита та часть города, которая считается наиболее современной. Центр Стамбула — Бейоглу (раньше Перà) представляет собой нагромождение безвкусных псевдосовременных построек — жилых домов и магазинов, претендующих на столичную элегантность; как бешеные несутся автомобили по непригодным для такой езды узким и кривым улочкам, пересекающимся с центральной торговой артерией города — Истикляль джаддеси. Бросается в глаза резкий контраст между космополитическим нуворисством и плохим вкусом и красотой и благородством исторических зданий старого Стамбула. Конечно, и в этой части города есть постройки, обращающие на себя внимание если не красотой, то размерами; например недостроенное здание стамбульской оперы или американского отеля «Хилтон», роскошь которого на фоне турецкой нищеты ничего, кроме раздражения, не вызывает.

Неподалеку от Бейоглу, в лабиринте узких улочек, стоит неприметный домик, который особенно дорог сердцу каждого поляка и который относится к сокровищнице польской культуры, хотя, к сожалению, не является пока собственностью польского государства. В этом доме скончался великий польский поэт Мицкевич. Вернее, дом, в котором умер поэт, спорел в 1870 году, но уже в 80-х годах на его месте был выстроен точно такой же дом, благодаря стараниям поляка Ратынского, жившего в то время в Стамбуле. В декабре 1955 года, в столетнюю годовщину со дня смерти поэта, здесь был открыт скромный музей Мицкевича, вернее, даже не музей, а постоянная выставка вещей, оставшихся после поэта, которая устроена по проекту заместителя хранителя Краковского музея Здислава Жигульского. В подвале стоит точная копия склепа, в котором около месяца лежали останки великого поэта, а также его посмертная маска. На первом этаже и в мезонине — репродукции портретов и бюсты Мицкевича, выполненные такими мастерами, как Родаковский и Делякруа, Давид д'Анже и Дуниковский... Тут же лежат факсимиле оригинала «Пана Тадеуша» и «Дзядов», издания «Пана Тадеуша» на разных языках и много других памятных вещей поэта, среди которых портреты его «приятелей-москалей» Пушкина и Рылеева. Все это с любовью размещено в нескольких скромных комнатах и создает специ-

фическую атмосферу пиетизма, которая позволяет посетителям пережить минуты раздумья о великом деле поэта.

О том же свидетельствуют красноречивые записи поляков в книге отзывов, да и не только поляков, но и турок, и французов, и итальянцев... К сожалению, почти все писавшие подчеркивали, что оказались в этом доме случайно. О существовании этого своеобразного музея не говорится ни в одном путеводителе по Стамбулу. А вместе с тем во всех путеводителях на почетном месте фигурирует кофейня Пьера Лоти, литературный талант которого не идет ни в какое сравнение с гением Мицкевича...

Квартал Бейоглу является насквозь космополитичным. Здесь живет в основном нетурецкая промышленная и торговая буржуазия, а также мелкая буржуазия и ремесленники. Если хочешь что-нибудь купить в Бейоглу, турецкий язык знать совсем необязательно (в отличие от Анкары); для этого достаточно знать французский, греческий или испанский языки или говорить на языке сефардийских евреев, которые после изгнания их инквизицией из Испании нашли себе убежище в османском государстве. Можно говорить также по-итальянски, по-немецки, по-армянски, но чаще всего здесь слышится все-таки английский. Типичный стамбульский купец-левантиец разговаривает ежедневно как минимум на четырех языках и, по-моему, хуже всего знает как раз турецкий. Такой купец живет рядом с турками, как жили и его предки, но нередко относится к туркам свысока...

Вся многовековая история наложила свой отпечаток на космополитизм Стамбула — города, который пережил славу и не может примириться с тем, что у него отнято первостепенное положение. Пожалуй, не найдется ни одного стамбульского жителя, в том числе и турка, который так или иначе не заметил бы в разговоре, что Анкара «менее культурна». При этом ваш собеседник обязательно упомянет, что именно в Стамбуле был создан первый турецкий университет, что Стамбул остается и сейчас центром политической, духовной и экономической жизни страны. Все это, без сомнения, так и есть: именно в Стамбуле, а не в каком-либо другом городе начались студенческие волнения в апреле 1960 года, которые в конце концов привели к свержению режима

Мендереса. Стамбул — это средоточие культурной жизни страны, здесь работают лучшие турецкие театры. Это и самый большой промышленный центр, здесь активнее всего бьется пульс торговой жизни. Стамбул — это важный транспортный узел: через него проходит железнодорожная линия, соединяющая Европу с Ближним Востоком. Словом, Стамбул — это самый большой город и самый важный центр Турции. Все это правда. Но Анкара — резиденция правительства, там находится меджлис, и в Анкаре принимаются решения, которые изменяют облик страны.

Стамбул уже не столица, но его исконное очарование осталось. Оно не в главной Истикляль джаддеси с ее бестолковой суетней, а в старом Стамбуле, где атмосфера староосманской культуры в сочетании с византийской противостоит натиску современности. Переплетение этих культур живет в узких улочках, в нависающих над ними балконах старых домов. Приметы старого Стамбула — это уличные торговцы и уличные писаря, которые сменили перо на пишущую машинку, как того требует XX век. Это мужчины, часами просиживающие в маленьких кофейнях, лениво попивая кофе и потягивая наргиле... Старый Стамбул живет под сводами Ая Софьи, в феерической красоте Голубой мечети, среди голубей на крыше Эйюб джами, под куполом Сулеймание... Старый Стамбул остается на очаровательном побережье Босфора, не испорченном даже асфальтовым шоссе, вдоль которого стоят сохранившиеся деревянные виллы... Во всем этом чувствуется неповторимая атмосфера Стамбула, города, где деяния многих поколений, гений и культура многих народностей сплелись в одно нераздельное целое.

Старый Стамбул с историей на «ты», и на его фоне новый город, как выскочка, выглядит бледно. Как видно, история выполнила здесь свою миссию, если уступила первое место Анкаре, современному городу, построенному по воле Ататюрка на безводном анатолийском плато.

АНКАРА — ГОРОД АТАТЮРКА

Сегодняшняя Анкара — это город, созданный Ататюрком. Когда в апреле 1920 года он созвал в Анкаре Великое национальное собрание, которое бросило вы-

зов капитулянтской политике султанского правительства и заложило основы национального возрождения Турции, Анкара была заштатным провинциальным городком, который насчитывал немногим более двадцати тысяч жителей. Сегодня же это больше чем миллионный город¹.

Анкара лежит на болотистой, малярийной земле в самом центре выжженного солнцем анатолийского плато, в котловине между горами. Чтобы превратить этот захудалый городок в столицу, надо было, как минимум, разрешить три проблемы: осушить болота, обеспечить будущий город питьевой водой и озеленить голую степь. Казалось, что для нищей и разоренной войной страны такая задача непосильна. Однако Мустафа Кемаль, чья яркая сильная личность определила на многие годы развитие страны, сумел преодолеть эти трудности, и около старого поселения вырос современный город.

Невольно напрашивается вопрос: почему Ататюрк именно Анкару выбрал столицей новой Турции? Можно понять его желание отобрать у космополитического Стамбула честь называться столицей и перенести ее в глубь Анатолии. Но в Анатолии были и другие города, куда более подходящие для этой роли. Например, первая столица османов — прекрасная Бурса. Или первая столица сельджуков Конья, которая тоже находится в центре Анатолии, но лежит не среди голых скал, а в плодородной долине. Несомненно, на его решении отразился политический фактор: именно из Анкары в 1920 году прозвучал призыв к освободительной борьбе. Но не только это. Здесь, в окрестностях Анкары, были найдены следы великой цивилизации, насчитывающей четыре тысячи лет, — государства хеттов, о которых так любил говорить Ататюрк. Пытаясь создать представление о вечном существовании турецкого народа (хотя турки появились в Малой Азии лишь в конце XI века), вождь нации неоднократно заявлял, что турки являются прямыми наследниками хеттов. Можно предположить, что, по-видимому, не случайно два крупнейших турецких банка называются Этибанк (Хеттский банк) и Сумербанк (Шумерский банк).

¹ В 1970 г. в Анкаре проживало 1 209 000 человек.

Но каковы бы ни были причины, несомненно одно: решение Ататюрка было проведено в жизнь. Сегодняшняя Анкара — это настоящий столичный город.

Я попала в Анкару после Стамбула. Очарованной «восточной жемчужиной» Босфора, мне, помнится, пришлось пережить минуты глубокого изумления, когда я увидела Анкару — современный европейский город с широкими и чистыми улицами в центре Азиатской Турции. Впрочем, прошу прощения, не азиатской: если вы не хотите вызвать к себе недоброжелательного отношения, никогда не произносите при турке слова «азиатской». Запомните: Анкара находится не в Азии, а в Анатолии... В такой, казаться бы, мелочи, как, впрочем, и во многих других, как в зеркале отражается своего рода комплекс «принадлежности к Европе», которым страдает большинство турок, особенно из высших сфер.

По своему внешнему облику Анкара, несомненно, куда менее «восточна», чем Стамбул, и во многом лишена признаков «ориентального» колорита, который на каждом шагу чувствуется в Стамбуле. Этот город, построенный по проекту австрийского архитектора Янсона на голой земле, начисто лишен традиций.

Однако все это верно относительно новой Анкары. Чтобы составить себе полное представление о турецкой столице, надо помнить, что есть две Анкары — новая, строительство которой началось всего каких-нибудь сорок лет назад, и старая, история которой уходит в века, когда Стамбул не был еще обозначен ни на одной карте. По всей вероятности, город был заложен фригийцами в конце I тысячелетия до нашей эры и им же обязан своим названием. В конце III века до нашей эры сюда проникли галльские племена — один из редких случаев миграции с Запада на Восток. Следы этого нашествия сохранились и поныне, в деревнях под Анкарой, например, можно встретить нередко светловолосых и голубоглазых турок. Галльское племя тектосагов возвело в городе крепость и сделало его своей столицей. Когда Анкара попала в руки римлян, она стала столицей провинции Галатия и насчитывала более двухсот тысяч жителей. От тех времен в ней остались термы, колонна Юстиниана, но главный памятник эпохи — это храм Ав-

Старая Анкара

густа, на стенах которого и сейчас можно прочесть написанные по-гречески и по-латыни отрывки из знаменитого «Завещания», прославляющего подвиги императора. Относительное процветание Анкары, несмотря на многочисленные потрясения, продолжалось вплоть до VII века нашей эры.

Позднее город переходил из рук в руки, становился добычей все новых завоевателей. В 1101 году вождь крестоносцев Раймунд Тулузский завоевал Анкару и завещал ее византийцам. Однако, спустя некоторое время, в XII веке, Анкара перешла под безраздельное влияние турок, сначала сельджуков, а потом османов. Их господство лишь ненадолго было прервано вторжением в Малую Азию монгольского завоевателя Средней Азии грозного Тамерлана.

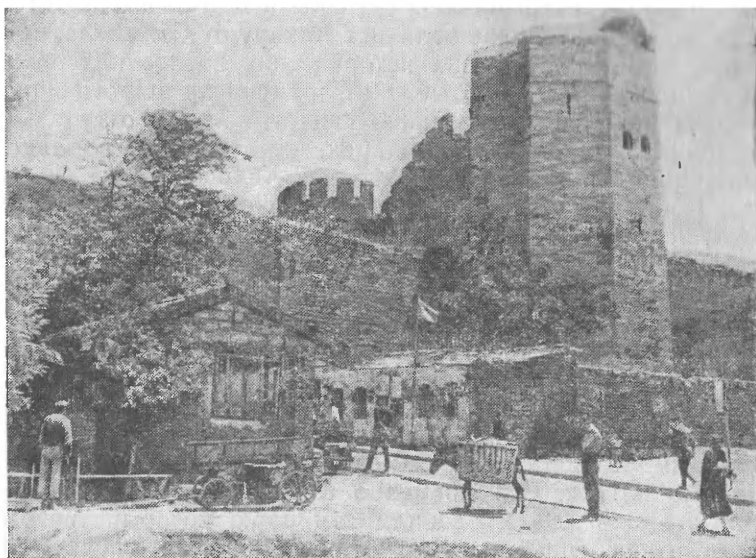
В великой (по тем временам) битве под Анкарой в 1402 году с османским султаном Баязидом I участвовало 300 тысяч воинов, а в лесах под Анкарой (сейчас их нет и в помине) Тамерлан укрывал своих слонов. Тамерлан в этом сражении одержал победу, он заключил Бая-

зида в крепость, продолжив, таким образом, еще на пол-века жизнь Константинополя как столицы.

Значение Анкары все более слабело. В середине XIX века город, который назывался тогда Ангорой, представлял собой провинциальный городок на пути из Стамбула в Персию, славившийся лишь своими ангорскими козами (кстати, теперь эта порода в Турции почти исчезла) и пушистыми белыми ангорскими котами, у которых один глаз голубой, а другой зеленый (их тоже можно увидеть лишь в анкарском зоопарке).

Старая Анкара сохранилась до наших дней почти в первозданном виде. Как и в прежние времена, лабиринт узких, крутых улочек, примыкающих к крепости, образует замкнутое целое. Об ее историческом прошлом свидетельствует, между прочим, строительный материал городских стен — каменные плиты с греческими и латинскими надписями. Но не только на городских стенах лежит налет патины. На улочках и площадях старой Анкары течет та же жизнь, что и сотни лет назад, для ее жителей время стоит на месте... Внутри анкарской крепости царит настоящее средневековье. Единственным средством транспорта, нарушающим покой людей, служит деревянная арба. Однако чаще можно видеть осликов: на одних навьючена поклажа, на других восседают мужчины в заплатанной одежде или крестьянки в цветных шароварах. Как и в далекие библейские времена, женщины приходят за водой к колодцу и, наполнив кувшины живительной влагой, исчезают в маленьких двориках, отделенных глиняной стеной от назойливых взглядов любопытных прохожих. Мои неоднократные попытки проникнуть внутрь такого дворика не сразу увенчались успехом. Турки — народ гордый и неохотно обнаруживают перед чужими людьми свою нищету. Но однажды меня все-таки впустили в один из домиков, построенный из глины и старых досок. Если знать, в каких примитивных условиях живут здесь люди, то поражает чистота и во дворе, и в комнатах, где чашенько кроме нескольких килимов¹ ничего больше нет. Впрочем, даже в самых бедных домах в Турции, как правило, поразительно чисто. Не происходит ли это от

¹ К и л и м — ковер, палас.

Анкарская крепость ·

обычая снимать обувь перед входом в дом, который свято соблюдают как домочадцы, так и гости?

Старая Анкара приворожила меня с первой же минуты, и я при каждом удобном случае шла в крепость или поднималась на холм Тамерлана, сплошь застроенный «геджеконду». Гроза или ливни, которые здесь особенно часты поздней весной, смывают эти постройки и начисто лишают тысячи людей крыши над головой...

Когда гуляешь там по узеньким улочкам, как-то забываешь, что столица находится буквально у тебя за спиной. Жители старой Анкары очень похожи по внешнему облику на крестьян любой азиатской деревни. Оборванные веселые ребяташки при виде чужака сразу же бросают свои игры и окружают его в ожидании бакшиша, а прощаются неизменным «гуд бай», поскольку для них всякий чужак — американец.

Такова старая Анкара, которую роднит с новой только общее название. Обе части города всего лишь сосуществуют, не накладывая никакого отпечатка одна на другую. Европейская современность граничит с типич-

по степной восточностью, а не с левантийской, как в Стамбуле. И это тоже отличает Анкару от Стамбула, города, который вырос на исторических наслоениях эпох и цивилизаций. Лишь время от времени на широких артериях новой Анкары можно увидеть «людей оттуда» — женщин в широких шароварах, крестьянина, продающего фрукты, или босых ребятишек.

Чтобы создать современный город, обращенный в будущее, надо было преодолеть не одно препятствие. И прежде всего нужно было построить дороги. Анкара соединялась со Стамбулом лишь старым шоссе, пролежавшим серпантином между гор. На всей территории, отведенной под строительство нового города, надо было осушить малярийные болота. И наконец, обеспечить будущую столицу питьевой водой — для этого на севере Анкары в небольшой котловине между гор возвели плотину на искусственном озере, в которое стекались водные потоки. Одновременно горные окрестности озера засадили лесом, разбили там парк, который теперь стал излюбленным местом отдыха жителей города.

В 20-х годах Анкара представляла собой огромную строительную площадку. В 1927 году Ататюрк утвердил генеральный план застройки города, рассчитанного поначалу на 350 тысяч жителей. И как грибы после дождя стали вырастать кварталы этого в основном чиновничьего города: поднимались здания министерств и учебных заведений. Однако жить в удобно спланированных светлых домах оказалось не по карману даже высокооплачиваемым турецким чиновникам, которые являются, можно сказать, аристократами по сравнению с нищенски живущими рабочими. В этих красивых домах живут главным образом американцы, которых в Анкаре полным-полно, потому что здесь размещаются штаб-квартира СЕНТО, Центр по оказанию американской помощи Турции, главный штаб «союзных войск». В этих домах живут сотрудники американского посольства, персонал которого насчитывает более ста человек.

У американцев в Анкаре все свое: офицерский клуб (рядом с президентским дворцом), кинотеатр, целая сеть магазинов (впрочем, американские товары всегда можно купить на «черном рынке»), автобусы, на которых возят детей в школу и служащих к месту работы. Все это, естественно, не вызывает у местного населе-

ния симпатий к американцам. В 1966 году в Анкаре были построены два высотных здания, похожие друг на друга, как близнецы; в одном открыли дорогие магазины, клуб и рестораны, в другом разместился роскошный отель. Если судить по ценам в обоих, то и они рассчитаны тоже на американцев.

Американцы называют Анкару «Явашингтон» (от турецкого слова «яваш», что значит «медленно», «не спеша»). И это довольно меткое название, особенно если иметь в виду, что Анкаре так же далеко до Стамбула, как Вашингтону до Нью-Йорка. Конечно, спешка — не в характере турок, однако темпы строительства новой Анкары никак не вяжутся с медлительным обычно разрешением любого дела в этой стране.

У Анкары нет единого лица, но зато она построена с размахом. Город вырос на голом месте, но весь обращен в будущее, и это свидетельствует лишь о том, что, когда энергия турок направлена на удовлетворение собственных потребностей, они могут работать быстро и прекрасно. Сегодняшняя Анкара — это как бы город «на вырост». Здания официальных учреждений, особенно межджиса, непомерно велики, улицы шире и значительно чище, чем во всех других турецких городах. Гулять в солнечный день по просторным бульварам — одно удовольствие, потому что дышишь горным воздухом. Главная столичная артерия — бульвар Ататюрка длиной в семь километров — проходит через весь город от холма Чанкая, на котором находится дворец президента и большинство посольств, до шоссе, идущего через мрачные голые скалы к новому благоустроенному аэродрому, как две капли похожему на стамбульский.

Если смотреть на Анкару с высоты птичьего полета, она предстанет перед вами маленьким островком городской цивилизации, затерянным среди азиатского степного плоскогорья. Ее не опоясывают предместья, как, например, Стамбул; сразу же за городскими постройками здесь начинаются скалистые холмы. Исключение составляет лишь известная образцовая ферма, основанная Ататюрком. Ее плодородие, обилие зелени будто бросают вызов диким, угрюмым скалам, окружающим Анкару. А в самом городе зеленью можно любоваться в Молодежном парке с его причудливым прудом и в садах при некоторых посольствах. Несомнен-

Новая Анкара

но, самый разросшийся парк принадлежит польскому посольству, в котором стоит трехсотлетний дуб — самое старое дерево Анкары.

Новая Анкара может служить наглядной иллюстрацией чувства собственного достоинства ее создателя — Кемаля Ататюрка, как и его огромный мавзолей — место его вечного упокоения. Согласно последней воле «отца турок», его останки были перенесены в столицу. Сначала из-за отсутствия более подходящего места они находились в Этнографическом музее. Потом на холме, господствующем над городом, был выстроен мавзолей по проекту турецкого архитектора Эмира Оната. Строгий по форме, мавзолей высечен из желтого камня и ничем не напоминает богато украшенные гробницы мусульманских султанов. Некоторые сравнивают мавзолей Ататюрка с Парфеноном. Широкая длинная аллея, которую как бы стерегут при входе гранитные неохеттские львы, создает у посетителя впечатление монументальности. Сама же гробница Кемаля — это просторный четырехугольный храм, построенный в неоклассическом стиле. Говорят, что гроб президента весит 40 тонн: он сделан из одного куска красного мрамора с черными прожилками. Его строгие прямые линии тоже как бы подчеркивают величие «отца турок».

ВЕЧНО ЖИВОЙ АТАТЮРК

Культ Ататюрка царит в Турции всюду. Это своего рода табу, против которого редко кто отваживается выступить; молчат даже те, кто не признает некоторые пункты его программы, например лаицизм. Одним из проявлений этого культа является бесчисленное количество памятников «отцу турок» не только в Анкаре, но и по всей стране. Каждая уважающая себя местность имеет «своего» Ататюрка, ну и, конечно, со стен любого официального учреждения, кофейни или магазинчика на вас неизменно смотрит характерное лицо Кемаля с суровым взглядом пронизательных глаз.

В чем заключается выдающаяся роль главы турецкой национальной буржуазии Ататюрка? Почему его называют «отцом» новой Турции?

Чтобы лучше это понять, надо представить себе то время, когда он выступил на исторической арене.

Шел 1919 год. Крах Османской империи, союзницы Германии в первой мировой войне, казался неминуемым. Единственным генералом султанской армии, который не только не знал поражений, но и одерживал победы, был некий Мустафа Кемаль, сын мелкого чиновника из Салоник. Это он в 1915 году отбросил под Галлиполи английский экспедиционный корпус, что и было единственной победоносной операцией османской армии. Успешное проведение галлиполийской операции, с одной стороны, принесло Кемалю известность и продвижение по службе, а с другой — вызвало весьма ревнивое отношение к нему других султанских генералов. За этой победой последовала отправка его в качестве инспектора в отдаленные восточные провинции для контроля за демобилизацией остатков османских войск. Прибыв в Самсун 19 мая 1919 года, Кемаль вопреки приказу султана, опираясь на стихийно возникшее тогда партизанское движение народа, начал организовывать первые группы сопротивления. Он собирает в Сивасе патриотов, которые пробирались туда по горным тропкам под носом у султанских жандармов. Султан же по настоянию своих английских хозяев назначил крупную сумму за голову непослушного офицера. Однако заключенный в 1920 году Севрский мирный договор, который узаконил крушение и раздел Османской империи, потряс всю страну. Условия этого договора были значительно тяжелее тех, которые союзники навязали побежденной Германии. Если бы Севрский договор был претворен в жизнь, Турция стала бы крохотным государством, ограниченным Стамбулом с окрестностями и частью Анатолии и целиком зависящим от союзников, к которым относились наиболее богатые провинции Османской империи. Киликия и часть Центральной Анатолии должны были отойти к Франции, Южная Анатолия — к Италии, а Западная Анатолия с Измиром — к Греции. Восточная же часть страны переходила к армянам и курдам. Однако в тот момент, когда союзникам удалось навязать свои условия послушному правительству султана Мехмеда VI Вахитэддина, на просторах Анатолии взошли ростки новой армии и нового национального государства. Суровый голос Кемалю, призывавший к борьбе за независимость Турции, дошел до самых широких масс...

Турция... Турки... Новое, доселе неизвестное понятие.

Словом «турок» богатые османцы пренебрежительно именовали крестьян из Анатолии. Себя же они называли османами. «Турок» в их понимании означал также «неотесанный», «невежественный» человек. Ататюрк первым вернул достоинство слову «турок». В стране возникло нечто вроде народного ополчения, в котором приняли участие даже женщины, до тех пор не видевшие ничего дальше «гаремлика», то есть женской половины дома.

В той освободительной войне, в которой надлежало решить вопрос о том, «быть или не быть» турецкому государству, бедно одетая и плохо вооруженная, в основном крестьянская, армия Кемалья сумела одолеть непобедимые до сих пор армии союзников. Не только французскую и итальянскую, оккупировавшие значительную часть Южной Турции, не только англичан, стоявших под Стамбулом и занимавших ключевые позиции в городе, но и греческую армию, которая на плечах Антанты высадила десант в Смирне, в городе более чем наполовину греческом, и продвинулась в глубь Анатолии. Кемаль, сам командовавший турецкими войсками, разбил греков на реке Сакарья (август — сентябрь 1921 года) и за это Великое национальное собрание присвоило ему титул Гази, то есть победитель. Турецкие войска в результате тяжелых боев освободили и сожгли Смирну. Победу увенчал Лозаннский договор 1923 года, явившийся триумфом Исмет-паши, искушенного политика и самого близкого соратника Кемалья. После этого Турция, расчлененная Севроким договором, обрела необходимые условия, чтобы существовать как независимое государство: она перестала быть полуколонией, поскольку была ликвидирована система капитуляций¹ и международный финансовый контроль.

За Турцией остались Малая Азия и часть Европы. Надо отдать должное разумной политике Кемалья: Гази, который благодаря своим военным успехам стал идиологом народа, не питал планов территориальной экспансии. Раз и навсегда он похоронил какие бы то ни было иллюзии об «империи, в которой не заходит солнце», о господстве над арабскими территориями, бывшими некогда осман-

¹ Капитуляции — особый вид неравноправных договоров, фиксирующих привилегированный режим для иностранцев.

скими владениями... Он также решительно отверг теории сторонников пантюркистской идеологии младотурок, по мнению которых Турция должна была претендовать на все территории, где говорят на тюркских языках... Кемаль знал, что единственным союзником Турции в освободительной войне была Советская Россия, помощь которой в большой степени способствовала достижению победы. И вопреки сумасшедшим идеям пантюркистов Кемаль в 1921 году заключил с Россией Договор о дружбе и братстве, который еще больше укрепил независимость Турции; советское правительство освободило Турцию от всяких денежных и прочих обязательств по договорам, заключенным ею с царской Россией. Через несколько месяцев после этого Турция заключила дружественные договоры и с советскими Закавказскими республиками.

Ататюрк отбросил всякого рода опасные экспансионистские планы и взялся за создание нового государства на землях, населенных преимущественно турками. Перед ним встала серьезнейшая задача вдохнуть в создаваемое государство новое содержание: перенести азиатского турка, жившего еще в условиях средневековья, в XX век и провести необходимые реформы, которые позволят превратить Турцию в современное государство. А для этого в первую очередь надо было изменить политическую структуру государства.

29 октября 1923 года Турция была провозглашена республикой. Ее первым президентом стал Мустафа Кемаль, а премьер-министром Исмет-паша. Тридцать седьмой по счету, последний султан Мехмед VI покинул Турцию на английском крейсере. Султана не стало, но оставался халифат, то есть духовное управление над всеми мусульманами. До сих пор функции халифа (не что вроде мусульманского папы) выполнял сам султан, а после его низложения — член султанской фамилии Абдул Меджид. С той минуты, когда был свергнут султан, халифат превратился в единственную опору и оплот феодальной антиреспубликанской реакции. И тогда Кемаль решился на серьезный шаг. По его инициативе Великое национальное собрание Турции 3 марта 1924 года приняло закон об упразднении халифата и высылке из страны всех членов османской династии.

Нельзя понять всей важности этого шага, если не

знать, какое место занимал ислам в жизни турецкого народа. Ислам был не только религией, но одновременно моральной и правовой системой, охватывавшей все области общественной жизни: чувство религиозной принадлежности было куда более сильным, нежели чувство национальной принадлежности. Немусульманин не мог считаться турком; он жил рядом с турками, но был отделен от них словно стеной. Отождествление с исламом в Турции шло значительно дальше, чем в арабских странах. Если, например, существуют арабы-христиане, то представить себе турка-христианина просто невозможно. И даже в настоящее время, когда Турция как светская республика насчитывает уже более сорока лет, немусульманин, хотя он и пользуется всеми правами гражданства, в глазах общественного мнения все равно не турок...

Значение ислама особенно сильно проявлялось в правовой области. Мусульманское право (шариат) регулировало все области жизни в Османской империи. Власть кадия (судьи) была высшей властью. Он был представителем закона и в отличие от судьи в арабских странах не уступал светской власти ни одной из своих прерогатив.

Упраздняя халифат, Мустафа Кемаль, таким образом, наносил первый удар по организованной системе мусульманской ортодоксии. Вслед за этим наступила очередь таких мероприятий, как упразднение шейхуль-ислама и муфтия, министерства по делам шариата и вакуфов и закрытие специальных духовных школ — медресе. В соответствии с новой, республиканской конституцией законодательная власть стала исключительно прерогативой Великого национального собрания, а функции суда передавались судам гражданским. В 1928 году из турецкой конституции был исключен параграф, который гласил, что «государственной религией Турции считается ислам». С тех пор Турция является единственной светской республикой среди мусульманских государств.

Соответственно с изменениями государственной системы произошли и изменения в правовой системе. В 1926 году Турция приняла новый, выработанный по швейцарскому образцу гражданский кодекс, который упразднял многоженство. За гражданским кодексом последовал новый уголовный кодекс, основанный на

итальянском, и коммерческий кодекс, образцом для которого послужил немецкий, а также были утверждены новые принципы гражданских и уголовных процедур. Вся эта современная правовая система прокладывала дорогу буржуазному развитию Турции. За два года Кемаль сделал в этой области значительно больше, чем все османские реформаторы за столетие. Естественно, что все эти нововведения должны были вызвать реакцию со стороны оппозиционных религиозных элементов. Однако Кемаль не отступил. Наоборот, следующим его шагом была ликвидация дервишских монастырей — текке. Летели головы его бывших близких соратников, но Кемаль, действуя по-диктаторски и опираясь на армию и на единственную созданную им Народно-республиканскую партию, провел ряд реформ и в области быта, в частности ввел ношение европейских головных уборов и европейской одежды.

Феска, которую турки носили чуть ли не сто лет, была для Ататюрка «символом фанатизма, невежества, ненависти к прогрессу и цивилизации»; он объявил ей войну. В понимании же правоверных феска была символом мусульманской ортодоксии. Ношение фески, этого головного убора североафриканского происхождения, вместо тюрбана ввел султан Махмуд II в 1828 году. Тогда ему это далось тоже нелегко, поскольку против фески выступил сам шейхуль-ислам на том основании, что она якобы запрещена Кораном. И вот, спустя неполных сто лет, Кемаль снял феску с головы турка, несмотря на то что теперь шейхуль-ислам выступил против шляпы. Однако железная воля Кемаля победила, и в 1925 году специальным законом было введено ношение европейских головных уборов. Как пишет в своих воспоминаниях об Ататюрке один из известных турецких журналистов и соратников Кемаля Фалих Рыфки Атай, турки, сняв феску, предпочли носить котелок из-за его круглой формы. А один из депутатов меджлиса предложил даже вышить на котелках герб — полумесяц со звездой. Однако очень скоро непререкаемый авторитет Кемаля одержал верх, и в обиход вошли нормальные европейские шляпы. Лишь на юге страны можно и теперь иногда встретить тюрбаны, а фески можно купить лишь в магазинчиках, где продаются сувениры для туристов.

Что касается женской одежды, то Кемаль был здесь менее риторичным. Он очень резко выступал против чаршафов, которыми турчанки из средних и высших слоев закрывали лицо перед чужими мужчинами, однако не запретил их ношение законом. Как видно, даже его бесспорного авторитета было недостаточно, чтобы убедить мужчин позволить своим женам открыть лица. Правда, не исключено, что в этом сыграли свою роль и личные взгляды Кемалья, усвоенные им в родном доме. Как свидетельствует все тот же Фалих Рыфки Атай, Кемаль в отношении женщин был очень ревнивым, настоящим «восточным» мужчиной. Он, например, считал, что они не должны покрывать ногти лаком и не допускал мысли, что турчанка может выйти замуж за иностранца. Однако и здесь его разум взял верх над чувствами. Кемаль понимал, что раскрепощение женщины и отношение к ней как к равноправному члену общества являются необходимым условием развития и модернизации страны. Он не снял чаршафа силой, но сделал нечто более существенное: он предоставил женщинам равенство с мужчинами не только в сфере семейных отношений. В 1930 году турчанка получила сначала право выбирать, а затем и быть избранной в парламент страны.

Важным шагом Ататюрка на пути европеизации страны была отмена мусульманского календаря хиджры (в основе его отсчета лежит время переселения Мухаммеда из Мекки в Медину) и введение европейского григорианского календаря. Одновременно с этим вводилась и международная система времени; до этого началом нового дня считалось наступление сумерек. Обязательным днем отдыха вместо священной для каждого мусульманина пятницы было признано воскресенье. После этих реформ оставалось только одно звено в цепи, связывающей Турцию к Востоку, — арабская письменность. Кемаль решился порвать и это звено. Первым шагом на этом пути было введение международной цифровой системы, а затем наступила очередь замены арабского алфавита латиницей. Как раньше в борьбе с фесками, так и теперь, в 1928 году, Кемаль начал кампанию с присущими ему энергией и динамизмом, пустив в ход собственное влияние и авторитет. И сейчас еще можно услышать рассказы очевидцев о том, как «отец турок», вооружившись доской и мелом, разъезжал по

турецким провинциям и обучал народ новому письму и что его примеру последовали тогда премьер-министр и другие высокопоставленные государственные деятели. Вскоре вся Турция превратилась в одну большую школу в прямом смысле этого слова. Был принят закон об обязательном употреблении латинского алфавита и запрещении писать по-арабски. Все государственные чиновники обязаны были сдать экзамены по новому письму.

Очередной реформой, которая помогла усовершенствовать государственную администрацию, явилось введение фамилий. До этого у турок были только имена, что весьма затрудняло какой бы то ни было учет. Теперь каждый гражданин обязан был выбрать себе фамилию при соблюдении одного лишь обязательного условия: чтобы в границах одного вилайета она не повторялась дважды. Как правило, члены одной семьи принимали одну общую фамилию. Исмет-паша, победитель греков при Иненю, взял себе в качестве фамилии название этой деревеньки. Мустафе Кемалю Великое национальное собрание присвоило почетную фамилию Ататюрк (отец турок).

В 1923 году Ататюрк вместе с Иненю создали на базе патриотических организаций национальной буржуазии, существовавших во время освободительной борьбы, Народно-республиканскую партию, которая стояла у власти в течение двадцати семи лет. В 1931 году Третий съезд партии утвердил новую программу, включавшую шесть принципов, выражающих квинтэссенцию идеологии кемализма: республиканизм, национализм (который понимается как патриотизм; наши европейские термины не совсем адекватны турецким), народность, этатизм, лаицизм и реформизм, или революционность (смысл последнего понятия, которое также переводится по-разному, заключается в стремлении к проведению бескровным путем существенных перемен). Названные шесть принципов, или шесть стрел, были включены в новую конституцию 1937 года, для которой образцом послужили европейские либеральные конституции.

На том же съезде Ататюрк провозгласил свой известный лозунг: «Мир в стране, мир во всем мире!», который теперь весьма охотно и часто повторяется как выражение миролюбия турецкого государства. Что озна-

чал и означает этот лозунг для внутренней жизни страны? Миф о классовом мире и даже отрицание самого существования классов. Реформаторство Ататюрка ставило своей целью модернизацию страны, переход от полуфеодальных норм общественной жизни к буржуазным. Однако оно ограничивалось сферой бытовых и правовых отношений, просвещения и культуры и на деле коснулось главным образом национальной буржуазии, армии и связанных с ней кругов новой интеллигенции и бюрократии. Всякая мысль об общественных реформах, которые нарушили бы имущественные отношения, была Ататюрку чужда, и с поборниками таких взглядов он расправлялся беспощадно. Он ликвидировал даже возникшие в первые годы существования республики независимые профсоюзы и превратил их в «желтые союзы», подчиненные его полицейскому аппарату. Ататюрк закрыл полулегальные коммунистические газеты, объявил вне закона существовавшую недолго коммунистическую партию и в 1921 году жестоко расправился в Трабзоне с ее руководителями. Кемаль не затронул положения деревенских кулаков — ага, нещадно эксплуатировавших крестьянскую бедноту. Правда, он несколько смягчил положение крестьян: была отменена подать, взимаемая ага в размере 75 процентов урожая, и заменена денежным налогом. Внесенная в конституцию 1937 года поправка относительно выкупа у помещиков земли и наделения ею безземельных и малоземельных крестьян тоже несколько изменила их положение. Административным путем и за высокую плату было выкуплено тогда около 130 тысяч гектаров земли, то есть около половины процента обрабатываемых земель. Нищенское существование турецкого крестьянина, прозябающего в клещах эксплуатации и живущего в условиях, недостойных человека, не стало лучше ни при жизни Ататюрка, ни после его смерти.

А рабочий класс? В 1936 году Великое национальное собрание приняло первый в истории страны Закон о труде, которым вводился восьмичасовой рабочий день с одним выходным днем в неделю и разрешались три сверхурочных часа работы в день для рабочих старше шестнадцати лет. Однако этот закон в значительной степени остался на бумаге... Точно соблюдается только одна статья закона — о запрещении забастовок, явившаяся

тормозом борьбы рабочих за экономические требования, широко охватившей Турцию в 30-е годы.

Но вместе с тем принятие подобного закона с несомненностью свидетельствовало о растущей роли рабочего класса в новом турецком государстве, которое именно в те годы приступило к развитию национальной промышленности.

Несмотря на классовую ограниченность реформ, изменения, которые произошли в Турции благодаря Ататюрку, явились большим шагом вперед в борьбе за модернизацию и развитие страны. Диву даешься при виде того, как много сумел сделать этот человек за свою недолгую жизнь; у него была железная воля, но очень плохое здоровье. Как пишет Фалих Рыфки Атай, Кемаль с юности страдал от болезни почек, которая особенно дала о себе знать в Самсуне в 1919 году, когда ему через каждые несколько часов приходилось принимать теплые ванны. В 1924 году у Ататюрка был первый сердечный приступ. Три года спустя, когда он впервые после окончания войны приехал из Анкары в Стамбул, у него случился инфаркт. Однако вопреки запрещениям врачей он продолжал работать по ночам и пить. К больным почкам и больному сердцу прибавилось тяжелое заболевание печени. В марте 1938 года наступило резкое ухудшение. Тяжело больной и неработоспособный, он проводил время либо на специально построенной для него яхте на Босфоре, либо в бывшем султанском дворце Долмабахче. Он собирался приехать в Анкару на празднование пятнадцатой годовщины Республики 29 октября 1938 года. На стадионе для него даже построили специальный лифт на трибуну. Однако состояние здоровья не позволило ему выехать из Стамбула. В день праздника молодежь собралась у дворца, чтобы поздравить своего вождя. Собрав последние силы, Кемаль подошел к окну и со слезами на глазах произнес: «Этот праздник и завтрашний день принадлежат вам. Прощайте!» Вскоре наступила агония. 10 ноября 1938 года Ататюрк последний раз открыл глаза и спросил, который час, но ответа уже не услышал... Когда он умер, ему было всего 56 лет.

Недолгий период деятельности этого великого ре-

форматора и выразителя интересов турецкой национальной буржуазии наметил пути развития страны на десятилетия вперед. Его яркая индивидуальность наложила свою печать на всю дальнейшую политическую жизнь. Все, что мы называем прогрессивным в Турции, делается и сегодня под знаменем кемализма.

Вопрос в другом: насколько глубоко его реформы изменили жизнь общества? Чтобы правильно на него ответить, надо помнить, как незначительна в Турции прослойка образованных людей и как развито в характере турок повиновение властям. К примеру, закон о запрещении носить феску, за нарушение которого грозило наказание, выполнялся безоговорочно. А что еще? Пожив какое-то время в этой стране, вы начинаете понимать, каким непрочным является налет современности на мощном древе традиций. Реформы Ататюрка коснулись ведь только образованных слоев общества. Причем и в них влияние традиций еще очень сильно... Среди простых же людей реформы совсем не прижились. Неукоснительно соблюдается лишь нововведение «отца турок», по которому чиновник обязан в присутственном месте принимать несколько посетителей одновременно. Я убедилась в этом сама, когда пришла уладить какое-то пустяковое дело в провинциальный муниципалитет. Такой прием весьма затруднял возможность «дать на лапу», но искоренял ли он традиционный «бакшиш»? Весьма в этом сомневаюсь. И уж коль скоро я заговорила об этом, мне хотелось сказать несколько слов о турецкой бюрократии. Здесь очень популярен такой анекдот: когда турка спросили, что бы он взял с собой на тот свет, он ответил: «Шесть паспортов, шесть фотографий и почтовые марки по десять турецких лир». Чтобы помочь простому жителю преодолеть бюрократическое крючкотворство, в Анкаре с 1967 года существует специальное справочное телефонное бюро. Вы набираете «08», и четырнадцать опытных служащих отвечают, куда именно следует обратиться с той или иной просьбой, сколько надо наклеить марок, если вы хотите, чтобы ваша просьба хоть когда-нибудь была рассмотрена...

Даже с новым календарем и то не все считаются. Время от времени в прессе и в официальных изданиях встречаются даты по хиджре. Помню, например, я узнала из газет (дело было в конце 1962 года), что только

что назначенный новый губернатор Анкары родился в 1330 году. А просматривая в день выборов списки избирателей в некоторых избирательных округах столицы, я обнаружила, что довольно много жителей Анкары (а в старой Анкаре почти все поголовно) родилось в... первой половине XIV века. То же происходит и с фамилиями. У всех жителей Турции есть фамилии, но права гражданства они еще не завоевали и употребляются весьма редко, как простой привесок к имени. Даже официальные лица чаще называются по имени с добавлением «бей» (господин) или «паша» (генерал), а генералов в Турции немало...

Что ж, удивляться этому не приходится, если вспомнить, сколь непродолжительным был период диктаторского проведения в жизнь гражданских реформ по сравнению с вековым господством мусульманских традиций. И сколь поверхностны были эти реформы: они ограничивались в основном сферой бытовых и религиозных отношений, без нарушения имущественных и социальных. А ведь именно бытовой и религиозный консерватизм опирался и опирается до сих пор на консерватизм в общественной жизни.

«ДЕМИР КЫР АТ»

Это непривычное для читателей сочетание — просто искаженное слово «демократ» (по-турецки «демократический»). Демократ партиси значит Демократическая партия, которая в течение десяти лет, начиная с 1950 года, правила Турцией и которая далеко отошла от принципов лаицизма и этатизма.

Поскольку для безграмотного турецкого крестьянина слово «демократ» звучало довольно абстрактно, он переделал его на свой лад и выговаривал как «демир кыр ат», что означает «железная белая лошадь». Такое понятие было для него значительно ближе, тем более что в народных баснях и анатолийских легендах часто говорится о необыкновенной белой лошади, которая при рождении имеет цвет темного железа.

Как могло случиться, что через двенадцать лет после смерти «отца турок» к власти пришла партия, отступившая от его принципов?

После Мустафы Кемаля его место занял Исмет Иненю, соратник Ататюрка по оружию и руководству Народно-республиканской партией. Этот опытный политик, который сумел в 1923 году в Лозанне выторговать для Турции такие выгодные условия, в годы второй мировой войны так ловко маневрировал турецкой политикой, что страна осталась от нее в стороне. Гитлеровская пропаганда имела здесь широкое поле деятельности. Турция снабжала Германию сырьем и разрешала проход немецких кораблей через проливы, а накануне нападения Германии на Советский Союз даже заключила с ней Договор о дружбе и ненападении. После поражения немцев под Сталинградом ход войны изменился, и Турция, как говорится, «без пяти минут двенадцать» объявила 23 февраля 1945 года войну Германии, что позволило ей занять место в Организации Объединенных Наций наравне с государствами антигитлеровской коалиции.

А что было после войны? Несмотря на успехи Исмета Иненю во внешней политике, его авторитет внутри страны заметно пошатнулся. В оппозиции к его правительству стояла нетурецкая буржуазия, а также значительная часть окрепшей за годы войны национальной буржуазии.

Чтобы противодействовать развитию широкого народного движения против спекулянтов и эксплуататоров и разрядить в стране напряженную ситуацию, правящие круги пошли на известные уступки: разрешили издание некоторых прогрессивных журналов и отступили от однопартийной системы. В 1946 году была создана оппозиционная к Народно-республиканской партии Демократическая партия во главе с бывшим премьер-министром Джелялем Баяром, который тоже в свое время был соратником Ататюрка. Эта партия, тесно связанная с отечественными финансовыми кругами и иностранным капиталом, собрала под свои знамена главным образом крупную буржуазия, которая стремилась к политике экономического либерализма, а также отсталые, фанатично настроенные религиозные элементы среди помещиков, мелкой буржуазии и крестьянства, которым была ненавистна провозглашенная Ататюрком политика лаицизма.

В 1950 году Демократическая партия, одержав зна-

чительную победу на выборах, сформировала правительство во главе с крупным помещиком Аднаном Мендересом. Джеляль Баяр был избран президентом, Иненю же стал лидером самой крупной оппозиционной партии — Народно-республиканской, бывшей у власти в течение двадцати семи лет, с 1923 по 1950 год.

Главным условием победы Мендереса была программа, которая обещала ограничить вмешательство государства в производство и широко привлечь отечественный и иностранный частный капитал. К тому же, кстати, сводились и пожелания Соединенных Штатов, не симпатизировавших политике этатизма.

Другим немаловажным условием победы была игра на религиозных настроениях масс. С приходом к власти Демократической партии они укрепились. В главной мечети Анкары публично возносилась благодарность аллаху за освобождение Турции от «безбожных» правительств. И действительно, было за что благодарить: с приходом к власти Демократической партии вновь был восстановлен обычай призывать правоверных к молитве по-арабски, что было в свое время запрещено Ататюрком.

Мендерес выделил также большие фонды на строительство новых мечетей. В годы правления Демократической партии на одну новую школу приходилось по четыре новых мечети. Он значительно расширил также религиозное обучение солдат и создал факультет теологии в Анкарском университете.

В области внешней политики правительство Мендереса еще более укрепило ориентацию Турции на западные империалистические державы. Вступая на пост президента, Джеляль Баяр заявил, что «американские и английские друзья останутся довольны результатами политики Турции». Американец Эндрю Талли впоследствии писал: «С американской точки зрения, правительство Мендереса было как раз тем самым правительством, которого хотел Вашингтон... Мендерес использовал американскую помощь на то, чтобы Турция превратилась в самую сильную базу Запада... По сравнению с другими странами НАТО, турецкая армия стала самой мощной боевой единицей».

Хуже обстояло дело с выполнением предвыборных обещаний.

Первый период правления Мендереса характеризовался некоторым оживлением в области экономики благодаря увеличению американской помощи. Хаотичные и беспланные капиталовложения на создание стратегических объектов, главным образом строительство дорог, давали работу многим тысячам безработных. Индекс промышленного производства вырос по сравнению с 1949 годом почти в два раза. Вырос также и рабочий класс: в 1949 году на государственных предприятиях было занято 223,4 тысячи рабочих, а в 1958 году — 673,3 тысячи. Однако эти вложения не имели реального финансового покрытия. Финансирование шло путем выпуска банкнот и кредитования промышленности, торговли и сельского хозяйства.

Часть буржуазии извлекала определенную спекулятивную выгоду от инфляции, как, впрочем, и из конъюнктуры, связанной с корейской войной. Однако по мере того как последствия такой бесплановой и инфляционной экономики проявлялись все ощутимее, и среди буржуазии стало расти недовольство. Вскоре турецкая валюта превратилась в одну из наименее устойчивых. При этом проведение бесплановой индустриализации не предотвратило дальнейшего ввоза промышленных товаров широкого потребления и технического оборудования, что, в свою очередь, повлекло за собой отрицательный торговый баланс и еще более усугубило инфляцию.

Порочная структура турецкой экономики была порождена в значительной степени характером западной, в первую очередь американской, «помощи». Эта помощь, весьма внушительная по цифрам (за десять лет правления Мендереса Турция получила более трех миллиардов долларов), предназначалась главным образом на военные цели (на них же предназначалось 40 процентов турецкого бюджета), а также на нужды стратегического характера и на развитие легкой промышленности. Такое распределение помощи преследовало определенную цель — удержать Турцию в состоянии экономической зависимости от западных кредиторов, чтобы они могли по-прежнему ввозить туда свои товары. По мысли американцев, Турции отводилась роль сырьевого и сельскохозяйственного придатка американских монополий.

Турецкая буржуазия была недовольна и тем, что хао-

тическая мендересовская индустриализация, которая так обременила экономику страны, ограничивалась главным образом государственным сектором. Мендерес построил сахарные и цементные заводы, которые называли «избирательными», потому что их построили, исходя не из экономических потребностей страны, а ради привлечения голосов будущих избирателей.

Однако больше всего были недовольны средние слои населения, и в первую очередь государственные чиновники, которые более других на своей шкуре испытали все последствия инфляции. Пожалуй, правлением Мендереса — да и то с известными колебаниями — были довольны только крестьяне, которых почти совершенно освободили в это время от налогов; они были довольны повышением цен на хлеб и тем, что поощрялось религиозное обучение.

Турецкая экономика шла к банкротству. Она не могла выдержать двойного напряжения: увеличения расходов на военные нужды и стремительного обогащения маленькой кучки капиталистов и помещиков. Чтобы предотвратить кризисную ситуацию в стране, западные державы предоставили Турции дополнительные кредиты (так называемые стабилизационные займы на сумму триста пятьдесят девять миллионов долларов). На какой-то весьма короткий срок такая мера приостановила инфляцию и стабилизировала турецкую валюту. Эта продиктованная Западом дефляционная политика еще более ухудшила и без того тяжелое положение трудящихся масс. Цены выросли, а заработная плата оставалась прежней. (По статистическим данным, в 1950—1959 годах прожиточный минимум вырос в четыре раза, а заработная плата, которая и так была весьма невысока, поднялась лишь на 20 процентов). Катастрофическое экономическое положение усугубило, кроме того, и падение мировых цен на хром, основное турецкое сырье. Весьма ощутимо давала о себе знать также продажность мендересовской бюрократии, которая присваивала себе значительные суммы из общественных фондов, а также ее неспособность к руководству экономикой... А как известно, «рыба тухнет с головы»... Министра иностранных дел (тогда им был Зорлу) называли, например, «господином десять процентов», потому что он клал себе в карман десять процентов от всех иностран-

ных кредитов. Правда, он заплатил за это потом веревкой на шее... В результате, государственная казна была пуста, а дефицит бюджета составлял полмиллиарда турецких лир.

Антимендересовские настроения росли по всей стране, они особенно дали о себе знать в конце 1959 года, когда Соединенные Штаты заявили, что они отказывают Турции в кредитах. Турецкая буржуазия все более открыто стала выступать против правительства, ставя ему в вину недостаток свободы и требуя проведения политики экономического либерализма. Трудящиеся массы также были недовольны правительством из-за дороговизны и отсутствия экономической стабильности. А интеллигенция и прогрессивные элементы ставили Мендересу в вину реакционное законодательство и репрессивную политику, особенно в отношении прессы. Пользующиеся всеобщим уважением ученые и журналисты были брошены в тюрьму за критические высказывания. Оппозиционные настроения в городах выросли до небывалых размеров. Режим Мендереса зашел в тупик. Самые насущные политические и экономические проблемы так и остались неразрешенными.

Параллельно с этим росла популярность лидера оппозиции Исмета Иненю и его партии, несмотря на преследования со стороны правящих кругов. Так, например, в 1953 году законодательным путем было конфисковано все имущество Народно-республиканской партии. Сам Иненю подвергался многочисленным нападениям. Как показал впоследствии процесс на острове Ясыада, было даже подготовлено покушение на его жизнь. Однако авторитет этого престарелого политика был в то время весьма высок, пожалуй, даже выше, чем когда он был у власти. Вот почему приказ, отданный армии, не допустить выступления Иненю на партийной конференции в Кайсери в апреле 1960 года привел совсем к другому результату: увидев, что толпы людей окружили задержанный поезд с Иненю и устроили ему овацию, воинские части присоединились к жителям... В наказание за это Мендерес уволил в отставку высших офицеров, в том числе и будущего президента республики генерала Гюрсея, которому оставалось два месяца до ухода на пенсию. Тогда же Мендерес создал послушную ему Комиссию по расследованию деятельности

оппозиции с неограниченными полномочиями. Однако деятельность этой пресловутой комиссии, равно как и многочисленные незаконные аресты, вызвала повсеместное недовольство, которое особенно усилилось после инцидента в меджлисе, когда Иненю за критические высказывания в адрес этой комиссии был грубо выдворен из зала депутатами Демократической партии.

Следствием инцидента были бурные студенческие выступления. 28 апреля около четырех тысяч стамбульских студентов устроили демонстрацию, требуя отставки Мендереса. Полиция, поддержанная несколькими воинскими соединениями, проникла на территорию университета и открыла огонь по находившимся там студентам. Несколько студентов было убито. Это, в свою очередь, вызвало бурную реакцию в среде офицеров и солдат, которые начали переходить на сторону студентов. Как впоследствии писал бывший сенатор от Демократической партии профессор Стамбульского университета Бацгиль, «движение захватило армию, это конец Мендереса и его правительства».

Студенческие волнения перекинулись на Анкару, где были арестованы сотни студентов. В Стамбуле и в Анкаре ввели чрезвычайное положение, и таким образом Мендерес сам отдал власть в руки армии. Волнения особенно усилились в дни заседаний НАТО в Стамбуле 1—3 мая 1960 года.

В такой ситуации государственный переворот, проведенный в ночь на 27 мая тайным комитетом высших офицеров, который впоследствии получил название Комитета национального единства (КНЕ), прошел на редкость организованно и почти бескровно. За четыре часа были арестованы члены правительства вместе с президентом. Прекрасно вооруженные пехотные соединения заняли главные города по всей стране. От Демократической партии власть перешла в руки Комитета национального единства из 37 человек.

Власть Мендереса продолжалась в Турции десять лет. Власть тех, кто его свергнул, — пять лет с небольшим. Тот факт, что я была в стране в те годы и имела возможность вблизи наблюдать за развитием событий, дает мне право охарактеризовать их как годы несбывшихся надежд.

Как первый период непосредственной власти воен-

ных, так и последующие годы правления Народно-республиканской партии в различных коалиционных комбинациях с благословения армии ничего не принесли народу. Более того, за эти годы был утрачен энтузиазм, вызванный государственным переворотом, который его организаторы постарались представить как революцию, свершенную во имя решительного поворота к заветам Ататюрка. Дальнейший рост цен и тенденция к инфляции били по карману каждого. Пресловутый пятилетний план развития экономики выполнен не был. Но самое, пожалуй, главное заключалось в том, что партия Иненю не облегчила положения крестьянина, который в этой стране составляет ядро нации. Слова об аграрной реформе оказались пустой болтовней. Однако интересно отметить, что за несколько месяцев до выборов 1965 года, когда партия Иненю вновь оказалась в оппозиции, она сделала известный крен влево, провозгласив себя партией «левее центра», и выдвинула программу общественных реформ. Однако годы правления этой партии научили народ относиться к ней недоверчиво, тем более что вопрос об аграрной реформе — наиболее жгучая проблема — так и остался на бумаге. Поэтому Народно-республиканская партия на выборах в меджлис и в сенат в октябре 1965 года потерпела поражение, а преемница Демократической партии — Партия справедливости, во главе которой стоял почти никому не известный сорокалетний Сулейман Демирель, получила в два раза больше голосов, чем партия восьмидесятидвухлетнего Исмета Иненю, хотя он был уже при жизни окружен нимбом национальной славы.

Так, через пять с половиной лет после государственного переворота и через четыре года после того как повесили Мендереса и двух его министров за нарушение основных правовых норм, террор и коррупцию, идеи казненного лидера вновь одержали верх. Опять победила «демир кыр ат» — «железная белая лошадь», которую Партия справедливости тоже выбрала своей эмблемой, а в глазах широких масс Анатолии она так и осталась эмблемой распущенной Демократической партии. Казнь Мендереса только придала ему ореол мученика. В народе рассказывали, будто казненный премьер-министр жив и, вселившись в легендарную белую лошадь, бродит по всей Анатолии. За эти годы популярность

Мендереса не только не упала, а, наоборот, возросла. В памяти неправотных турецких крестьян он остался не тираном, а благодетелем, который освободил их от налогов и разрешил в отличие от Ататюрка произносить молитвы на арабском языке, который на американские деньги строил в деревнях колодцы и проводил дороги, а это давало беднякам работу.

Теперь на «железную белую лошадь» взобрался лидер Партии справедливости и быстренько добрался на ней до цели. В преемственности мендересовской эмблемы ему помогла даже его фамилия — «демир эль» (по-турецки «железная рука»), но еще больше — провозглашенная им программа, которая предоставляла полную свободу частной инициативе и иностранному капиталу, обещала работу почти пяти миллионам безработных (провозгласив лозунг «от нищеты к благосостоянию») и призывала к соблюдению религиозных традиций. Абсолютное большинство избирателей (4 921 235 человек из 9 748 678) выбрали «белую лошадь» в буквальном смысле слова: на избирательных бюллетенях после названий партий, о которых шестьдесят процентов избирателей и слухом не слыхали, были нарисованы эмблемы (например, шесть стрел на бюллетенях Народно-республиканской партии). Увы, горькая правда заключается в том, что самые бедные крестьяне и жители маленьких населенных пунктов голосовали за партию, которая больше других защищала интересы помещиков и крупной буржуазии.

Было, прямо скажем, секретом полишинеля, на какую лошадь поставили в этих выборах Соединенные Штаты. Помню, как всю прогрессивную печать обошли статьи с подробным описанием карьеры Сулеймана Демиреля, инженера по профессии, который, получив образование в США, сколотил себе состояние как представитель американской фирмы «Моррисон». Сулеймана Моррисона, как его всюду называли, пытались представить в качестве экспонента американских интересов в Турции. В печати появились даже фотографии тогдашнего вице-президента Джонсона,жимающего Демирелю руку во время своего визита в Турцию. Никогда еще Соединенные Штаты не высказывали так неприкрыто свою заинтересованность в результатах выборов и никогда так выразительно не симпатизировали одной сто-

роне. По мнению итальянского журнала «Мондо нуове», статья из которого была перепечатана в турецкой прессе, «выборы в Турции — это предмет особого внимания Джонсона». Результаты этих выборов повсеместно были расценены как большая победа Белого дома. Что же касается самого Демиреля, то о нем писали как о деятеле, на которого можно положиться и который поведет государственный корабль в направлении, отвечающем интересам Вашингтона.

Нелишним будет напомнить, что в победе Партии справедливости не последнюю роль сыграли деньги. По свидетельству журнала «Акис» (его в то время редактировал зять Иненю Метин Токер), в специальный избирательный фонд Партии справедливости поступила солидная сумма в пять миллионов турецких лир... По другим источникам, посредником в распределении избирательного фонда «справедливых» были... бензиновые станции иностранных, главным образом американских, нефтяных компаний, напуганных накануне выборов движением за ограничение их прибылей. Не потому ли в канун выборов анкарские таксисты повесили на антеннах своих машин вымпелы с белой лошадью?.. А как обстояло дело в деревнях, особенно в восточных вилайетах, где во владениях богатых ага насчитывается иногда до сорока деревень и где крестьяне находятся в полной зависимости от ага (покупают только в его лавке и разрешают споры при посредстве адвоката все того же ага)? Тот же «Акис» сообщал, как, явившись в одну из таких деревень, «справедливый» обратился к «братьям по исламу» с такой речью: «Вам грозит коммунизм, у вас отберут ваши поля и дома и посадят на ваше место русских офицеров. Если хотите спасти себя и родину, голосуйте за Партию справедливости». Такие аргументы доходили до сознания крестьянина, давно уже напичканного ненавистью к социализму и Советскому Союзу. И если он не ставил на «белую лошадь» или на еще более правую Народную партию, то не голосовал вообще. Отсутствие интереса к этим выборам выразилось в довольно низком проценте принявших в них участие — 71 процент по сравнению с 81 на выборах в 1961 году.

Вне всякого сомнения, победа Партии справедливости означала поворот в политической жизни Турции.

Правление Демиреля показало, как ошибались те, кто утверждал, будто правление второй «железной белой лошади» будет простым повторением деятельности первой. Были даже такие, в том числе и члены его партии, кто допускал, что политические преемники Мендереса, которые пришли к власти спустя пять с лишним лет, снова вернут страну в положение, в котором она была в 1960 году, перечеркнув все сделанное за прошедшие годы. Такого рода понимание ситуации было не только упрощением, но и политической утопией. Как не вспомнить при этом мудрые слова Гераклита о том, что «нельзя дважды войти в одну и ту же реку...».

Пятилетие между 1960 и 1965 годами было, с одной стороны, действительно годами несбывшихся надежд, но, с другой — оно характеризуется осуждением своевластия и коррупции мендересовского режима, формированием прогрессивных общественных движений, явным ослаблением уз, связывающих Турцию с США. Демирель был в меру трезвым политиком и прекрасно это учел. При проведении в жизнь своей политической программы он заручился поддержкой религиозных элементов и сторонников Мендереса. Вскоре после прихода к власти он объявил полную амнистию осужденным мендересовцам с возвращением им политических прав (кроме избирательного). Но одновременно он делал все возможное, чтобы его имя не связывалось с именем Мендереса.

При этом речь шла не только о тактике. Как показала практика его правления, Демирель вовсе не собирался быть новым воплощением Мендереса. Это стало ясно сразу же после выборов, когда он мягко, но решительно отмежевался от скомпрометировавших себя и осужденных мендересовских деятелей. Одновременно он принял в свою партию многих преданных ему людей, хотя в низших партийных звеньях опирался на старый аппарат Демократической партии. Очень быстро ключевые позиции в центральной и вилаетской администрации заняли его люди, с помощью которых он проводил «железной рукой» свою политику. Оказалось, что представление о нем как о защитнике американских интересов было глубоким заблуждением. Американский профессор Шеври после двухчасовой беседы с Демирелем заявил: «Я убедился, что Демирель весьма полевел за эти два года. Это меня, однако, не удивило. Подобное

имеет место во всех отсталых странах. Все те, кто приходит к власти, независимо от своих взглядов, так или иначе поворачивают влево. В этом повинны обстоятельства и множество проблем».

Это факт, что Демирель сделал ставку на индустриализацию страны, опираясь прежде всего на частный капитал, а не на государственный сектор. Выступая против аграрной реформы, он высказался за необходимость перестройки сельского хозяйства, то есть введения современных капиталистических методов обработки земли (замечу, что это возможно лишь в крупных хозяйствах).

И в конце концов он добился известных результатов в области экономики. Этому способствовали и хорошие урожаи, значительный приток иностранных капиталов и валютные поступления от турецких рабочих и специалистов, работающих в Федеративной Республике Германии. При Демиреле темпы развития промышленности были значительны и соответствовали в основном пятилетнему плану. Увеличился национальный доход (ежегодный прирост превышал в среднем шесть процентов, а по плану предусматривалось семь процентов). Демирель сумел весьма ловко использовать эти достижения в пропагандистских целях: с великим шумом он открывал промышленные объекты, запланированные или даже частично построенные еще при прежней власти. Однако его достижения не сумели вылечить турецкую экономику от хронических пороков, и в первую очередь от тенденций к инфляции. Достаточно сказать, что в первые семь месяцев 1967 года индекс стоимости жизни вырос на двенадцать с половиной процентов. Катастрофически уменьшились запасы золота и валюты.

Накануне новых выборов в октябре 1969 года Демирель столкнулся не только с выросшими экономическими трудностями. Весьма обострилось политическое положение, произошла поляризация сил, нередко были случаи открытых столкновений между прогрессивными и реакционными элементами — религиозными фанатиками или фашистскими отрядами полковника Тюркеша. Например, в июле 1969 года черносотенные элементы пытались сорвать в Кайсери конгресс прогрессивного Союза учителей; они ранили многих участников конгресса, разгромили книжный магазин, в котором продавались левые издания, а также местное отделение Рабочей партии

Турции. Антиамериканские выступления часто заканчивались уличными стычками. А Демирель тем временем, лавируя, сумел в известной степени стабилизировать положение в стране. Он пошел на дальнейшие уступки в пользу группы бывших руководителей распущенной Демократической партии во главе с бывшим президентом Баяром; так, в мае 1969 года меджлис принял решение о восстановлении в избирательных правах членов Демократической партии, хотя это и шло вразрез с конституцией. Такое решение полностью поддержал и лидер оппозиционной Народно-республиканской партии Иненю, считая, что пора «восстановить единство и положить конец бурным демонстрациям правых и левых экстремистов». В подтверждение наступившего «национального согласия» всю турецкую печать обошла фотография двух престарелых соперников — Иненю и Баяра, которые стоят рядышком на холме Чанкая, где находится резиденция президента Республики.

Не вызывающая сомнений ловкость Демиреля принесла свои плоды. На выборах в октябре 1969 года его партия получила абсолютное большинство голосов (4 229 712 из 9 516 095). Судя по комментариям прессы, в этих выборах участвовало всего 64 процента избирателей — самый низкий процент за последние 20 лет. Многие деревни вообще отказались от участия в выборах. В одной из избирательных урн вместо бюллетеня с эмблемой партии нашли записку с тремя словами: «Дороги, вода, электричество». Газеты писали, что во время избирательной кампании при въезде в одну из деревень висел транспарант с надписью: «Мы не пускаем к себе политиков».

Отвечить на вопрос, сколь продолжительной будет победа второй «железной белой лошади» в обстановке всеобщего разочарования деятельностью предшествующих правительств, будет непросто¹.

¹ Победа Демиреля оказалась непродолжительной. Под давлением армии 12 марта 1971 г. он вынужден был покинуть свой пост. Новое правительство возглавил представитель правого крыла Народно-республиканской партии Нихат Эрим. Его правление отмечено введением чрезвычайного положения в стране и острыми репрессиями против прогрессивных элементов. Но и он недолго удержался у власти. В мае 1972 г. заместитель председателя Партии доверия Ферид Мелен сформировал правительство, которое продолжало проводить антидемократическую политику. В ноябре 1972 г. в знак про-

«Орду» по-турецки значит «армия». Для Турции это понятие весьма весомо. В настоящее время армия страны является наиболее мощной на всем Ближнем Востоке и насчитывает более полумиллиона человек. Более того, по определению немецкого военного специалиста фон Кильмансегга, турецкая армия, которая состоит из 14 дивизий, 8 бригад и 4 учебных дивизий, является самой мощной сухопутной армией во всей Европе.

Турецкая Республика пересмотрела свое отношение ко многим институтам, но к армии оно осталось прежним. Ведь и в Османской империи критерием могущества было войско: оно завоевывало новые территории, пополняло казну новыми трофеями, в армии государство черпало свою силу. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и сегодня турки относятся к военному мундиру с уважением и симпатией, что всегда полно зевак около резиденции президента во время смены караула, когда отборные гвардейские части в парадной форме движутся торжественным маршем, словно один человек, нога к ноге, рука к руке. До сих пор каждая более или менее официальная годовщина, не говоря уж о военных парадах, открывается, как правило, под звуки янычарского марша частями, одетыми в парадную форму султанских войск.

Янычары... Когда их видишь сегодня на парадах — в пестрых шелковых одеждах с белыми тюрбанами на голове, играющими старинные турецкие мелодии на примитивных деревянных духовых инструментах, они напоминают персонажи из оперетты. А было время, когда янычары исполняли далеко не опереточную роль: они были самыми ярыми и самыми жестокими защитниками могущества Османской империи. Эта уникальная в сво-

теста против подготовленного проекта изменения конституции 1961 г. из правительства вышли представители НРП. Правительство, однако, держалось у власти, учитывая предстоящие в марте 1973 г. президентские выборы. Когда президент был избран, в мае 1973 г. Ферид Мелен подал в отставку и был сформирован новый кабинет во главе с Наимом Талу. Правительственный кризис, наступивший после парламентских выборов в октябре 1973 г., продолжался до января 1974 г., когда было достигнуто соглашение о создании двухпартийного правительства из представителей Народно-республиканской партии и Партии национального спасения.

ем роде военная формация восходит к началу XIV века. Янычарское войско набиралось из детей нетурецких, христианских национальностей, которые воспитывались при султанском дворе фанатичными защитниками ислама. Каждые три года христианские провинции обязаны были платить своеобразную дань в виде мальчиков, число которых достигало временами более десятка тысяч. Наиболее способных из них с детства готовили к службе при султанском дворе, и, вырастая, они делали карьеру, а случалось, даже занимали должность великого везира. Остальные шли в янычарский корпус, где господствовала суровая дисциплина. Янычары были тесно связаны с мусульманской сектой «бекташи»; они образовывали нечто вроде рыцарского братства, которое обрекало их на безбрачие. Янычары воспитывались в духе религиозного фанатизма, призывов к «священной войне» против «ягулов (неверных)». Только так представители христианских народностей Балканского полуострова могли попасть в политическую и военную элиту империи. Османское государство, которое славилось насилием и жестокостью по отношению к угнетенным народам, не знало расовой дискриминации в современном понимании этого слова. Турецкий, или османский, язык и навязанное с детства исповедание ислама — вот что было ключом к получению высоких должностей.

С самого начала янычары в силу своего фанатизма, военной подготовки и дисциплины, естественно, стали решающей силой османской армии. Благодаря им османы одерживали свои самые большие победы, в числе которых было и завоевание Константинополя. Однако в XVII и особенно в XVIII веке янычары, численность которых доходила до ста тысяч человек, стали особой кастой: они щедро награждались и часто диктовали свою волю при низложении старого и возведении на трон нового султана. Позднее, когда им было разрешено вступать в брак и заниматься ремесленничеством, стала слабеть дисциплина и военная сила янычарского корпуса. Появилась коррупция и равнодушие к государственным делам. Постепенно янычары превратились в наследственную касту, которая на время военных действий пополнялась кавалерией, формировавшейся в провинциях султанскими вассалами и не всегда лояльной к султанской власти. Расходы на содержание янычарско-

го корпуса постоянно росли, а военные успехи становились все незначительнее. В 1826 году султан Махмуд II распустил корпус янычар. Тех, кто этому сопротивлялся, он повелел убить, а их бараки сровнять с землей.

С тех пор в стране был введен рекрутский набор. В период так называемого танзимата (1839—1856)¹ все граждане империи должны были проходить военную службу независимо от вероисповедания, а затем в течение семи лет считались в резерве. Однако на практике все обстояло иначе. Большинство населения Османской империи в середине XIX века составляли мусульмане, в первую очередь арабы, но лишь одна треть говорила по-турецки. Что могло заменить традиционный призыв к священной войне? Каким образом различные группы многонациональной империи можно было собрать в единую армию? Понятий «отчизна», «родина» в национальном смысле не существовало, самое большое, на что можно было рассчитывать,— это лояльное отношение к государству. Практика сложилась так, что немусульмане платили специальный налог за освобождение от военной службы.

С конца XVIII века стали создаваться специальные офицерские школы, в которых молодые мусульмане со всей империи получали общее и специальное образование. Эти школы, которые готовили высших офицеров, стали за короткое время рассадником новых политических течений.

Первое тайное общество, которое поставило своей целью борьбу против деспотизма султана Абдул Хамида II, было создано в 1889 году группой курсантов военно-медицинского училища. Правда, султанская тайная полиция разгромила это общество, а молодых кадетов, из голов которых не удалось выбить приверженность к прогрессивным идеям, выслала в Ливийскую пустыню. Многие из них присоединились в эмиграции к движению «новых османов». На переломе столетия недовольство молодых офицеров в военных школах опять усилилось; они отчетливо видели бедность империи и несовершенство ее армии. В 1906 году группа офицеров

¹ Танзимат — преобразования, реформы.

и пражданских лиц создала в Салониках и Дамаске тайные общества, которые объединились с младотурецким движением в Европе и основали Общество прогресса и единения. Младотурки вынудили султана Абдул Хамида объявить о восстановлении конституции 1876 года и созыве меджлиса, большинство которого должны были составить они сами. Политический переворот 1908 года в Турции был первым в истории страны переворотом, в котором большую роль сыграли военные. Правда, спустя десять лет после начала их правления стало ясно, что младотурки вовсе не оправдали надежд, которые на них возлагал народ... Накануне первой мировой войны младотурки пригласили в Турцию немецкую военную миссию во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом для реорганизации турецкой армии. Здесь нелишне вспомнить, что в свое время султаны тоже обращались к немцам, когда речь заходила о модернизации армии. Еще Махмуд II, который распустил янычарский корпус, пригласил в Турцию Гельмута фон Мольтке, будущего шефа прусского генерального штаба. В конце XIX века немецкий генерал фон дер Гольц служил в качестве генерального инспектора турецких военных школ. Об этом надо помнить еще и потому, что от этого родились прогерманские настроения в турецком обществе, и в первую очередь среди самих офицеров старшего поколения, которые к тому же еще и учились у немцев.

В годы первой мировой войны, в которой младотурецкое правительство выступило на стороне Германии, немецкая военная миссия в Турции стала еще многочисленней. Лиман фон Сандерс занимал тогда руководящее положение в турецкой армии. Целых две армии и ряд меньших соединений были отданы под безраздельное командование немецким генералам, при которых турки выполняли функции начальников штабов. Ко времени перемирия 1918 года немецкая военная миссия в Турции насчитывала 646 офицеров и 6686 рядовых членов.

Десятилетнее правление младотурок (1908—1918) было в XX веке первым примером вовлечения кадровых военных в политику. Но любопытно, что в отличие от янычар, которые стояли на защите самых консерватив-

ных привилегий, младотурки были поборниками модернизации и прогресса. Вторым таким примером была национальная революция во главе с Кемалем Ататюрком. И наконец, третий пример — переворот 27 мая 1960 года.

Чтобы правильно понять характер этого переворота, надо представить себе особую, исторически обусловленную роль офицерского корпуса в Турции. По своему составу он является народным и менее избранным по сравнению с другими странами Ближнего Востока, не говоря уж о Латинской Америке. Турецкие офицеры принимали широкое участие в освободительной войне 1918—1923 годов, приобретая опыт, которого не имеет ни одна ближневосточная армия. Мустафа Кемаль, считая армию главной опорой в проведении реформ, призывал в офицерские школы неимущих молодых людей, главным образом крестьянских сыновей, обеспечивал их жильем, питанием и денежным пособием. И в настоящее время в отличие от других стран Ближнего Востока офицеры в Турции происходят из народа, главным образом из средних слоев; они в детстве познали бедность и не знали состояния в армии. Жалованье они получают невысокое даже по турецким масштабам. Это касается в первую очередь пехотных войск, составляющих ядро турецкой армии. Офицеры военно-воздушных и военно-морских сил имеют более высокие оклады, поскольку от них требуется более высокая квалификация; они-то принадлежат часто к зажиточным семьям и не так прочно связаны с народом.

Служба в армии и приобретение офицерского звания — это в Турции почти единственная возможность добиться успеха в общественной жизни и, кроме того, это путь для получения общего образования и соприкосновения с современной цивилизацией. Для сыновей анатолийского крестьянина, который по сей день пашет землю сохой, призыв в армию означает первый контакт с внешним миром. Мне рассказывали, что зачастую новобранец не может назвать даже собственной фамилии, ему только известно, что он Ахмед сын Мемеда, и только на призывном пункте он впервые узнает фамилию. Срок военной службы в Турции равняется сейчас полутора годам, однако даже этот непродолжительный срок предоставляет новобранцам, из которых около полови-

ны обычно неграмотны, большие возможности для поднятия своего общего уровня. Армия в Турции — это настоящая школа для народа. Неграмотных солдат посылают сначала в специальные учебные центры, где в течение двух месяцев их учат писать и читать. Потом их направляют в учебную дивизию, где они наравне с военными дисциплинами получают минимум общеобразовательных знаний и практических навыков (их учат строительному делу, ирригационному и пр.), а также технические знания. Если реформы Махмуда II сделали возможным приобщение офицерского корпуса к западной науке, то теперешняя программа всеобщего обучения позволяет рядовым солдатам познакомиться с современной техникой, вернее, с наисовременнейшей, так как американцы не жалели средств на техническое оснащение самой мощной ближневосточной армии. Более чем полумиллионная армия Турции является, по существу, единственной массовой организацией в стране, а численность офицеров, как и количество офицерских школ, пропорционально ее общей численности. После вступления Турции в НАТО многие офицеры проходят дополнительное обучение за границей, главным образом в США, а какая-то часть офицеров ездит туда в составе специальных военных миссий. «Побочным продуктом» пребывания турецких офицеров в Соединенных Штатах, которого американцы наверняка не могли предвидеть, был рост антиамериканских и радикальных настроений среди молодых офицеров; они воочию убедились в том, какая пропасть лежит между ними и офицерами других стран НАТО; но прежде всего они отчетливо ощутили разницу между жизненным уровнем высокоразвитых капиталистических стран и своей страны и поняли, что Турции, по существу, отведена роль полукolonии богатого американского дядюшки. Парадокс этого явления заключается в том, что именно участие Турции в НАТО стало для многих турецких офицеров отправной точкой для размышлений над неравноправным положением Турции в этом союзе.

Они поняли также, что для такого государства, как Турция, известный экономический прогресс, а также приобретение минимума самостоятельности невозможны без планирования и вмешательства государства, хотя бы в той степени, как это делается в Египте или Индии, тем

более, что этому учил когда-то и Ататюрк. Мендерес же свернул с намеченного Кемалем пути. Не мог не уязвить их национальной гордости — а эта черта у ту-рок развита сильно — и тот факт, что американские во-енные ведут себя в Турции как в своей вотчине и не от-вечают перед турецкими судами за свои преступления, а высшие турецкие офицеры не имеют права доступа на территорию американских баз в собственной стране.

Все это, вместе взятое, склонило наиболее мысля-щих турецких офицеров к деятельности во имя рожден-ного кемалистским духом стремления к «социальной справедливости». Так возникло в турецкой армии тайное движение, которое, объединившись со студенческим, при-несло свои плоды в мае 1960 года.

Разумеется, движение среди офицеров с самого мо-мента зарождения было далеко не однородным. В состав хунты из тридцати семи человек (Комитет националь-ного единства), которая свергла режим Мендереса, вхо-дили наряду с младшими офицерами, придерживающи-мися более радикальных взглядов, и высшие — вплоть до генерала. (Председателем Комитета национального единства был генерал Гюрсель, будущий президент Рес-публики.) Главную роль в этом движении сыграли имен-но высшие офицеры, люди консервативные, не распо-ложенные к реформам и каким-либо радикальным переменам во внешней политике. В одной из первых же своих деклараций Комитет национального единства про-возгласил по отношению к НАТО и СЕНТО. Рас-хождения во взглядах в самой хунте дали о себе знать вскоре после прихода ее к власти. Комментируя поло-жение в Турции после переворота, известный турецкий публицист Надир Нади приводил слова одного из выс-ших офицеров, членов хунты, который оказал, что если военные точно знали, что они будут делать 27 мая, то, к сожалению, не знали, что им делать на следующий день.

Первым мероприятием Комитета был роспуск медж-лиса, объявление вне закона Демократической партии и арест ее руководителей, а также торжественное обе-щание восстановить конституционные свободы, провести новые выборы и передать управление страной в руки гражданских лиц. Новая власть с первых дней сосре-

доточила свое внимание главным образом на борьбе с предшествующей правящей группой и не предпринимала никаких реальных шагов, чтобы улучшить тяжелое экономическое положение страны, за исключением, кажется, того, что офицеры КНЕ отдали свои золотые кольца в государственную казну... Я сама знала нескольких офицеров, ставших позднее сенаторами, которые в доказательство своей верности идеям 27 мая показывали мне жестяные кольца на руках.

Широко разрекламированная акция по контролю над счетами в сейфах вскоре была забыта так же, как были забыты обязательства сделать так называемые «заявления об имуществе», которые все равно не имели бы существенного экономического значения. Однако среди значительной части буржуазии это создало атмосферу подозрительности относительно новой власти, что, в свою очередь, повлекло за собой снижение экономической активности и замораживание частных инвестиций. Приостановление же пусть и хаотичных и бесплановых капиталовложений, которые делал в свое время Мендерес, привело к росту безработицы и дальнейшему углублению экономических трудностей. Вместе с тем те слои общества, которые с самого начала определили свое недоброжелательное отношение к новому правлению, считая его возмездием «порода» по отношению к «деревне» (а крестьяне в Турции составляют три четверти населения), из-за боязни возврата к кемалистскому лаицизму, возможного введения налогов на землю и снижения цен на сельскохозяйственную продукцию начали попридерживать продажу хлеба государству. Последовавший за этим ввоз хлеба из-за границы, в первую очередь из США, еще более обременил и без того отрицательный внешнеторговый баланс Турции и поставил ее в еще большую зависимость от экономической помощи Запада.

Экономические трудности повлекли за собой дальнейший разлад среди членов Комитета национального единства. Четырнадцать молодых офицеров, сторонников правления «сильной руки» (им приписывают увольнение из армии нескольких тысяч офицеров, служивших при Мендересе, а также увольнение ста сорока семи научных работников), были выведены из хунты и высланы на службу за границу в ранге советников. Наиболее

заметной фигурой среди этих офицеров был полковник Тюркеш, известный своей социальной демагогией и, кроме того, крайней националистической, пантюркистской и полуфашистской программой.

После того как было сломлено сопротивление «четырнадцати», началась подготовка к передаче правления в руки гражданских лиц. Ровно через год после переворота учредительное собрание утвердило проект новой конституции, одной из наиболее прогрессивных в истории Турции. В июле этот проект был утвержден всенародным референдумом, результаты которого уже тогда выявили предпосылки упадка новой власти (против конституции высказались 38 процентов голосовавших). Против проекта выступили главным образом крестьяне, поскольку они вообще не знали, о чем шла речь; для них таинственное существо под названием «референдум» было чем-то вроде гяура, который должен помочь военным закрыть мечети.

Чтобы укрепить свою власть, военные руководители не скупились на различные административные меры. В стране было введено чрезвычайное положение, запрещены критика статей конституции и деятельности Комитета, а также обсуждение приговоров, вынесенных на Ясыада.

Кстати, этот процесс тоже не принес популярности военной хунте. 592 члена бывшей правящей партии были арестованы сразу же после переворота. Однако суд над ними начался только в октябре и к этому времени противники нового порядка в стране сумели создать общественное мнение против организаторов суда. Процесс на Ясыада был открытым, на нем присутствовало много местных и иностранных журналистов, и оттуда ежедневно велись радиопередачи. Подсудимые обвинялись в серьезных преступлениях: нарушении конституции, махинациях при выборах, коррупции, убийстве политических противников.

Процесс был проведен, на мой взгляд, довольно неумело. Так, например, и не удалось выяснить в достаточно убедительной форме суть преступлений мендересовцев. А среди этих преступлений были и такие потрясающие, как убийство участников студенческих демонстраций, изуродованные тела которых были потом найдены в... холодильниках, как кровавые эксцессы

против греков, инспирированные в Стамбуле осенью 1955 года. Вызывало недоумение то обстоятельство, что суд начался слушанием так называемого дела о собаке: бывший президент Джебьяль Баяр обвинялся в том, что продал измирскому зоопарку за большие деньги собаку, которую получил в подарок от афганского короля. Видимо, не без умысла был выбран для начала этот ничтожный случай. Ведь для темного анатолийского крестьянина такого рода обвинение было намного понятнее, чем абстрактное обвинение в «нарушении конституции». Впрочем, и «дело о собаке», и прочие злоупотребления властей мало заинтересовали широкие массы, которые давно приучены к тому, что любая власть — на то и власть, чтобы заниматься злоупотреблениями... Думается, не случайно, обвинительное заключение было буквально нашпиговано дешевыми сенсациями, вроде случая с ребенком известной певицы Айхан Айдан (отцом ребенка был Мендерес), который умер при таинственных обстоятельствах сразу же после рождения. Или дело о пятистах долларах, которые министру Коралтану разрешили потратить на покупку в Германии лекарства для больной жены и которые он истратил на молодую красивую медицинскую сестру, обслуживавшую не столько его жену, сколько его самого. Словом, такого рода пикантных подробностей было немало. Судебное разбирательство выявило, как процветала коррупция: ни Мендерес, ни его министры не делали разницы между государственной казной и собственным карманом. Мендерес, например, за десять лет управления страной растратил на собственные нужды, на нужды своей жены, сыновей и любовниц, а также на уплату карточных долгов почти двадцать четыре миллиона турецких лир. Кроме того, он пополнял свое личное состояние, занимаясь нелегальными торговыми операциями. А министр финансов продал земли своей жены торговому банку за полмиллиона турецких лир.

Почти через год, в сентябре 1961 года, был оглашен приговор: 133 обвиняемых были оправданы, 402 приговорены к тюремному заключению на срок от двух до двадцати лет, 11 большинством голосов приговорены к смертной казни, которую Комитет национального единства сразу же заменил для семи из них пожизненным тюремным заключением. Четыре смертных приговора:

были вынесены единогласно. В силу каких-то странных подсчетов, Мендерес был приговорен к смертной казни восьмикратно за восемь разных дел, а президент Баяр — трехкратно, но для последнего, принимая во внимание его преклонный возраст, смерть была заменена пожизненным заключением. К смерти были также приговорены министр иностранных дел Зорлу и министр финансов Полаткан. Исполнение этих приговоров было встречено общественностью с явным неодобрением, тем более что обстоятельства, при которых был приведен в исполнение приговор в отношении бывшего премьера, не отличались, мягко говоря, гуманностью. Дело в том, что турецкий уголовный кодекс запрещает вешать человека, если он не может сам дойти до виселицы, а Мендерес, как рассказывали, накануне казни принял большую дозу снотворного, пытаясь покончить жизнь самоубийством. Чтобы спасти его для виселицы, призывали на помощь лучших врачей... Повесили также Зорлу и Полаткана.

Оглашение приговора явилось сигналом к началу избирательной кампании в октябре 1961 года. Казнь Мендереса и двух его министров лишь укрепила за ними ореол мучеников и обернулась как против хунты, так и против Народно-республиканской партии, которая, правда, в перевороте участия не принимала, но как главная оппозиционная партия с ним отождествлялась. Результаты выборов отразили недовольство и разочарование в новой власти. Народно-республиканская партия получила на выборах 36,7 процента голосов, то есть меньше, чем Партия справедливости и Партия новой Турции вместе взятые, и меньше, чем на выборах в 1957 году, когда она собрала 39 процентов голосов. Правда, благодаря системе пропорциональных выборов она сохранила относительное большинство в национальной палате, но оставалась в меньшинстве в сенате. Впервые в истории Турецкой Республики было создано коалиционное правительство. Коалиция Народно-республиканской партии и Партии справедливости во главе с Иненю была делом рук все тех же военных, которые вообще не собирались отдавать власть в руки наследников только что казненного Мендереса и потому грубо, чуть ли не под дулами пистолетов, принудили партийных боссов прийти к соглашению.

После этого военные отошли в тень. Глава Комитета

национального единства Гюрсель стал президентом республики, а двадцать один член Комитета, в соответствии с конституцией — пожизненными сенаторами. Однако политическая борьба не утихла, потому что и новый кабинет не сумел разрешить ни одной проблемы и не провел ни одной реформы, которая могла бы обеспечить стране политическую стабилизацию и заложить основы экономического развития. Напряжение нарастало. Турция впервые столкнулась тогда с невиданными до тех пор классовыми битвами. И опять на сложившееся положение, как чувствительный сейсмограф, среагировал офицерский корпус. 22 февраля 1962 года слушатели анкарской пехотной школы вместе с офицерами анкарского гарнизона предприняли неудачную попытку переворота, «чтобы предупредить правительство и парламент», как свидетельствовал позднее руководитель переворота полковник Талат Айдемир. Растущее недовольство в стране использовали и мендересовские сторонники, выступив с требованием амнистии для осужденных. Как утверждали некоторые деятели оппозиции, попытка переворота была на руку Иненю, который хотел таким образом доказать, что армия активно противостоит амнистии. Правительству Иненю предъявили вотум недоверия, и он тогда подал в отставку, но только затем, чтобы через некоторое время, снова с благословения армии, сформировать новый кабинет, но уже в другом составе, на этот раз с представителями малых партий — Крестьянской партии и Партии новой Турции. Партия справедливости оказалась в оппозиции, что давало ей возможность выступать с еще более острыми нападками на правительство в вопросе об амнистии. Ответом на это была новая волна выступлений молодых офицеров и студенчества в Анкаре и Стамбуле осенью 1962 года, поддержанная значительной частью прессы и интеллигенцией. Демонстранты громили помещения Партии справедливости и редакции газет, ее поддерживавших. Интересно, что Иненю отмежевался от этих выступлений, напуганный их радикализмом. Но в скором времени кабинет разработал проект решения об амнистии, против которого, однако, выступила Партия справедливости, считая его недостаточно разработанным.

В конце марта 1963 года ввиду плохого здоровья на свободу был выпущен Джелаль Баяр. По дороге из

Кайсери в Анкару его белый автомобиль стал красным от крови животных, которых по турецкому обычаю приносили в жертву в его честь. Очередная уступка мендере-совцам вызвала новую волну широких выступлений протеста среди офицеров и студентов. Но на этот раз она не остановила «справедливых». Тем более что в борьбе с растущим движением рабочего класса и с усилением прогрессивных высказываний правые элементы Народно-республиканской партии и армия выступили единым фронтом. Президент Гюрсель возглавил так называемую парламентскую комиссию по борьбе с коммунизмом, в которую вошли представители всех партий.

Такая обстановка, однако, лишь усиливала брожение среди офицерских кадров. Они не могли мириться с по-блажками в отношении тех, против кого был совершен государственный переворот 27 мая. Они с недовольством смотрели, что обещание провести реформы, в первую очередь аграрную, так и осталось на бумаге. Накануне третьей годовщины со дня переворота, 22 мая 1963 года, группа молодых офицеров при поддержке анкарской военной школы и во главе все с тем же полковником Айдемиром вновь предприняла попытку государственного переворота. Видимо, не случайно они выступили почти сразу же после первой, вероятно, в истории Турецкой Республики массовой демонстрации крестьян, требовавших проведения аграрной реформы, которая состоялась в Адане, в самом богатом сельско-хозяйственном районе страны. Протест молодых офицеров — крестьянских сыновей, одетых в военную форму, — был до известной степени выражением солидарности с демонстрацией отцов. Повстанцам удалось на два часа занять анкарскую радиостанцию. В своем первом заявлении они провозгласили роспуск Национального собрания и политических партий и обвинили правительство Иненю в измене принципам Ататюрка и в неспособности разрешить давно назревшие проблемы. Но и этот путч был подавлен. Семь человек из его участников были убиты, 31 — ранен. Многие офицеры были арестованы. Закрытый процесс продолжался несколько месяцев. Айдемир и шесть его ближайших соратников были приговорены к смертной казни, 29 человек — к пожизненному заключению, а несколько десятков человек — к длительному тюремному заключению на срок до пят-

надцати лет. На полгода в стране было объявлено чрезвычайное положение.

Подавление офицерского бунта не означало, однако, ликвидации в стране политического кризиса. Муниципальные выборы в ноябре 1963 года показали, что политический барометр в Турции резко отклонился вправо. Партия справедливости получила голосов больше, чем все правительственные и оппозиционные партии, вместе взятые (45,8 процента против 45,3). Исмет Иненю подал в отставку, чтобы через некоторое время снова сформировать коалиционный кабинет (третий) с участием лишь нескольких «независимых». Обстоятельством, которое помогло Иненю сформировать правительство меньшинства, несомненно, явился кипрский кризис, при котором не мог долго продолжаться правительственный кризис в стране. В начале 1965 года армия, этот решающий фактор политической жизни страны, поняла, что, коль скоро влияние Партии справедливости подорвать не удалось и она остается самой сильной партией в стране, надо протолкнуть ее в правительство. В марте 1965 года был вынесен вотум недоверия кабинету Иненю и сформировано новое коалиционное правительство из четырех оппозиционных партий. Кабинет возглавил независимый сенатор Ургюплю. Накануне образования правительства руководители всех четырех партий должны были подписать декларацию о своей лояльной позиции относительно майского переворота.

Правительство Ургюплю было временным; оно существовало до новых выборов в октябре 1965 года, на которых внушительную победу одержала Партия справедливости. Власть в стране перешла в руки председателя партии Сулеймана Демиреля. Сложилась парадоксальная ситуация: лидер партии, который несколько не скрывает, что его партия является прямой наследницей Демократической партии, присягал на верность конституции, появившейся после майского переворота. По-видимому, не случайно, когда он принимал власть, трибуны меджлиса, предназначенные для высших офицеров, пустовали.

Положение изменилось, однако, когда Демирель и его партия выдвинули на пост президента начальника генштаба турецкой армии генерала Суная, поскольку больной Гюрсель не мог больше исполнять обязанности

главы государства. Человек правых взглядов, Сунай не принимал участия в майском перевороте, но с первой же минуты отнесся к нему с сочувствием. «Движение 27 мая» выдвинуло его в первые ряды: сразу после переворота он был назначен начальником генерального штаба. Таким образом, избрание Суная президентом явилось выражением признания новой власти со стороны той закулисной силы, каковой в Турции является армия и, во всяком случае, ее высшее командование¹. Что же касается младшего офицерского состава, то он еще не раз может преподнести сюрприз в этой стране.

МЕДЖЛИС

По турецким масштабам здание парламента в Анкаре, пожалуй, чересчур большое; оно как бы построено «на вырост» и сразу обращает на себя внимание. И, кроме того, даже для Анкары оно выглядит слишком новым.

Если с внешней стороны это здание поражает вас своей величиной, то внутри — своим удобством и, я бы сказала, роскошной отделкой. Залы заседания и залы приемов выложены мрамором и отделаны деревянными панелями, на которые пошли самые ценные породы дерева. Такие залы могли бы быть предметом гордости парламента любого другого государства с высокоразвитой экономикой и традициями парламентаризма. Но соответствует ли уровень дискуссий в столь прекрасном здании его импозантному внешнему виду? По правде говоря, нет, хотя ряд депутатов и сенаторов и имеют репутацию настоящих ораторов и их выступления значительны, часто подтверждаются документами и проникнуты искренней заботой о благе общества. Вместе с тем мне вспоминается, что в течение всех лет моего пребывания в стране в печати то и дело появлялись сообщения о курьезных, незначительных, а то и просто ничемных выступлениях, которые не имели ничего общего со стоящими перед страной серьезными проблемами. Не-

¹ В апреле 1973 г. после пятнадцати туров голосования президентом Республики был избран бывший командующий военно-морским флотом Турции адмирал в отставке Корутюрк.

Городская сценка

главы государства. Человек правых взглядов, Сунай не принимал участия в майском перевороте, но с первой же минуты отнесся к нему с сочувствием. «Движение 27 мая» выдвинуло его в первые ряды: сразу после переворота он был назначен начальником генерального штаба. Таким образом, избрание Суная президентом явилось выражением признания новой власти со стороны той закулисной силы, каковой в Турции является армия и, во всяком случае, ее высшее командование¹. Что же касается младшего офицерского состава, то он еще не раз может преподнести сюрприз в этой стране.

МЕДЖЛИС

По турецким масштабам здание парламента в Анкаре, пожалуй, чересчур большое; оно как бы построено «на вырост» и сразу обращает на себя внимание. И, кроме того, даже для Анкары оно выглядит слишком новым.

Если с внешней стороны это здание поражает вас своей величиной, то внутри — своим удобством и, я бы сказала, роскошной отделкой. Залы заседания и залы приемов выложены мрамором и отделаны деревянными панелями, на которые пошли самые ценные породы дерева. Такие залы могли бы быть предметом гордости парламента любого другого государства с высокоразвитой экономикой и традициями парламентаризма. Но соответствует ли уровень дискуссий в столь прекрасном здании его импозантному внешнему виду? По правде говоря, нет, хотя ряд депутатов и сенаторов и имеют репутацию настоящих ораторов и их выступления значительны, часто подтверждаются документами и проникнуты искренней заботой о благе общества. Вместе с тем мне вспоминается, что в течение всех лет моего пребывания в стране в печати то и дело появлялись сообщения о курьезных, незначительных, а то и просто ничемных выступлениях, которые не имели ничего общего со стоящими перед страной серьезными проблемами. Не-

¹ В апреле 1973 г. после пятнадцати туров голосования президентом Республики был избран бывший командующий военно-морским флотом Турции адмирал в отставке Корутюрк.

Городская сценка

редко случалось и так, что выступавшие представители народа подменяли силу аргументов аргументами силы, и в результате пострадавших, а иногда и тяжело раненых из меджлиса надо было отправлять прямо в больницу.

Вот несколько примеров курьезных выступлений. В ноябре 1966 года сенатор Хидайет Айдинер внес в парламент интерпелляцию по делу... о воронах. Он весьма красноречиво говорил о том, какой вред вообще вороны наносят в стране, доказывая, однако, что самый большой вред от них заключается в том, что своим громким карканьем они будят по утрам президента. Сенатор обвинил министра сельского хозяйства в том, что в Турции недостаточно борются с этим злом, и уверял при этом, что богатое протеином воронье мясо должно использоваться для подкормки скота. В своем ответе сенатору министр Дагдаш с самым серьезным видом привел данные о том, сколько ворон убивалось по всей стране ежегодно, начиная с 1961 года, и предложил создать экспертную комиссию, которая установила бы возможность использования вороньего мяса...

Настоящую бурю — на этот раз в сенате — вызвало выступление в мае 1966 года представителя Партии справедливости Дирика. Задыхаясь от негодования, он обрушился на короткие юбки, в которых маршировали школьницы на спортивном параде 19 мая. В весьма повышенном тоне он утверждал, что «такие юбки были надеты специально, чтобы, показывая самые сокровенные части женского тела, возбудить мальчиков». «...Кого мы учим в школе, — патетически восклицал он с трибуны, — артисток стриптиза?» Выступлением Дирика очень возмутились депутаты оппозиции, которые усмотрели в его словах нападки на основы кемализма. За это выступление Дирик был на два месяца исключен из партии.

Не хотелось бы утруждать читателя рассказами о том, как во время прений в меджлисе пускались в ход кулаки, о чем также много писала турецкая печать. Я позволю себе упомянуть лишь об инциденте в марте 1966 года, когда депутат от Партии справедливости Байрамоглу ранил в висок одного из группы «четырнадцати» Солмазера, после чего началась драка, в которой депутат от Народно-республиканской партии Мустафа Ор как следует отдубасил напавшего, а приятель Ора избил друго-

го члена группы «четырнадцати» — Орхана Кабибая. Много шума наделало также нападение на бывшего члена хунты сенатора Улая, которого укусили... в ухо (как потом рассказывали, не без подстрекательства депутатки от Партии справедливости госпожи Нилюфер Гюрсой, дочери бывшего президента Баяра).

Все эти факты являются, на мой взгляд, выражением глубокой политической напряженности в стране. Они свидетельствуют, кроме того, и об отсутствии в Турции парламентских традиций и культуры. Об этом говорит и тот факт, что однажды ночью 1966 года, в нарушение парламентской неприкосновенности, которая гарантируется конституцией, администратор здания меджлиса самолично — без предварительной договоренности с председателями обеих палат — устроил обыск в помещении парламентских групп, рассчитывая найти нелегальную литературу; он нашел там... пишущие машинки и стеклограф. Его действия вызвали негодование в печати и были предметом запроса в парламенте со стороны оппозиции.

Сколько депутатов заседает в турецком парламенте? В соответствии с конституцией 1961 года, нижняя палата насчитывает 450 мест, а сенат — 150 плюс 15 мест по контингенту президента и 22 места для бывших членов Комитета национального единства, которые после роспуска Комитета стали пожизненными сенаторами за особые заслуги в борьбе за демократизацию Турции. Депутаты избираются сроком на четыре года по пропорциональной системе, которая очень выгодна для малых партий, особенно после того, как накануне выборов 1965 года Народно-республиканская партия внесла поправку, расширявшую рамки пропорциональности. Дело в том, что «излишки» голосов, слишком незначительные, чтобы ими могла воспользоваться та или иная партия в отдельных избирательных округах, собирались в объеме всей страны, и пропорционально к общему числу этих голосов добавлялось соответствующее число мандатов. Однако практика показала, что эта поправка сыграла на руку не партии Иненю, а малым партиям, представительство которых в меджлисе после этого возросло. Придя к власти, Партия справедливости добилась отмены этой поправки, а в марте 1966 года ей удалось провести через парламент изменение в положение о выбо-

рах и упразднить систему распределения «излишков» голосов.

Мандат сенатора действителен шесть лет; треть избираемых сенаторов и треть из контингента президента обновляется каждые два года. Выборы в сенат также проходят по пропорциональной системе, но здесь уже «излишки» голосов в расчет не принимаются. Законопроекты утверждаются сначала в нижней палате депутатов, а потом в сенате. Президент республики избирается на семь лет. Он обладает правом вето. Первым президентом Турецкой республики, избранным на основе новой конституции, был руководитель хунты генерал Гюрсель, однако он не дождал до истечения срока своих полномочий. Неизлечимо больной, он был признан в апреле 1966 года не способным выполнять в дальнейшем функции президента, а спустя несколько месяцев после этого умер. На его место был избран генерал Сунай.

А теперь несколько слов о партиях, которые представлены в парламенте.

Начну с Народно-республиканской партии (НРП), старейшей политической партии Турецкой Республики, основанной еще Ататюрком в 1923 году, в бытность его президентом, и тогдашним премьер-министром Исметом Иненю. Съезд партии в 1935 году идеологически оформил однопартийную систему в стране. Государственный аппарат в ту пору сливался с партийным как в центре, так и на местах. Опорой партии, как, впрочем, и всего кемалистского движения, была в первую очередь национальная буржуазия, а также выросшее чиновничество и средние слои. Именно в их интересах проводилась политика этатизма, национализация лесов и т. д. Вместе с тем партия нашла себе поддержку в лице деревенских кулаков. Партия проводила свою работу через созданные ею Народные дома.

После смерти Ататюрка в 1938 году генеральным председателем был избран Исмет Иненю, человек, овеянный славой военных побед над греками и дипломатической победы в Лозанне. С ноября 1938 года, когда Иненю избрали президентом республики, он оставался на этом посту в течение двенадцати лет, то есть до 1950 года, когда к власти пришла Демократическая партия. В настоящее время этот восьмидесятипятилетний государственный деятель, несомненно, самый искушен-

ный турецкий политик. Он семь раз возглавлял правительство (при жизни Ататюрка и после его смерти, в 1961—1965 годах). Исмет Иненю — это как бы живой памятник Турции. Где бы он ни появлялся, его всегда очень тепло приветствуют, и даже женщины целуют ему руку. Отношение к нему не изменилось и после того, как его партия перешла в оппозицию. Даже его политические противники относятся к нему с уважением, как к близкому соратнику Кемалю. Иненю до сих пор сохранил удивительную для его возраста ясность ума. Правда, он глух на одно ухо и всегда носит с собой слуховой аппарат, но этим недугом Иненю страдает много лет. Его весьма почтенный возраст не мешает ему систематически плавать летом в Босфоре.

По мере того как росло влияние турецкой буржуазии в годы второй мировой войны, этот необычайно искусный политик, который умудрялся одновременно играть на многих клавишах, становился все более консервативным. Однако и он не выдержал соперничества с другой партией, которая была создана после войны (кстати, с его разрешения) и более конкретно выражала интересы крупной буржуазии, помещиков и религиозных элементов, — с Демократической партией (ДП). В 1950 году ДП пришла к власти, а НРП оказалась в оппозиции. После государственного переворота 1960 года НРП снова стала правящей партией. И снова потерпела фиаско. Политика партии Иненю ничем, по существу, не отличалась от политики партии Мендереса. К какой бы партии ни принадлежал кулак, в глазах крестьянина он все равно оставался кулаком. Народно-республиканскую партию, которая была партией аморфной, стали раздирать противоречивые интересы классов и слоев, которые ее поддерживали. Правда, Иненю удалось «надуть паруса», выступая в последний период своего правления, когда речь шла о внешней политике Турции, в качестве поборника национальных интересов страны. Но и это не помогло ему удержаться у власти... И тогда этот престарелый государственный муж, памятуя о заветах Ататюрка, сделал в своей собственной партии ставку на левые элементы. Прокламированная им накануне выборов 1965 года политика «левее центра» была апробирована партийным съездом в ноябре 1966 года как официальная политика партии. Это, ко-

нечно, никакая не левая, в нашем понимании, политика, а лишь более выразительное подтверждение буржуазного реформизма. Как говорилось в идеологической декларации съезда партии, состоявшегося в октябре 1964 года, «необходимо предохранить Турцию от опасности левой и правой диктатуры, от разделения турецкой нации на классы». Генеральным секретарем на съезде партии в 1966 году был избран наиболее решительный защитник левых элементов в партии, молодой, энергичный и весьма популярный человек, бывший министр труда в коалиционном правительстве — Бюлент Эджевит¹. Таким образом, партия омолодилась не только за счет руководства. Она заняла вполне определенное место в политической жизни страны как выразительница интересов национальной буржуазии и средних слоев населения.

На выборах в октябре 1965 года Народно-республиканская партия получила 134 места в палате депутатов. Однако правая группировка партии во главе с проамерикански настроенным профессором Турханом Фейзиоглу не пожелала мириться с такой эволюцией партии. Атаки правых на партию в целом и ее престарелого руководителя привели к расколу, который оформился на чрезвычайном съезде партии в конце апреля 1967 года. Сторонники Турхана Фейзиоглу (среди них было 34 депутата) организовали новую партию правого толка, так называемую Партию доверия (ПД), которая вопреки честолюбивым планам своего организатора большой роли в политической жизни Турции не сыграла. На парламентских выборах в октябре 1969 года НРП получила в меджлисе 143 мандата², а ПД — едва лишь 15³.

¹ В настоящее время Бюлент Эджевит является генеральным председателем НРП.

² В 1969—1973 гг. в Народно-республиканской партии произошел кризис. В мае 1972 г. на чрезвычайном съезде партии Иненю подал в отставку с поста генерального председателя, и его место занял Бюлент Эджевит. В ноябре того же года 26 депутатов и сенаторов, которые не были согласны с левой политикой Эджевита, вышли из партии и основали так называемую Республиканскую партию. Вышел из партии и отказался от полномочий депутата и Иненю, оставив за собой лишь место в сенате, которое ему положено как бывшему президенту республики.

³ Партия доверия упрочила свое положение. В конце 1970 г. она объединилась с Партией новой Турции и Национальной партией, а в

Самой представительной партией в турецком междж-лисе является Партия справедливости (ПС). Формально она была создана в феврале 1961 года как преемница Демократической партии. Партия справедливости — как раньше Демократическая партия — декларирует верность исламу и делает ставку на религиозные элементы. Она представляет также интересы кулаков и крупных помещиков, которые встали на путь капиталистического ведения сельского хозяйства, и окрепшую еще более, чем при Мендересе, буржуазию. Провозглашенный Партией справедливости лозунг «к подъему экономики на базе частного предпринимательства» получил все предпосылки для осуществления. Эта партия сразу же создала новое динамичное руководство. После смерти первого генерального председателя партии генерала Гюмюшпала временным председателем партии стал сторонник Мендереса, известный своими правыми взглядами Садеттин Бильгич. Однако вскоре, на съезде партии в 1965 году, его сменил неизвестный доселе в политической жизни Турции сорокалетний инженер Сулейман Демирель, бывший генеральный директор департамента гидравлики во время правления Мендереса. Через несколько месяцев он был избран премьер-министром Турции и проявил себя на этом посту человеком весьма энергичным. На выборах в 1965 году ПС получила 240 мест, а под конец срока полномочий, на дополнительных выборах в июне 1968 года, она получила еще 20 мандатов. На выборах в межджлис в октябре 1969 года ПС получила на четыре места меньше (256), несмотря на изменения в положении о выборах, выгодные для крупных партий¹.

Весной 1961 года сторонниками Демократической партии была основана еще одна партия, так называемая Партия новой Турции (ПНТ), которую возглавил ту-

мае 1973 г. к ней примкнула Республиканская партия. В результате такого слияния на политической арене появилась Республиканская партия доверия во главе с Турханом Фейзиоглу.

¹ В Партии справедливости руководство оставалось в руках Демиреля, несмотря на то что на него пала тень финансовой аферы, в которой были замешаны его близкие родственники, использовавшие в личных целях полученные от государства кредиты. В июне 1970 г. Демирель вывел из партии 26 депутатов, бывших членов ДП, которые выразили несогласие с проводимой им политикой. Они основали новую партию под названием Демократическая партия.

рецкий экономист Экрем Алиджан. Он получил образование в Лондоне и был решительным сторонником политики экономического либерализма. Сначала в ПНТ вступило много бывших членов Демократической партии, и прежде всего представители интеллигенции. На выборах 1961 года по количеству полученных голосов Партия новой Турции стояла на третьем месте. Экрем Алиджан занимал пост заместителя премьер-министра во втором коалиционном правительстве Исмета Иненю. В 1965—1966 годах ПНТ располагала в меджлисе девятнадцатью мандатами, а к концу срока полномочий — пятнадцатью. Со временем, когда произошла поляризация сил в Турции, эта партия потеряла свое значение, а ее лидер вообще ушел с политической арены. На выборах в 1969 году Партия новой Турции получила всего два места.

Республиканская крестьянская национальная партия (РКНП) была создана в 1958 году как помещичье-буржуазная, оппозиционная к партии Мендереса. Во втором коалиционном правительстве Исмета Иненю она имела четыре министерских портфеля. В 1962 году в результате раскола из партии вышла группа членов во главе с председателем партии Османом Бёлюкбаши. В 1964 году в ряды РКНП вступили десять человек, бывших членов «четырнадцати» во главе с полковником Тюркешем.

Известный своими реакционными фашистскими выступлениями, Тюркеш сумел подчинить себе партию и захватить руководство. Однако от этого влияние ее не возросло, а на выборах в 1965 году РКНП получила всего 11 депутатских мест. На партийном съезде в 1968 году было принято решение об изменении названия партии, и она стала называться Партией национального движения (ПНД).

После 1968 года ПНД создала целую сеть ультра-националистических фашистских соединений, которые начинают играть все более заметную роль в политической жизни страны. Они даже называют себя национал-социалистами, а их эмблема — три полумесяца, которые по своей конфигурации напоминают свастику. Эти соединения проходят обучение в специальных военнизированных лагерях и открыто провозглашают своей целью борьбу с левыми элементами в стране. По под-

счетах либерального турецкого журналиста Самми Кохена, в начале 1969 года в эти соединения входило около тысячи человек. Сам Тюркеш однажды заметил, что, несмотря на свою относительную малочисленность, молодые люди, входящие в эти соединения, представляют собой немалую силу, которая в ближайшие месяцы вырастет еще больше. Тот же журналист приводит слова Исмета Иненю о том, что «терпимость, проявляемая к этим фашистским командос, становится все более небезопасной». На парламентских выборах в 1969 году партия Тюркеша получила всего один мандат.

Группа депутатов, которая вышла из Республиканской крестьянской национальной партии, основала в 1962 году Национальную партию (НП), которая в соответствии с названием подчеркивает свою верность национальным интересам в противовес американизму и космополитизму «справедливых». Вместе с тем НП придает еще большее значение, чем «справедливые», вопросам религии. Ее лидер Осман Бёлюкбаши, помещик, получивший математическое образование во Франции, весьма любопытная фигура на политическом небосклоне Турции. Искусный оратор, несомненно одержимый манией величия, он любит, чтобы о нем писали и чтобы вокруг его особы было как можно больше шума. Несколько раз он «обижался», выходил из руководства партией, но, уступая просьбам, вновь возвращался. На парламентских выборах в октябре 1965 года НП получила 31 мандат в палате депутатов. К концу срока полномочий у нее осталось лишь 12 мандатов, а после выборов 1969 года — 6.

В конце 1966 года группа офицеров в отставке и группа интеллигенции основали немногочисленную Партию единства (ПЕ), которая рассчитывает на поддержку алавитов¹, хотя, как известно, турецкая конституция запрещает создавать партии на религиозной основе. Любому алавиту понятна эмблема партии в виде льва и двенадцати звезд. Мусульманская легенда гласит, что Мухаммед, встретившись со львом, обезвредил его, бросив ему в пасть перстень. Затем Мухаммед увидел этот перстень на руке у Али и воскликнул: «Ты настоящий

¹ Алавиты — мусульманская шиитская секта. Это название происходит от имени Али (зятя Мухаммеда).

льв!» Что же касается двенадцати звезд, то они должны символизировать двенадцать имамов — преемников Мухаммеда. Такая эмблема означает, что вокруг «льва» алавитов должны объединиться все последователи Али, голосовавшие ранее за другие партии. Интересно, что символику алавитов знает каждый турок, хотя не каждый может назвать президента страны. На парламентских выборах в 1969 году Партия единства получила восемь мест.

И наконец, после выборов 1965 года пятнадцатью местами в меджлисе была представлена партия, появление которой на политической арене страны было во многом неожиданным. Речь идет о Рабочей партии Турции (РПТ). Ее основали профсоюзные деятели в Стамбуле в начале 1961 года. На выборах в меджлис в том же году РПТ участия не принимала ввиду развала многих низовых организаций. В начале 1962 года партия была реорганизована; ее генеральным председателем стал Мехмед Али Айбар, юрист по образованию¹. С самого начала своей деятельности РПТ отвечала настроениям значительной части общества: она призывала к «второй освободительной войне», то есть к борьбе за проведение подлинно независимой внешней политики Турции, за вывод ее из «общего рынка» и из НАТО, за ликвидацию американских баз и вывод войск с территории страны. Во внутренней политике партия выдвинула программу проведения глубоких общественных реформ, которые позволят Турции покончить с отсталостью. Она требовала национализации банков и ключевых отраслей промышленности, национализации внешней торговли, проведения последовательной аграрной реформы и ограничения самоуправства деревенских кулаков, ликвидации неграмотности и улучшения здравоохранения. Думается, что появление РПТ на арене политической жизни страны после 1960 года было, в сущности, явлением закономерным. Она стала опорой в борьбе рабочего класса, а в некоторых районах — и крестьянского движения. Призывая к борьбе за осво-

¹ Мехмед Али Айбар как специалист по международному праву известен далеко за пределами Турции. В конце 1966 г. лорд Рассел пригласил Айбара войти в состав комиссии по расследованию американских преступлений во Вьетнаме.

бождение страны от угнетения империалистами и отечественной компрадорской буржуазией, партия тем самым призывала к возрождению патриотических и народных традиций кемалистского движения.

«Турецкий социализм — не привозной товар, — говорил в одном из своих выступлений лидер партии Айбар, — он не похож ни на западный социализм, ни на восточный, потому что Турция — это не Запад и не Восток. Мы являемся страной, которая когда-то была великой империей, а затем превратилась в полуколонию. Мы являемся страной, которая огромными усилиями поднялась на борьбу за свое освобождение во времена Ататюрка, но не сумела воспользоваться ее плодами».

Истории было угодно, чтобы продолжательницей прогрессивных традиций движения национальной буржуазии стала партия рабочего класса, провозгласившая классовую борьбу, которую отрицал Мустафа Кемаль, предлагая вместо нее постепенные реформы, которые должны были якобы привести страну к бесклассовому обществу. Классовое расслоение в Турции выявило ошибочность утопических взглядов Кемалья на будущее страны. И это со все большей очевидностью понимают те, для кого еще живы идеалы «отца турок»... Вот почему в РПТ, которой удалось наполнить расплывчатое понятие кемализма новым конкретным прогрессивным содержанием, начали вступать прежде всего представители прогрессивной интеллигенции, воспитанные со школьной скамьи в поклонении Ататюрку. Это сказалось на результатах парламентских выборов 1965 года, в которых партия впервые принимала участие. Несмотря на травлю со стороны реакции, на разгон ее предвыборных митингов, несмотря на то, что в отличие от других партий РПТ не получила на ведение предвыборной кампании никаких правительственных дотаций, за нее было подано 276 тысяч голосов, и в первую очередь это были голоса представителей турецкой интеллигенции. К сожалению, партия не сумела развернуть активной деятельности ни среди крестьянских масс, ни среди люмпен-пролетариев, населяющих «геджеконду» в крупных городах, ни среди рабочих, составляющих всего семь процентов населения (и это несмотря на то что партия сотрудничает с прогрессивными элементами). Даже в шахтерском районе Зонгулдака, где за несколько меся-

цев до выборов произошли кровавые столкновения бастующих шахтеров с полицией и войсками, подавляющее большинство голосовало за Партию справедливости. Хотя предвыборный лозунг РПТ гласил: «Мозолистые руки — в меджлис!», депутатами от этой партии стали главным образом высокообразованные интеллигенты, такие, как лидер партии Мехмед Али Айбар, теоретик и экономист Садун Арен, профессор социологии госпожа Бехидже Боран и другие. В дальнейшем партия в значительной степени изменила свою деятельность с тем, чтобы привлечь в партийное руководство больше рабочих. Среди членов Исполнительного комитета (41 человек), избранных на втором съезде партии в конце 1966 года, 51 процент составили представители рабочих. Турецкой реакции пока что не удалось устранить РПТ с политической арены¹.

Несомненно, большой урон партии нанес раскол в 1968 году на два крыла: одно во главе с Айбаром и второе — во главе с Ареном. Если дополнительные выборы в меджлис в июне 1968 года показали рост влияния партии, то на выборах в 1969 году она получила на 30 тысяч голосов меньше. И хотя эта цифра незначительна, в силу нового положения о выборах партия получила всего два места. Таким образом, сократился радиус ее деятельности с парламентской трибуны. Однако остается фактом, что турецкий меджлис одно время был единственным меджлисом среди мусульманских стран, в котором заседали представители марксистской партии, выступления которых, с их высоким теоретическим уровнем и убедительной аргументацией, отзывались и отзываются все больше широким эхом по всей стране.

В декабре 1970 года заявила о себе еще одна правая партия — Партия национального спасения, которую возглавляет профессор Эрбакан. Она немногочисленна по составу и придерживается западной ориентации.

¹ В конце июля 1971 г. Рабочая партия Турции была распущена, а ее деятели во главе с тогдашним председателем партии госпожой Бехидже Боран арестованы. Состоявшийся в октябре 1972 г. процесс закончился приговором Бехидже Боран и семи членов центрального комитета партии к 15 годам тюремного заключения, пять других активистов партии, среди которых был Садун Арен, приговорены к 12 годам тюрьмы, восемь членов партии — к 6—8 годам тюремного заключения.

Я приехала в Турцию в начале осени 1961 года, незадолго до выборов. Тогда еще действовал Комитет национального единства, подходил к концу процесс на Ясыада над руководителями Демократической партии и уже в открытую говорили о возможности вынесения смертных приговоров. Похороны в Стамбуле в один из сентябрьских дней какого-то важного деятеля свергнутого режима превратились в демонстрацию сторонников Мендереса. Почти всех участников похоронной процессии арестовали и бросили в кутузку. За что? — спросите вы. Может быть, за то, что они выкрикивали антиправительственные лозунги? Ничего подобного! Турецкий уголовный кодекс предусматривает другой повод — за пение на улице религиозных песен...

Этот на первый взгляд незначительный факт со всей очевидностью показывает, какие глубокие перемены произошли в Турции в результате введения Кемалем светского законодательства. Потребовались твердая воля и твердая решимость Ататюрка, чтобы перерезать «пуповину», которая связывала Турцию с исламом, т. е. с Востоком, и повернуть ее к Западу.

Постепенное внедрение лаицизма, то есть отделение религии от государства, повлекло за собой запрещение всякого рода религиозных манифестаций вне храмов, запрещение публично исполнять религиозные песни, а также носить духовную одежду. И анатолийские крестьянки, одетые с головы до ног во все черное, больше похожи на монахинь, чем сами монахини, которые ходят в обыкновенном платье.

Лаицизм практикуется в Турции как краеугольный камень кемализма: это он поднял Турцию со дна национального упадка, обозначил для нее новое место в мире, указал путь к модернизации, европеизации и прогрессу. Воспитанная в духе кемализма правящая элита страны, чиновники, а главное, офицерство, считают лаицизм своего рода «табу», от которого нельзя отступать. Никто из них не признается, что соблюдает религиозные обычаи. Быть религиозным в Турции — это «плохой тон», быть религиозным — это значит быть отсталым. Прогрессивные турки считают, что исламский догматизм, который почитали их предки, был главной причи-

ной отсталости «больного человека Европы», а кемалистский лаицизм является для них синонимом современности. Бородатых религиозных фанатиков часто делают героями политических карикатур...

В этом смысле Турция коренным образом отличается от большинства арабских стран. Даже в тех странах, которые строят свой, «арабский», социализм, ислам все равно остается государственной религией, а лидеры таких государств пытаются извлечь из ислама прогрессивные идеи...

Однако понять основы лаицизма в Турции не так просто: для этого надо проштудировать конституцию и основательно познакомиться со специальной литературой. Туристу, который судит о стране по тому, что он видит собственными глазами, в этом вопросе не разобратся. Когда он будет осматривать Стамбул и его великолепные мечети, на него, несомненно, произведут впечатление толпы «правоверных», которые молятся после ритуального омовения в фонтанах. Завороженными глазами он будет следить за своеобразной «гимнастикой», когда молящиеся все вместе, как по команде, опускаются на колени, касаются ладонями плеч и сердца, опускают ладони и закрывают лицо сложенными вместе ладонями. (Кстати, надо заметить, что правоверные мусульмане ничего не имеют против того, чтобы посторонние люди, паяуры, присутствовали в мечети при омовении и молитве.) В положенный час люди расстилают специальные коврики и молятся всюду: в магазине, в железнодорожном вагоне, в поле. Единственное место, где сравнительно редко можно видеть, как молятся мусульмане, это новая Анкара, потому что там мало мечетей и потому что в Анкаре живут в основном правящая элита и чиновники — верные хранители основ кемализма.

Итак, реформы Ататюрка, в особенности лаицизм, коснулись лишь незначительной части образованных людей и ни в малейшей степени не затронули основные массы народа, и в первую очередь крестьянские массы.

Я согласна с точкой зрения, которую высказал мне однажды один из западных журналистов, долго живущий в Турции; он сказал тогда, что если эти реформы, которые таким радикальным образом посягают на нравственные нормы общества, до сих пор не встретили решительного отпора, то объяснить это можно только од-

ним, — тем, что подавляющее большинство населения о них просто-напросто не имеет понятия. Крестьянин в деревне и сегодня живет так, как столетия назад, по обычаям и традициям Османской империи. Тысячи крестьян даже и не подозревают, что турецкое государство является светской республикой; для них война за независимость остается религиозным конфликтом, который закончился победой ислама над «неверными». И сегодня вышшим авторитетом в деревне является имам или ходжа, то есть человек, который выполнил свой священный долг мусульманина и хоть однажды побывал в Мекке.

Вот, к примеру, незначительный, но характерный штрих здешней жизни: на съезде так называемого американского корпуса мира в декабре 1966 года один из сотрудников корпуса жаловался, что никто из крестьян его деревни (где-то около Нигде) не хотел пользоваться построенной там уборной только потому, что она своим фасадом выходила в сторону Мекки, значит, отправление в ней физиологических потребностей было бы святотатством...

Итак, в Турции вот уже много лет существует разрыв между светской республикой, с одной стороны, и верующей крестьянской и мелкобуржуазной массой — с другой. При этом последние исповедуют разные религии, хотя все турки являются мусульманами... Господствующим ортодоксальным направлением мусульманства является суннизм. Однако значительную часть турецкого населения — около десяти миллионов человек — составляют шииты, которые считают, что калифом должен быть Али — зять Мухаммеда. Некоторые называют шиизм мусульманским протестантством, но это сравнение, как и любое другое, не совсем точно. Протестантизм появился значительно позднее католицизма, а шиизм зародился параллельно с суннизмом, хотя и был, особенно в Турции, направлением менее ортодоксальным. В некоторых ветвях шиизма чувствуется влияние христианства и более ранних религий (например, обычай делиться хлебом и вином).

Шиизм — его здесь называют алевизмом — был привнесен в Турцию из Хорасана (Персия), где он был и остается до сих пор основным направлением в религии. Войны между Османской империей и Персией были

в основном войнами между суннитами и шиитами. С тех пор началось преследование шиитов суннитским духовенством, и в республиканской Турции это также встречается сплошь и рядом.

По сегодняшнему дню в Турции существует множество сект, связанных с шиизмом. Самой разветвленной является секта «Бекташи», к которой принадлежало когда-то много янычар. Эта секта, а вернее, братство, по правде говоря, в своей жизненной философии давно отошла от Корана; своими корнями она уходит в доисламские верования и в известной степени примыкает к христианству (например, она признает троицу), а также верит в метампсихоз. Члены братства — бекташи считают женщину равной себе, она участвует наравне с мужчинами в беседах; «братья» пьют вино и не отказывают себе в земных утехах. По своему характеру к ним в известной мере примыкает чисто шиитская секта кызылбашей. Зато братство Мевляны ничего общего с шиизмом не имеет, хотя дервиши Мевляны тоже свободно пили вино и были далеки от узкой ортодоксальности.

В Турции в настоящее время насчитывается около шестидесяти религиозных сект.

Иногда между представителями различных направлений возникают кровавые столкновения. Так было, например, весной 1966 года, когда религиозными делами руководил Ибрагим Эльмали, который откровенно покровительствовал суннитам и их крайнему направлению — секте нурджистов. Основателем этой секты был некий Саид-и Нурси, который в 1927 году появился в Испарте. Он открыто выступал против лаицизма и европеизации страны, ратовал за возвращение прав шариата, за то, чтобы женщины закрывали лицо, а мужчины носили фески, он призывал к ликвидации светских школ, к уничтожению республики и восстановлению теократического государства. Нурси разъезжал по всей стране, проповедуя свои взгляды, и даже издавал большими тиражами нелегальную религиозную литературу. Еще при жизни Кемаля, в 1929 году, он был приговорен к тюремному заключению, а его секта была признана незаконной на основании статьи 163 уголовного кодекса. Саид-и Нурси умер в 1960 году, уже после майского переворота. Говорили, будто его тело четвертовали и

бросили в озеро из опасения, что его могила станет местом массового паломничества, поскольку число его приверженцев доходило до двух миллионов.

Интересно, что среди пестрой мозаики религиозных сект, есть, например, секта езидов, которая признает дуализм, то есть существование доброго и злого духа, и поэтому некоторые считают езидов поклонниками дьявола. Они же сами рассуждают весьма просто: поскольку бог добрый, он ничего плохого никому не делает, зато злого духа надо молить, чтобы и он никому не причинил никаких бед...

Вера в народе пустила весьма сильные и прочные корни. Поэтому невольно возникает вопрос: в какой мере такой воспитательный фактор, как школа, утверждает в молодом поколении основы лаицизма, официально гарантированные конституцией?

В 1934 году Ататюрк отменил религиозное обучение в школе. Однако спустя пятнадцать лет, еще за год до прихода к власти Демократической партии, в 1949 году, под нажимом общественного мнения, религия вновь получила доступ в школы. Правда, поначалу Коран изучали только те, кого заставляли родители, да и то это было в последних классах начальной школы. Однако таких родителей было немного, поскольку неизвестны были дальнейшие шаги правительства в этой области. Когда же в 1950 году к власти пришел Мендерес, религия стала частью школьной программы. Коран изучают все школьники независимо от желания родителей. Практически его изучают все.

Под давлением общественного мнения меджлис принял решение об открытии летом 1949 года Теологического факультета при Анкарском университете. В том же году открылись школы по подготовке имамов и увеличилось число курсов по изучению Корана. Если в 1932 году в девяти таких школах обучалось 232 человека, то в 1952 году в 195 школах насчитывалось уже 11 836 человек. В период правления Мендереса было построено много новых мечетей, большими тиражами издавалась религиозная литература, проводились беседы на религиозные темы по радио.

После майского переворота, когда к власти пришла армия, а потом Народно-республиканская партия, были предприняты известные попытки опрочичить свободу

действий религиозных фанатиков. Этим широко воспользовалась Партия справедливости, которая в своей предвыборной пропаганде ловко сыграла на религиозных чувствах крестьян и той части буржуазии, которая верна мусульманским традициям. И такая пропаганда принесла свои плоды: на выборах в октябре 1965 года Партия справедливости одержала победу.

После этого «оттепель» в области религии пошла полным ходом. Начали даже раздаваться требования, чтобы Ая Софья из музея снова была превращена в мечеть. За это высказался государственный министр Сезгин, выступая на пресс-конференции в 1966 году (правда, он не стал проводить такого мероприятия в жизнь, поскольку множились протесты против такого шага и в Турции и за границей). Глава анкарских архитекторов Инкая, выступая на одной из пресс-конференций, осудил кампанию за превращение Ая Софьи в мечеть; при этом он напомнил, что с 1950 по 1965 год в Турции было построено 17 тысяч новых мечетей и на это было истрачено четыре миллиарда турецких лир, на которые, по словам Инкая, можно было построить сорок тысяч школ, то есть по одной школе в сорока тысячах деревень. В 1966—1967 годах в печати то и дело появлялись сообщения о нарушении основ лаицизма; писали, например, о существовании небольших тайных мечетей в некоторых министерствах, о том, что в одном крупном столичном магазине в мечеть переделали... туалет, о том, что даже в медресе есть специальная комната, в которой молятся депутаты и сенаторы от всех партий, кроме депутатов от Рабочей партии Турции. Настоящую бурю протеста вызвала речь премьер-министра в начале 1966 года на торжествах в связи с окончанием рамазана¹, в которой он то и дело обращался к всемогущему аллаху. Как писал потом известный турецкий журналист и сенатор Надир Нади, речь премьер-министра «напоминала скорее проповедь деревенского муллы, а не светского государственного деятеля, который воспитан в традициях кемализма». С протестом против этой речи выступили тогда 62 профессора и научных работника факультета политических наук Анкарского университета.

¹ Р а м а з а н — мусульманский пост.

Естественно, что такое поощрительное отношение к религии «наверху» немедленно вызвало ответную реакцию «внизу». Подняли голос безграмотные ханжи. В первые годы правления Партии справедливости можно было услышать муфтия из Кадырлы, который торжественно провозглашал, что земля не круглая и что не надо верить учителям, которые это утверждают. Выросло число паломников в Мекку, хотя врачи настойчиво предупреждали, что это прозит Турции распространением холеры. Стали вновь поднимать голову нурджисты, во всеуслышание заявляя о себе как о врагах лаицизма, и все большее число членов этой секты приговаривалось к тюремному заключению. Председатель Апелляционного суда Октем в присутствии премьера в 1966 году заявил, что светское судопроизводство будет со всей решительностью пресекать любые поползновения на основы лаицизма. Против оживления религиозной активности в стране выступила и армия. Председатель Совета по безопасности генерал Ульгенальп в апреле 1966 года весьма твердо выступил против религиозных элементов. «Подобно тому, — сказал он, — как бородатые козы портят лес, так и фанатики с козлиными бородками уничтожают основы кемализма». Конечно, высказывания генералов в защиту лаицизма еще не означают, что они являются сторонниками прогресса, хотя отношение к лаицизму — это в известной мере «лакмусовая бумажка» прогресса.

Позиция армии в этом вопросе была тем фактором, который убедил Демиреля несколько урезать свободу действий религиозных элементов. В частности, был снят с занимаемой должности Ибрагим Эльмали, который, в нарушение конституции, высказался за возвращение к теократическому государству; кроме того, он скомпрометировал себя связями с сектой нурджистов и нападениями на шиитов. Снятие Эльмали привело в ярость приверженцев ислама: они стали выговаривать Демирелю, что он якобы связан с масонами. «Мы не позволим ему вмешиваться в дела религии, даже если он и сидит на „белом коне“», — припрозил один из членов Федерации религиозных деятелей (она была основана в 1964 году и насчитывает около шестидесяти тысяч членов), выступая на съезде Федерации в конце 1966 года. Но Демирель не поддавался угрозам: он понимал, что подобные напад-

ки все равно не помешают его партии считаться «мусульманской партией» среди избирателей, особенно в деревнях. А именно это является в Турции залогом популярности.

Произошли ли какие-нибудь изменения в отношении людей к религии? Очень и очень незначительные, если иметь в виду деревню и провинцию. Если же говорить о молодом поколении интеллигенции, о чиновниках, о некоторой части буржуазии, об армии? Я сошлюсь на данные опроса, которые приводят в своей книге о Турции два американских автора; этот опрос они проводили в 1959 году в городских лицеях. Конечно, к ответам учащихся надо подходить с известной поправкой, поскольку тогда был период глубокого бунта молодежи против Мендереса и с тех пор настроение могло измениться.

Отвечая на вопрос о том, каким бы дисциплинам они стали обучать своих детей, если бы сами были родителями, только два процента опрошенных назвали религию среди школьных предметов. На вопрос о том, какая профессия могла бы принести им удовлетворение, за религию высказалось около семи процентов. Менее одного процента опрошенных признают за религией авторитет. Около трех процентов учащихся назвали духовное лицо фигурой, которая их больше всего восхищает. И даже на вопрос о том, чтобы они сделали, если бы на них обрушилось несчастье, только полтора процента ответили, что обратились бы за помощью к аллаху.

Эти ответы не могут вызвать удивления, если знать о культе Кемаля, в котором воспитываются учащиеся в школах. Я знакомилась со школьными программами для разных классов, и во всех биография «отца турок» значилась главным предметом. Я присутствовала на молодежных парадах, на которых молодежь несла транспаранты с надписью: «Ататюрк, мы идем по твоим следам». Мне думается, что не так-то просто заставить молодежь следовать по пути творца современной Турции, отрицая при этом его основные реформы.

Конечно, в данном случае речь идет лишь об узкой прослойке образованной молодежи, а не о массе турецкой молодежи, для которой не произошло никаких перемен, и отрицать такое положение было бы полити-

ческой ошибкой. С этими фактами вынуждены даже считаться лидеры Рабочей партии Турции, за которую не случайно голосовали представители интеллигенции. Учитывая опыт «арабского» социализма, некоторые деятели Рабочей партии Турции стали заявлять, что в исламе заключены известные позитивные идеи и что поэтому не надо обрасывать со счетов тех, кто искренне верен исламу. Так, например, известный турецкий журналист и депутат Четин Алтан в своих статьях развивал тезис о том, что обращение неграмотных масс к Корану является с их стороны стихийной формой протеста против навязываемого им буржуазией западного образа жизни... Следовательно, было бы ошибкой считать их всех реакционерами. Вот почему на съезде Рабочей партии Турции в ноябре 1966 года подвергся критике поверхностный подход к вопросам религии и подчеркивалось, что и среди духовных лиц есть люди, придерживающиеся прогрессивных, антифеодальных и антиамериканских взглядов.

Вопрос о лаицизме в Турции является вопросом чрезвычайно сложным и острым. Даже в кругах интеллигенции, воспитанной в традициях кемализма, надо считаться с давлением традиций. Я, наверно, никогда не забуду слова офицера, отказавшегося во время рамазана закурить сигарету: «Мне-то все равно, но горе на мою голову, если мои родные почувствуют у меня запах табака...»

ЭТАТИЗМ

Чтобы оценить степень усилий Кемалья в своем стремлении развить экономику страны и поставить ее на рельсы современного развития, надо вспомнить, какое наследство получила молодая республика. Ее тогдашнее положение напоминало в некотором смысле положение шляхетской Польши, хотя Османская империя никогда не знала шляхты в нашем понимании. Но, как когда-то поляки, турки в своем многонациональном государстве не занимались ни промышленностью, ни торговлей. Правоверный мусульманин стремился прежде всего к военной карьере и к высшим должностям при дворе. Он презирал хозяйственные занятия и предоста-

лял право заниматься ими немусульманам, то есть христианам, и в первую очередь грекам и армянам, а также евреям. Даже самые бедные слои турецкого населения занимались ремеслом и очень редко торговлей.

Известно, что природа не терпит пустоты. Национальные меньшинства — греки, армяне, евреи, называвшиеся также левантийцами, — а в политическом смысле граждане второго сорта — экономически находились в лучшем положении, чем господствовавшие турки. Большинство их пользовались статусом экстерриториальности, благодаря специальным привилегиям, так называемым капитуляциям. Первые капитуляции были представлены султаном Махмудом I Франции в 1740 году. Наследники Махмуда расширили действие капитуляций и на другие страны. Подданные западноевропейских государств, проживавшие в Османской империи, пользовались кроме права свободы религии и неприкосновенности личности правом консульской юрисдикции, были освобождены от налогов и от таможенных сборов.

Чем дальше, тем капитуляции распространялись на все большее число держав. Сначала они касались лишь подданных других государств, но потом распространились и на немусульман Порты, находившихся на службе иностранных посольств и консульств и, наконец, на широкую категорию лиц, состоящих на дипломатической службе. Они получали охранную султанскую грамоту — берат. Со временем берат стал передаваться по наследству, и таким образом родился новый правовой статус, распространявшийся на значительное число левантийцев. Представление о масштабах этого явления дают следующие цифры: так, в конце XVIII века в Мюлдавии, которая тогда входила в состав Османской империи, было 200 тысяч австрийских граждан, а в Валахии — 60 тысяч; когда же на эти территории распространилось влияние России, они обменяли грамоты на российские.

Во время иностранной оккупации Стамбула после первой мировой войны левантийцы в своей основной массе симпатизировали оккупантам; греки, например, были на стороне греческой армии... Становится понятным, почему основатели новой Турецкой республики не относились с уважением к левантийской буржуазии и средним слоям, в руках которых был сосредоточен ка-

питал. Финансы республики находились тогда в критическом состоянии; по Лозаннскому договору, Турция обязана была выплатить около шестидесяти двух процентов Оттоманского долга¹. Перед основателями новой Турции со всей остротой встал такой вопрос: откуда взять капитал, чтобы поставить страну на путь современного промышленного развития?

На частный капитал надежд было мало. Единственный тогда в стране Сельскохозяйственный банк (Зираат банкасы) никогда не был торговым банком. Правда, существовали другие финансовые учреждения во главе с Оттоманским банком, но они находились под иностранным контролем.

В таких невыгодных условиях новое республиканское правительство отважилось на реализацию главной задачи — на закладку фундамента для собственной, независимой экономики. Выполнение этой задачи пришлось на годы экономического кризиса (1929—1933), который охватил тогда весь капиталистический мир, и на последующие за ним годы депрессии. Кризис оказал губительное влияние на экономику молодого турецкого государства. Турция поставляла на мировой рынок главным образом продукты сельского хозяйства, но в тот период на них резко упали цены. Это повлекло за собой дефицит внешнеторгового баланса: Турция расплачивалась за вывоз промышленных товаров некоторыми видами своего сырья. Тогда же упал и курс турецкой лиры.

Депрессия и ее последствия породили в стране рост антизападных и антикапиталистических настроений. Для многих турок капитализм и империализм стали символами пагубного влияния на экономику их страны, их главным врагом, а Запад — упнетателем слаборазвитых стран, какой тогда была Турция. Ограничения Лозаннского договора, которые не позволяли принимать защитные меры против произвола высоких цен на промышленные товары, дефицит внешнеторгового баланса, тяжелое экономическое положение страны, связанное с депрессией, — все это порождало и отрицательное отношение к либеральной капиталистической экономике.

¹ Оттоманский долг — внешний долг Османской империи, образовавшийся в результате кабальных займов, навязанных Турции европейскими державами.

Чтобы избежать финансового краха, правительство резко сократило ввоз товаров из-за границы и приняло решение о создании собственной, национальной промышленности, сосредоточенной в руках государства. На такое решение, без сомнения, повлияли хозяйственные успехи соседней и дружественной страны — Советского Союза, плановая экономика которого успешно развивалась, в то время как в капиталистическом мире господствовал кризис.

В конкретных условиях отсталого государства, каким была Турция, этатизм Кемаля был прежде всего политикой защиты развивающейся отечественной промышленности от капитала иностранных держав. Без помощи государства отечественная промышленность не могла бы развиваться и крепнуть. Этатизм отвечал также интересам подавляющей части национальной буржуазии, поскольку давал ей возможность успешно конкурировать как на внутреннем рынке, так и с иностранным капиталом и связанной с ним стамбульской компрадорской буржуазией. Хотя если говорить о компрадорской буржуазии и ее политических экспонентах, то следует заметить, что они решительно не признавали этатистской концепции кемализма. Однако, несмотря на их сопротивление, этатизм был вписан в 1931 году в программу Национально-республиканской партии и в конституцию Турецкой Республики.

Благодаря политике этатизма Турция смогла вступить на путь экономического развития и ограничения иностранных капиталовложений. Благодаря этой политике Турция оказалась в состоянии построить крупные предприятия, которые были бы не под силу частному предпринимательству. Некоторые же области промышленного развития были отданы частному сектору.

Большую и существенную помощь в развитии турецкой национальной промышленности оказал Советский Союз, как в форме предоставления промышленных кредитов на выгодных для Турции условиях, так и в виде помощи квалифицированными кадрами в строительстве текстильных комбинатов в Кайсери и Назилли. Советская страна помогла Турции в подготовке технических кадров для этих комбинатов и в поставках современного оборудования. Это был период самого тесного советско-турецкого сотрудничества, широкого обмена пра-

вительственными визитами. В 1935 году было достигнуто соглашение о пролонгации еще на десять лет советско-турецкого договора¹.

В том же, 1935 году турецкое правительство выработало первый пятилетний план развития промышленности — случай в капиталистическом мире в те годы беспрецедентный. Инструментом реализации этого плана стали два крупных государственных банка — Этибанк и Сумербанк: они предоставляли кредиты, финансировали вложения, устанавливали цены, условия продажи, сроки платежей и т. д. Деятельность этих банков и подчиненных им предприятий привела к — пусть к неполной — экономической независимости. Если к этому добавить государственную монополию на соль, табак, спирт, спички, наличие государственных электростанций, государственных железных дорог, а также лесов, которые с 1937 года находились в ведении государственного Комитета по эксплуатации лесов, станет ясно, что контроль государства над тогдашней экономикой был довольно значительным...

Конечно, всякий эксперимент связан с большими расходами. Противники этатизма и сегодня твердят, что многие государственные предприятия терпят хронический дефицит из-за непомерно раздутого бюрократического аппарата и недостатков в планировании. И все-таки проведение политики этатизма позволило Турции заложить фундамент отечественной промышленности и упрочить экономику. Вот как оценивает эту политику Международный банк реконструкции и развития: «Благодаря этатизму Турция добилась значительных успехов. Весьма сомнительно, чтобы в тех условиях таких же успехов могло добиться частное предпринимательство».

Экономические усилия Турции в годы второй мировой войны, в которой она фактически участия не принимала, еще более расширили вмешательство государства в экономическую жизнь страны. Этатизм стал основой чрезвычайных экономических прав государства. Второй пятилетний план, утвержденный в 1939 году, так и остался на бумаге из-за непомерно высоких военных наплывов и нехватки сырья. Зато в годы войны вы-

¹ Речь идет о пролонгации советско-турецкого договора о ненападении и нейтралитете, подписанного в 1925 г.

рос объем внешней торговли. Продукция нейтральной Турции пользовалась большим спросом и продавалась по ценам, скорее стратегическим, нежели коммерческим. Крупные купцы и агенты в Стамбуле сколотили себе опромные состояния. В связи с этим в ноябре 1942 года государство провело чрезвычайное финансовое мероприятие: оно ввело налог на имущество, который заключался в однократном взносе в двухнедельный срок суммы, которая составляла 50—70 процентов чистой прибыли с промышленных или торговых предприятий за 1941 год. Сумма взноса определялась местными комиссиями, которые не скрывали, что основным критерием для них при определении суммы была религиозная и национальная принадлежность налогоплательщика... Вскоре после этого последовали высылки за неуплату долгов: многие греки, евреи были высланы на работы в каменоломни в Ашкале; партии высланных следовали одна за другой, банкротство следовало за банкротством. Однако введение этого налога подверглось резкой критике как в самой Турции, так и за границей, и в июле 1943 года он был официально отменен, а в декабре того же года в Стамбул вернулись те, кто был выслан.

После войны политика этатизма вновь оказалась под обстрелом, чему, несомненно, в немалой степени способствовали злоупотребления, допущенные в связи с налогом на имущество. Против этатизма выступила значительная часть выросшей в годы войны национальной буржуазии; в политическом же плане это было выступление против Народно-республиканской партии, во имя экономического либерализма. Собранный в 1948 году в Стамбуле Турецкий конгресс экономистов осудил этатизм. В 1950 году был создан Банк промышленного развития Турции, который ставил своей задачей предоставление кредитов частным промышленным предприятиям. Не случайно это совпадает со все более тесными связями Турции с американской внешней политикой. Американцы недвусмысленно и открыто выступали против этатизма. Так, например, один из видных представителей американских монополий, глава первой экономической миссии США в Турции Макс Торнберг заявил без обиняков, что «этатизм затрудняет сотрудничество между США и Турцией».

Несомненно, что бунт определенной части окрепшей турецкой буржуазии против этатизма был своеобразным свидетельством ее успехов. Она сама сформировалась и разбогатела как раз благодаря политике этатизма; многие предприниматели получили квалификацию на государственных предприятиях. Эта буржуазия сумела извлечь из политики нейтралитета Турции в годы второй мировой войны дополнительные возможности для своего обогащения. В период правления Мендереса правительство приняло ряд решений в пользу этой буржуазии и иностранных вкладчиков; в частности, они гарантировали им право изъятия своих вкладов и прибылей с них во вложенной валюте. Но интересно, что партия, которая пришла к власти, выступая с лозунгами против этатизма, не реализовала своих предвыборных обещаний о приоритете частного предпринимательства и выкупе государственных предприятий. Турецкая буржуазия была все-таки неопытной и недостаточно богатой, чтобы выкупить государственные предприятия, составлявшие примерно 30—40 процентов всей турецкой промышленности.

После государственного переворота в мае 1960 года одним из первых мероприятий Комитета национального единства было создание Государственной плановой комиссии; в нее вошли молодые способные экономисты, для которых благосостояние и оздоровление экономики страны было делом первостепенным. После длительного периода подготовительной работы Комиссия выработала план развития экономики, рассчитанный на три пятилетки и основанный на смешанной экономике при примате государственного сектора в ключевых отраслях промышленности. План ставил целью ежегодное увеличение национального дохода на семь процентов. Даже с учетом естественного прироста населения, равного трем процентам в год, это означало бы большой шаг вперед на пути развития турецкой экономики. План предусматривал также повышение капиталовложений на 18 процентов, из которых на иностранную помощь — по самым оптимальным подсчетам — приходилось не более четырех процентов. Остальное должно было дать внутреннее финансирование. Но за счет чего оно будет произведено? Авторы плана предлагали в качестве первых шагов форсированное проведение налоговой рефор-

мы, основанной на прогрессивном налогообложении, и в первую очередь на налоге на состояние, а также ряд других мероприятий — ограничение потребления предметов роскоши, контроль за счетами крупных предприятий, принятие мер против инфляции, — которые бы исключали переложение всех тягот на плечи широких масс.

Проект плана, в основу которого были положены эвристические концепции Ататюрка, был сразу же раскритикован сторонниками политики экономического либерализма; был отклонен и проект налоговой реформы, предложенный английским буржуазным экономистом профессором Калдором. Первоначальные замыслы Комиссии все более суживались и наконец план развития турецкой экономики, как заметил прогрессивный журнал «Ен», напоминал окаянную лошадь со спутанными ногами. Спутанные ноги — это внутреннее финансирование и соответствующие дотации для государственных предприятий. Как директивы плана, так и узаконенные полномочия Государственной плановой комиссии оказались под сильнейшим обстрелом реакции. В результате после двух лет работы глава Комиссии Торун и три директора в знак протеста подали в отставку. За ними последовали другие члены Комиссии. С тех пор прогрессивная печать прозвала план «ширмой для бесплановой экономики». От первоначального проекта почти ничего не осталось, кроме призыва к загранице о финансовой помощи.

Турция получила помощь от созданного в 1963 году Международного консорциума помощи Турции, в который вошли Англия, Бельгия, Голландия, ФРГ и Италия. В течение пятнадцати лет, с 1952 по 1967 год, Турция получала от США и Консорциума в среднем по 500 миллионов долларов ежегодно. Кредиты, полученные Турцией на финансирование плана, оказались очень невыгодными: они были краткосрочными, высокопроцентными и оговорены многими условиями. По замечанию газеты «Миллиет», предоставление кредитов «напоминало помощь не столько друзей, искренне желающих помочь развитию нашей экономики, сколько купцов, которые думают прежде всего о своей выгоде».

Параллельно с постепенным отказом от планирования на основе внутреннего финансирования в турецкую экономику все сильнее и сильнее проникал иностран-

ный капитал. В 1961 году с помощью американского капитала был построен крупный сталелитейный завод в Эрегли, заложенный еще в правление Иненю как американо-турецкое предприятие. Иностранная помощь стала основным источником финансирования новых инвестиций. А это привело к росту задолженности Турции. В 1961—1965 годах в среднем 37 процентов турецкого экспорта шло на уплату внешних долгов. А вместе с тем национальный доход на душу населения был чрезвычайно низким. Например, в 1965 году он равнялся едва 250 долларам в год, что было почти на 100 долларов ниже, чем в Греции.

После прихода к власти Партии справедливости Демирель решительно сделал ставку на развитие частного сектора. По его концепции, именно частнокапиталистическая инициатива должна была стать главным рычагом индустриализации страны. Он отводил совсем иную роль Государственной плановой комиссии. Представляя весной 1967 года на обсуждение в меджлис новый пятилетний план, он напрямик заявил, что «было бы ошибкой искать в этом плане централизованное планирование». План подвергся резкой критике со стороны оппозиции, которая расценила его как средство и дальше держать экономику Турции в зависимости от иностранной экономики. По новому уставу, Государственная плановая комиссия несет ответственность за проведение переговоров об иностранных капиталовложениях и выдает на них разрешение. Роль и значение частного сектора во втором пятилетнем плане значительно повысились. Национальная буржуазия располагала теперь большим капиталом. Курс на выкуп государственных предприятий отвечал также интересам западных держав, но больше всего — Соединенных Штатов Америки, и этот курс сделал возможным проникновение иностранного капитала в ключевые отрасли турецкой экономики. Не случайно в 1967 году Турция получила самую большую (относительно численности населения) помощь от США — 150 миллионов долларов (для сравнения: Пакистан с населением 90 миллионов человек получил 150 миллионов, а 450-миллионная Индия — 350 миллионов долларов).

Однако для правительства Демиреля отступление от политики этатизма проходило совсем не легко и гладко. Государственная бюрократия неохотно уступала насиженные местечки в обобществленных предприятиях, и, кроме того, против этого выступали армия и молодежь, остававшиеся верными кемалистским традициям этатизма.

Весьма характерной с этой точки зрения является дискуссия вокруг проблемы использования природных богатств страны, и в особенности турецкой нефти.

Запасы нефти в Турции исчисляются примерно в 65 миллионов тонн, но, поскольку изыскания продолжаются, можно предположить, что они значительно выше. (К примеру, когда рыли колодец в какой-то деревне недалеко от Коньи, неожиданно забил нефтяной фонтан.) Последние данные говорят о росте добычи нефти в Турции, хотя она и отстает от других «нефтяных» стран Ближнего Востока.

Чтобы такая важная отрасль экономики, как нефтяная промышленность, развивалась, необходимо, чтобы добыча и очистка нефти находились в руках государства. Этатизм в области нефтяной промышленности и в том, что касается стратегического сырья, — это одна из предпосылок существования и независимости государства. «В такой стране, как Турция, — заявил в 1966 году генеральный секретарь НРП Эджевит, — природные богатства издавна притягивали к себе взоры чужеземцев». Это понимал и Кемаль Ататюрк, по инициативе которого был выработан закон, существенно ограничивавший деятельность в стране иностранных, особенно нефтяных, монополий. Однако при Мендересе меджлис принял в 1954 году другой закон, за номером 6326, истинным автором которого был американский эксперт и нефтяной магнат некий Макс Болл. Этот закон, который, как утверждает печать, был принят не без «долларовых аргументов», отменил государственную монополию на добычу нефти и передал иностранным компаниям такие права, какими до сих пор располагали только государственные предприятия. В свое время турки не отдавали себе отчета в том, какими богатствами они располагают; первые залежи нефти были открыты в 1934 году, потом в 1945-м. Зато Соединенные Штаты уже тогда смекнули, какое значение для них имеют эти

залежи и как стратегическое сырье и как сфера приложения капиталов. В соответствии с принятым законом для иностранных компаний особенно выгодной была добыча нефти в Турции. В то время как другие страны-производители нефти делили прибыли с иностранными компаниями поровну (итальянская компания ЭНИ отдавала 75 процентов), Турция по этому закону получала лишь 37 с половиной процентов прибыли. По этому же закону иностранные компании освобождались от таможенных сборов, налогов и пр.

В 1954 году в Турции было создано первое и единственное Турецкое нефтяное общество (ТПАО) с капиталом в 150 миллионов турецких лир. Этот маленький концерн стал смело конкурировать с такими нефтяными акулами, как «Шелл» или «Мобиль Ойл», которые заключили тайные соглашения о разделе нефтеносных турецких территорий. Девятнадцать западных фирм получили концессии на проведение поисковых работ в счет будущих прибылей от добычи нефти. Однако добыча оказалась весьма невысокой, и левая печать обвинила иностранные компании в умышленном невыявлении новых залежей нефти. Турция вынуждена была начать ввозить нефть из-за границы по высоким ценам, поскольку собственная добыча едва покрывала треть потребностей. Иностранные компании объясняли такую незначительную добычу нерентабельностью, но вместе с тем не соглашались на перепродажу концессий государству. Им было выгодно, чтобы Турция оставалась рынком сбыта для нефтяных продуктов, ввозимых ими без таможенных пошлин. Так, в 1963 году иностранные нефтяные компании выкачали из Турции 15 миллионов долларов чистой прибыли.

И получается, что Турция, богатая нефтью страна, покупает ее у иностранных компаний, добывающих нефть на ее же территории, по ценам, которые на 35 процентов выше мировых. При этом компании освобождены от уплаты налогов и имеют право на вывоз всех видов прибыли от нефти в конвертируемой валюте (заметим, что турецкая валюта на мировом рынке не котируется). Это сильнейшее средство нажима на Турцию! Как сообщала турецкая пресса, во время кипрского кризиса нефтяные компании грозили Турции прекращением продажи ей нефти...

Привилегии, которыми пользуются в Турции иностранные нефтяные компании, напоминают по своему характеру капитуляции времен Османской империи.. Все более популярным становится призыв «Турецкая нефть для турок!» В мае 1965 года в меджлис был внесен запрос об изменении нефтяного закона, подписанный 122 депутатами. Инициатором кампании за национализацию турецкой нефти был глава Турецкого нефтяного общества (ТПАО) Ихсан Топалоглу. Принятие его предложений относительно добычи, очистки и транспортировки нефти турецкими государственными предприятиями (с перспективой развития нефтехимической промышленности) имело бы для Турции большое значение.. По сообщению «Джумхуриет», перед началом дебатов в меджлисе министр финансов получил телеграмму от одной западной нефтяной компании с требованием не допустить обсуждения в меджлисе и с упреками — в случае изменения закона — осложнений для Турции на мировом рынке.

И действительно, запрос был отклонен, депутаты не проголосовали за изменение нефтяного закона, несмотря на то, что еще до прихода к власти Демиреля Турецкое нефтяное общество добилось известных результатов в своей неравной борьбе с иностранными нефтяными гигантами; ТПАО отказали в праве на строительство нефтеочистительного завода в Мерсине, который был построен целиком на иностранный капитал, зато от эксплуатации нефтеочистительного завода в Измире Общество получало 51 процент прибыли. Тогда же ТПАО приобрело право на импорт нефти; цена, по которой продавалась нефть турецкому правительству, снизилась на 10 процентов против прежней.

Как сообщала турецкая печать, во время парламентских выборов в октябре 1965 года иностранные нефтяные компании предоставили значительные денежные суммы Партии справедливости на проведение избирательной кампании. Естественно, что, когда эта партия пришла к власти, у них были все основания для оптимизма. Глава ТПАО правительственным декретом был снят с занимаемой должности. Правда, это не приостановило борьбы за нефть. На дополнительных парламентских выборах в 1967 году Ихсан Топалоглу был избран сенатором от Народно-республиканской партии, чтобы с

трибуны парламента защищать интересы турецкой нефти. Думается, что последнее слово в этой игре еще не сказано.

Дело не в юдной только нефти. «Невидимым проникновением богатых трестов» назвал главный редактор прогрессивного еженедельника «Ен» процесс захвата иностранным капиталом и других природных богатств страны. «Строительство нефтеочистительного завода в Измире и эксплуатация медных рудников на Черном море, — писал он, — были переданы при Иненю Турецкому нефтяному обществу и Этибанку. Когда же к власти пришла Партия справедливости, и завод и рудники в результате ловких маневров оказались в руках иностранных трестов». Впрочем, вся турецкая печать обсуждала в октябре 1966 года эту проблему. Газета «Ени Истанбул», которую никак нельзя заподозрить в симпатиях к передовым идеям, писала: «Пока мы пытаемся спасти нашу нефть от иностранцев, они запустили свою лапу в наши шахты».

То же самое произошло и с залежами буры. Бывший министр энергетики Худай Орал заявил на пресс-конференции в Стамбуле в декабре 1966 года, что одна иностранная компания запросила концессию на добычу 80 процентов запасов турецкой буры сроком на сто лет и что просьба была положительно встречена турецким правительством. Министр подчеркнул при этом, что согласие на концессию означало бы для Турции значительные потери в валюте и потерю возможностей экспорта буры по конкурентным ценам через государственный и частный секторы. А главное, принятие такого рода предложения идет вразрез с национальными интересами. Вот почему третье коалиционное правительство отклонило эту просьбу.

Даже правая Народно-республиканская крестьянская партия выступила с заявлением, критикующим политику правительства в отношении иностранного капитала. Турецким предпринимателям удалось, несмотря на упорное сопротивление общества «Вогак Cons. Ltd», построить недалеко от Бандырмы (там находится месторождение буры) первую государственную фабрику по производству буры, причем это первая такого рода фабрика не только в Турции, но и на всем Ближнем Востоке...

Проблема дальнейшего развития турецкой экономики остается открытой. Будет ли Турция сама извлекать прибыль из своих природных богатств или позволит иностранным монополиям обогащаться за счет их эксплуатации? В этом основное разногласие между сторонниками этатизма в Турции и сторонниками частной — отечественной или иностранной — инициативы.

ЧАРШАФЫ

«По приказу Его величества султана и требованию шейхуль-ислама женщинам запрещается показываться в общественных местах. Офицеры полиции обязаны начинать следствие всякий раз, когда подтвердится, что женщина осмелилась прикрыть лицо лишь прозрачным покрывалом в случаях, не предусмотренных правом. Замужним женщинам запрещается показываться в экипаже или прогуливаться пешком в кварталах Баязет, Шахзаде-баша и Аксарай¹, а также появляться на базаре или заходить в лавки. В случае нарушения этих требований кучера экипажей будут судиться наравне с женщинами на основании статьи 254 уголовного кодекса. Если полиция заметит женщин в общественном месте, она обязана сделать так, чтобы они разошлись. Мужчина, который осмелится обратиться к женщине... должен понести наказание по статье 202 уголовного кодекса».

Такую информацию о запретах, регулирующих жизнь женщины в Османской империи, я прочитала в английской газете «Левант Геральд» от 15 августа 1881 года. Но женщины не были бы женщинами, если бы не нашли способа обойти эти запреты. Юридическое положение османской женщины было фактически статусом невольницы. Незадолго перед первой мировой войной в Турции разразился публичный скандал из-за того, что тогдашний премьер-министр Фуат-паша осмелился показаться в отеле в обществе своей жены. Мужчины и женщины были отделены друг от друга. Это касалось даже средств передвижения: например, на паромах, которые курсировали по Босфору, женщине запрещалось покидать каюту. Когда супружеская чета выходила на ули-

¹ Название кварталов в Стамбуле.

цу, то муж и повелитель шел всегда впереди, а в тесном отдалении за ним шла... жена. И даже в тех местах, где турчанке разрешалось показываться публично, ее лицо все равно должно было быть закрыто чаршафом¹. В домах же существовали две отдельные половины — мужская («селямлик») и женская («гаремлик»).

По Корану мужчина мог иметь четырех законных жен и практически неограниченное число любовниц. Я помню, как в разговоре со мной некий профессор университета, человек образованный и культурный, после нескольких рюмочек начал с легкой грустью вспоминать об идеальной гармонии в его родном доме, когда его мать и еще три жены отца одинаково любили всех детей. Но, когда муж и повелитель привел в дом молодую любовницу, против нее выступили все жены вместе, и господин вынужден был отдать ее замуж за своего садовника...

Однако такой пример согласия с желанием женщин был не правилом, а, скорее, исключением. По шариату, то есть по мусульманскому праву, женщина во всем обязана была подчиняться воле своего мужа, которого перед замужеством совсем не знала. Будущие супружеские союзы, обычно в очень молодом возрасте, устраивали родители. Весьма распространенными были смотрины сватьей будущей невесты. Для этого ей тайно надлежало посетить дом возможной будущей жены и оценить ее действительные достоинства и недостатки. Если смотрины проходили удачно и стороны приходили к соглашению, через определенное время состоялась церемония бракосочетания, во время которой обычно впервые и виделись будущие молодые. Для развода же было достаточно, чтобы муж трижды повторил при двух свидетелях, что он не хочет, чтобы женщина и дальше оставалась его женой. Женщина же не только не могла выступить инициатором развода, но не имела права также распоряжаться ни одной вещью в доме без согласия мужа. После смерти мужа она могла надеяться на получение одной шестнадцатой, а в лучшем случае — одной восьмой части наследства. Дочери по закону получали в два раза меньше, чем сыновья.

¹ Ч а р ш а ф — покрывало из плотной ткани. По-турецки это слово означает также «простыня».

Эти несколько примеров дают, как мне кажется, известное представление об униженном положении женщины в Османской империи независимо от того, к какому классу она принадлежала. И вместе с тем на этих немногих примерах можно лучше понять, что сделал Ататюрк для турецкой женщины. Поворотным пунктом в ее положении было участие в освободительной войне. Простые крестьянки помогали на фронте перевозить снаряды, ухаживали за ранеными, снабжали солдат продовольствием. В национально-освободительной борьбе участвовали и образованные женщины, такие, например, как известная писательница Халиде Эдип Адывар. Скульптура, изображающая турецкую крестьянку с винтовкой на плечах, украшает цоколь памятника Ататюрку на площади Улус в Анкаре и вход в его мавзолей.

Наделение женщин равными правами с мужчиной, введение нового гражданского кодекса означали глубокое вторжение современности в освященный веками порядок не только в общественной, но и в личной жизни.

Новый гражданский кодекс отменял многоженство и утверждал моногамный гражданский брак, при котором обе стороны обладают равными правами; женщина теперь, так же как и мужчина, может подавать на развод. Церемония бракосочетания не очень хлопотна, ее не обязательно проводить в так называемом Салоне бракосочетания; если позволяют средства, снимается зал в ресторане, приглашаются гости и представитель официальной службы. Церемония длится очень недолго: достаточно, чтобы в присутствии свидетелей юноша и девушка сказали, что хотят стать супругами, и поставили свои подписи в специальной книге. И все. Естественно, что заключаются браки и по мусульманским законам. Однако среди интеллигенции это случается весьма редко.

В области равноправия женщин Турция пошла даже дальше Швейцарии, где, например, и сегодня женщина лишена избирательного права. В Турции женщина имеет право и выбирать, и быть избранной. Турчанка уже много лет заседает в парламенте. Например, в 1965—1967 годах в меджлисе заседали шесть женщин, а в сенате — одна (от Рабочей партии Турции). В сегодняшней Турции женщина может иметь любую профессию, даже из тех, которые раньше считались мужскими. За

сравнительно короткое время турчанка сделала скачок от гаремной жизни к общественной: теперь никого не удивит женщина — врач, адвокат, учитель и даже судья в Высшем суде республики. Есть много талантливых женщин-журналисток разных политических взглядов. Они знают, как правило, по несколько иностранных языков и пишут остро, с большим знанием дела. Показателем степени эмансипации образованной турецкой женщины является и тот факт, что некоторые из них, будучи замужем, выступают под своими фамилиями. Широко известны имена профессиональных журналисток Мушерреф Хакимоглу, Иффет Аслан, Лейлы Чамбель, Нимат Арзик, Нилюфер Ялчин и многих других.

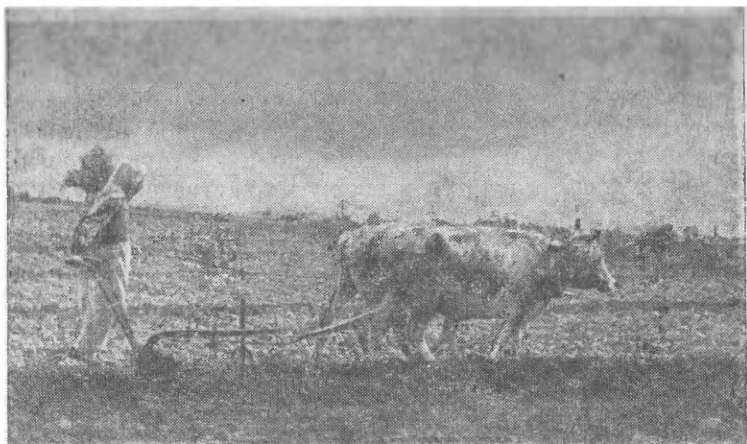
Это тем более достойно упоминания, что продвижение женщин в интеллектуальной жизни началось сравнительно недавно. Первые студентки были приняты в университет в 1914 году. Но только в 1921 году были разрешены совместные лекции на гуманитарном факультете. В настоящее время среди преподавателей и научных работников высших учебных заведений процент женщин не ниже (а может быть и выше), чем в европейских странах, в 1960/61 учебном году женщины составляли 18,7 процента. Некоторые из них занимали должности деканов. Такое исключительное продвижение женщин в университетах объясняется в известной степени тем, что большинство университетов возникло недавно (практически до 1933 года существовал один Стамбульский университет), а также огромной потребностью в квалифицированных кадрах и отсутствием традиций монополизирования кафедр только мужчинами. Поэтому в Турции, в стране, где женщина была особенно притесняема, создалось весьма парадоксальное положение: возможности ее интеллектуального роста выше, нежели в других странах, где эмансипация женщин давно уже стала нормой.

Конечно, все это верно лишь в отношении очень узкой прослойки женщин, из интеллигенции. Однако бывает, что турчанка, занимая высокое положение на службе, в семейной жизни остается по-прежнему рабыней нравственных традиций. Главное лицо за столом — это муж, хотя он может быть простым чиновником, а она — читать лекции в университете. Если же говорить о турчанке из буржуазной семьи, то к большинству из

них и сейчас вполне применимы слова жены английского посла в Стамбуле в начале XVIII века леди Монтегю, которая писала: «Главное занятие турчанок из общества — это визиты к знакомым, щедрая трата денег и выдумывание новых фасонов платьев».

А в каком положении находится турчанка, которая живет не в большом городе, а в провинции или в деревне? Обычный турист, который мало что слышал о реформах Кемалю, знает только одно: повсюду, кроме больших городов, да и то центральной их части, женщины ходят с закрытыми лицами и отворачиваются, если их хотят сфотографировать, потому что, по их представлению, в это время у них хотят отнять душу... Но в деревне не часто увидишь крестьянку с закрытым лицом: работать в поле от зари до зари, не разгибаясь, с закрытым лицом неудобно. В Турции в поле работают женщины, а мужчины сидят целыми днями в кофейне, которая есть почти в каждой деревне. Так обстоит дело сегодня, но так было и тогда, когда женщина официально и юридически признавалась существом низшим. Только в одном она была равноправна с мужчиной и даже находилась в «привилегированном» положении — это когда надо было работать.

И здесь снова дает о себе знать другой парадокс, касающийся деревенской женщины. Уважающий себя мусульманин желает иметь как можно больше сыновей. Рождение дочери для отца не только неприятно, но и позорно. Обычно, на вопрос «кто родился», если это девочка, отвечают: «Никто не родился», потому что девочка — это не человек. Если же отца спросить о количестве детей, то он перечислит только мальчиков. А если жена рождает только дочерей, то последняя по счету дочь получает имя «Етер» («довольно», «хватит») или «Дёнюш» («перемена»). Эти имена довольно распространены в деревне. Но вот тут-то честь мусульманина и вступает в конфликт с экономической выгодой. Подходя по-хозяйски к делу, отцу выгодно иметь только дочерей. Когда он выдает дочь замуж, то получает от будущего зятя солидный «башлык», сумма которого зависит от имущественного положения, а также красоты и полноты девушки — от десятков до нескольких тысяч лир. Дело в том, что турки испокон веков предпочитают полных женщин. Когда-то существовал обычай, по кото-

Турецкая крестьянка

рому за будущую жену платили «с килограмма»: чем больше она весила, тем дороже стоила. Впрочем, этот обычай не канул в Лету. В бытность свою в Турции я прочитала в газете о сделке между богатым торговцем и бедным крестьянином; предметом сделки была... дочь крестьянина, по словам газеты, хорошенькая, рослая и довольно полная, несмотря на свои пятнадцать лет. Стороны договорились быстро: поставили ее на весы, торговец заплатил отцу по 500 лир за килограмм и забрал свой «товар». Не исключено, что такой обычай — может, не в столь откровенной форме — практикуется повсюду... Ради справедливости надо сказать, что дочь получает от отца приданое, но обычно стоимость его значительно ниже получаемого отцом «башлыка».

И пока я была в Турции мало что изменилось в этом смысле. Газета «Терджюман», например, писала о сорокатрехлетнем ага из деревни в окрестностях Кайсери, который купил у своего приятеля его четырнадцатилетнюю дочь по тысяче лир за килограмм и заплатил 57 тысяч лир, — еще один пример, показывающий, как растут цены в Турции! Тогда же «Джумхуриет» поместила статью профессора права Х. В. Велиде-оглу о несоответствии между юридическими правами женщины и ее действительным положением и приводил в качестве

примера продажу дочери одного крестьянина... за 10 килограммов пшеницы.

Плата за жену обосновывается экономически. «Башлык» — это как бы единовременное возмещение за долгие годы будущей бесплатной изнурительной работы в доме мужа и одновременно компенсация отцу, который, продавая дочь, лишается в своем хозяйстве рабочей силы. Такими же экономическими соображениями следует объяснять и тот факт, что многоженство вовсе не исчезло ни в деревне, ни в провинции. Кто может себе позволить неоднократно заплатить «башлык», тот может иметь много жен. В конечном счете многоженство — не только оплачивается, но и всячески поощряется первой, старшей женой, потому что новая жена — это бесплатная рабочая сила в доме. Сломать силу традиции не так-то просто, и властям ничего не остается, как смотреть на это сквозь пальцы. Время от времени в печать просачиваются сведения о неофициальных гаремах. Например, стамбульская газета на французском языке «Журналь д'Орьян» писала, что восьмидесяти-трехлетний ага в одной из деревень на востоке был счастливым обладателем 24 жен, 13 дочерей, 11 сыновей и 43 внуков. Его самой молодой жене 16 лет и она тоже одарила его ребенком. На вопрос корреспондента об отношениях в такой большой семье, она очень хвалила всех остальных жен, а старшую называла «матерью жен». Этот ага — человек в округе весьма уважаемый, каждый год он посылает в армию трех своих внуков.

Помещикам — особенно в восточных вилайетах, — которые владеют нередко несколькими деревнями, ничего не стоит иметь такие гаремы. Крестьяне, даже зажиточные, должны довольствоваться меньшими. «Джумхуриет» в феврале 1967 года опубликовала репортаж о гареме семидесятилетнего богатого крестьянина Сари Али Ышыклара в окрестностях Адапазары, недалеко от Стамбула. Его скромнейший гарем насчитывает всего 8 жен; у него 34 ребенка, и вместе с внуками вся семья насчитывает 130 человек. Самой младшей жене — 25 лет. И здесь царит полнейшая гармония. Слова счастливого мужа «Мы живем, как розочки» автор репортажа Иылмаз Четинер вынес в заголовок. Он ссылается на беседу с самим Сари Али и его соседями в местной ко-

фейне, где, как он пишет, «зимой можно встретить всех деревенских мужчин, молодых и старых, которые с утра до вечера дуются в карты».

Конечно, описанная в данном репортаже семья не является типичной, она, скорее, исключение. Как рассказывает Сари Али, у него много земли (фруктовые сады и ореховые плантации), а земля в тех местах плодородная и приносит богатые урожаи. Автор репортажа особенно подчеркивает тот факт, что влечение Сари Али к многоженству имеет экономическую основу. Расчет очень простой. Одно ореховое дерево приносит ему ежегодно 80—90 тысяч турецких лир дохода. На содержание всех жен и детей, вместе взятых, Сари Али — а он щедрый муж и щедрый отец — тратит всего 40—50 тысяч турецких лир. И какой бы высокой не была сумма «башлыка», выплаченная им за жену, она давно сполна оплачена.

На мой взгляд, интересен уклад этой полигамной семьи: каждая жена живет отдельно, в собственном помещении, а собираются они вместе, с детьми и внуками, только по праздникам и во время сбора орехов, когда работают все, от мала до велика. Сари Али обходит своих жен по очереди. На вопрос корреспондента, не испытывает ли он неудобства, оказываясь каждую ночь в другой постели, Сари удивленно воскликнул: «Да почему? Жены-то все мои!» Кажется, жены действительно не ревнуют друг к другу... Единственно, чем они могут похвастаться одна перед другой, — это количеством детей. Муж обходится со всеми одинаково, всем дарит одинаковые подарки, никого не выделяет.

На первой жене Фатьме Сари Али женился, когда ему было 18 лет. Это считается нормальным и сегодня: в деревнях парни женятся в 16—22 года, а девушки выходят замуж — в 14—18 лет. Ко времени вступления в силу нового гражданского кодекса у Сари Али было три жены. Новый кодекс не аннулировал многоженства, поскольку закон обратной силы не имеет. Все последующие браки он заключал по религиозным правилам, и сделал так, что все его дети были признаны законными...

При таком широко распространенном многоженстве, особенно в деревнях, возникает целый ряд юридических проблем. Республиканская Турция признает браки толь-

ко гражданские. Значит, со всей остротой встает проблема признания законными внебрачных детей наравне с рожденными в браке, поскольку в Турции весьма ощутима разница в правовом статусе законных и внебрачных детей. Случалось, отец, чтобы зарегистрировать всех своих детей, приписывал их первой жене, но это приводило к курьезам из-за возраста ребенка и матери... Другие же отцы вовсе не регистрируют детей... Но, чтобы статистические данные о населении Турции с его высоким естественным приростом не расходились с фактическим положением вещей, турецкий меджлис каждые несколько лет принимает решения о признании законными всех детей, которые родились за этот период от религиозных браков, и выдаче им нормальных метрик.

Законы жизни оказались, таким образом, сильнее законов официальных. И это понятно. Переломить силу традиций всего за несколько десятков лет и ввести новые нормы быта невозможно, если им не сопутствуют реформы социальные.

Анатолийская крестьянка не очень-то знакома с правами, которыми ее наделил новый гражданский кодекс, поскольку она чаще всего неграмотна. Для нее есть только одна власть — власть мужчины, который ее эксплуатирует как даровую рабочую силу. Сначала это отец, потом муж, а в случае смерти мужа — очень часто его брат, за которого ее по обычаю выдают замуж. Поэтому случаи, когда безусые юнцы женятся на вдовах много старше их, в Турции весьма нередки.

По официальной статистике, в 1927 году среди турчанок было 92,2 процента неграмотных, в 1935 — 89,9 процента, в 1955 — 74 процента. Крестьяне вообще не очень охотно посылают девочек в школу даже там, где она существует. На конгрессе Общества охраны прав женщины в декабре 1966 года профессор Велиде-оглу рассказал о своей беседе с крестьянином из-под Анкары, который после двух лет обучения забрал свою дочь из школы. «Если бы училась дальше, — говорил он, — не позволила бы себя бить, и как жена потом ничего бы не стоила. Если женщина не боится кулака, то и работать не приучится». Профессор также подчеркнул, что турецкие женщины постепенно теряют права, данные им Ататюрком. «Мы хотим, чтобы права женщин были

не просто записаны на бумаге, а чтобы они пользовались ими в жизни».

Тяжелое положение турчанки отягощает еще неслыханно высокая рождаемость. Семья из восьми-десяти человек — явление самое обыденное. Что ни год, то приплод... И поэтому тридцатилетняя женщина, измученная бесконечными родами и тяжелой работой, часто выглядит шестидесятилетней старухой.

Для турчанок поэтому большое значение имеет проблема контроля над рождаемостью. Как только меджлис принял закон, разрешающий пользоваться контрацептивными средствами, многие женские организации стали вплотную заниматься этим вопросом. Одной из таких организаций является Союз женщин с университетским образованием. Я сама присутствовала на нескольких собраниях и в деревнях и в городах, которые проводил этот Союз. И вот что интересно: простые турчанки не только не избегали разъяснительных лекций, но явно стремились к ним, тем более что религия не препятствует этому. Коран гласит, что надо иметь столько детей, сколько можешь прокормить. И имамы тоже пока что не вмешиваются в работу женских организаций, может, просто потому, что она только начинает разворачиваться...

Мне вспоминается одна такая встреча в начальной школе в старой Анкаре, вполне современном здании среди трущоб. Меня привезла туда организатор встречи, весьма интеллигентная и образованная госпожа. В своей лекции она очень доходчиво разъясняла, какое значение имеет ограничение рождаемости для самих женщин и для благосостояния их семей. Я смотрела то на нее, то на окруживших ее слушательниц. Большинство из них одеты, как одеваются анатолийские женщины: пестрые шаровары, цветная кофта и платок на голове; некоторые из них держали на руках детей. Глядя на них, я не могла отделаться от мысли, что вижу перед собой представительниц двух разных миров, которые только существуют рядом друг с другом, как сосуществует старая Анкара с новой... Эти деятельницы из Союза работают весьма энергично и не жалеют сил. Как-то раз упомянутая госпожа, будучи в маленьком городке близ Анкары, не постеснялась забраться на минарет мечети и через микрофон, которым собирают мусульман на мо-

литву, обратилась к местным жительницам, приглашая их послушать лекцию о материнстве.

С такой же отдачей и энергией работают и медики. На встрече в школе, о которой я говорила, врач-гинеколог сумел в очень доступной форме разъяснить значение и способы употребления предохранительных средств. Женщины с интересом слушали его рассказ о том, как частая беременность отражается на здоровье женщины, и о том, что от родов без врачебной помощи ежегодно умирает 10 тысяч женщин... С большим вниманием врача слушала и выглядевшая пожилой женщиной с большим животом, на сносях, и молодая мать с младенцем на руках, которая привела с собой шестнадцатилетнюю, уже просватанную дочь... Те, кто умел писать, записали адрес бесплатной консультации, которая вскоре должна открыться в старой Анкаре.

Я нисколько не сомневаюсь, что такая консультация не будет испытывать недостатка в пациентках.

КУДА ПОЙДЕТ ТУРЦИЯ?

Государственный переворот в мае был не только сменой правительства. Он сломал существовавший порядок и открыл шлюзы для мощных новых течений радикализма и революций.

*(«Нью-Йорк Геральд Трибюн»,
23 декабря 1961 г.)*

Государственный переворот 27 мая 1960 года, который его организаторы охотно называют революцией, никакой революцией, конечно, не был. Вопреки воле большинства тех, кто его совершал, этот переворот открыл зеленую улицу существенным переменам в общественной и политической жизни Турции. Он открыл возможности для новых общественных процессов в стране, для кристаллизации новых сил, и в первую очередь турецкого рабочего класса и радикально настроенной интеллигенции, нередко выступающей в военных мундирах.

Правда, бóльшая часть передовых и прогрессивных лозунгов, во имя которых совершался этот переворот, осталась на бумаге, но иногда и бумага имеет значе-

ние, особенно если эта бумага — конституция. Принятая после 27 мая конституция стала законной основой прогрессивных процессов.

Каковы характерные черты этой новой конституции? Чем она отличается от прежней, которую безжалостно попрали режим Мендереса? Прежде всего тем, что основой ее провозглашен принцип общественной справедливости, уважения гражданских прав и свобод. По новой конституции — и это надо подчеркнуть — государство берет на себя обязательство стимулировать плановое экономическое развитие во имя общественного благосостояния. Чтобы претворить это в жизнь, конституция предполагает создание Государственной плановой организации. В самом начале особо подчеркивается неприкосновенность основных прав и обязанностей граждан. «Турецкая республика, — говорится в статье 2, — является народным, демократическим, светским и социальным государством, которое управляется на основе прав человека». Конституция предполагает также создание Конституционного суда в целях защиты независимости правосудия, общественной администрации и университетов. Специальный раздел конституции говорит о независимости печати, которая неоднократно нарушалась в прежние годы. Введение пропорционального представительства на парламентских выборах вместо прежней системы большинства — по новой конституции — является гарантией от давления какой-либо одной партии. Конституция гарантирует также невмешательство властей в деятельность профсоюзов, и в первую очередь в деятельность рабочих профсоюзов, признает за рабочими право на забастовку и на заключение коллективных договоров.

Конституция 1961 года стала мощным оружием в руках тех, кто борется за претворение в жизнь ее прогрессивных основ. На этой законной основе начали возрождаться запрещенные при Мендересе профсоюзы, удельный вес которых возрастал вместе с численным увеличением рабочего класса. Если в 1937 году число занятых рабочих равнялось приблизительно 180 тысячам человек, то в 1962 году — 860 тысячам, из которых более 200 тысяч человек были объединены в союзы.

Большинство турецких профсоюзов входит в федерацию «Тюрк-Иш», реформистскую организацию, свя-

занную с американскими профсоюзами «AFL-CIO», от которых она получает солидные денежные дотации. Турецкие профсоюзные деятели часто выезжают на стажировку в Соединенные Штаты Америки, а в Турцию приглашаются американские советники, которые нередко пользуются большей свободой действий, чем руководящий аппарат «Тюрк-Иш». Так, в 1962 году произошел парадоксальный случай. Официальный советник из Международной конфедерации свободных профсоюзов американец Тэлмайер был выдворен из Турции как «персона нон грата» за то, что выступил против эксплуатации турецких рабочих американской фирмой «Моррисон-Кнудсон». Он оказался левее руководителей «Тюрк-Иш», которая не осмелилась выдвинуть такие требования.

Однако независимо от тех или иных связей с капиталистическими или правительственными кругами во многих случаях именно «Тюрк-Иш» является выразителем требований рабочих. Иначе и быть не может: ведь до недавнего времени она была в Турции единственной профсоюзной федерацией. Только в 1967 году группа деятелей под эгидой Рабочей партии Турции создала левую профсоюзную организацию ДИСК, в которую вошли несколько мелких профсоюзов.

«Тюрк-Иш» сыграла значительную роль, как инструмент давления на парламент, чтобы заставить его в соответствии со статьями конституции принять закон о забастовках и коллективных договорах, поскольку новая конституция не отменяла автоматически принятого еще перед войной антирабочего законодательства, по которому участие в забастовках сурово каралось.

Однако и новая конституция не сдержала волны классовой борьбы после 27 мая 1960 года. Впервые в истории Турции 150 тысяч рабочих, прибывших из разных городов, вышли 31 декабря 1961 года на демонстрацию в Стамбуле с требованием предоставления им законных прав. Вскоре ареной массовых демонстраций стала Анкара. Несколько тысяч строительных рабочих схватились с полицией и жандармерией около памятника Ататюрку, там же, где два года назад мендересовцы жестоко расправились с теми, кто требовал свободы. Несмотря на полицейские дубинки, демонстранты дошли до меджлиса и вели переговоры с депутатами. В том

же году бастовали металлурги Эрегли, выступая против злоупотреблений американской компании «Моррисон», держательницы контрольного пакета акций этого металлургического завода. Достойную стойкость и выдержку проявили рабочие стамбульской фабрики «Кавель Кабло», находящейся в собственности американо-турецкого капитала.

Под давлением этих выступлений, из-за боязни дальнейшего роста боевого настроения рабочих меджлис в апреле 1963 года принял Закон о коллективных договорах, забастовках и локаутах, который, несмотря на многочисленные оговорки, явился известной уступкой требованиям рабочих. Правда, меджлис не ликвидировал систему арбитражных комиссий, которые обязаны рассматривать требования рабочих, чтобы решить, может ли забастовка считаться законной. В противном случае организаторам так называемой незаконной забастовки грозит долголетнее тюремное заключение. К примеру, забастовка анкарских подметальщиков улиц весной 1967 года не была признана на том основании, что они считаются муниципальными служащими, а не рабочими. Однако принятый закон стал толчком к развитию дальнейшей забастовочной борьбы. «Пули не сдержат исторического пробуждения» — так было написано на одном из транспарантов, которые несли демонстранты в Анкаре во время манифестации солидарности с бастующими.

И действительно, последующие события показали, что ничто не может задержать пробуждения рабочего класса Турции, страны с самым низким доходом на душу населения из всех европейских стран.

Одновременно с развитием борьбы рабочих растут прогрессивные настроения среди интеллигенции, главной движущей силы майского переворота. О движении офицеров, «интеллигентов в мундирах», мы уже говорили. Неоднократно вместе со студенческой молодежью они выходили на улицу, чтобы защищать лозунги, с которыми совершался переворот.

Среди прогрессивного движения интеллигенции существует множество течений. Органом одного из таких течений стал журнал «Ён», первый номер которого вышел в декабре 1961 года. В нем была опубликована «Платформа 150», которую подписали известные ту-

реки прогрессивные деятели; в скором времени к этой идеологической платформе присоединились еще 250 человек, многие из которых являются членами Народно-республиканской партии. Декларация провозглашает необходимость плановой экономики и «нового этатизма» и утверждает, что «наилучшей формой турецкого национализма является социализм». Декларация этой группы является характерным примером поисков новых для Турции концепций, еще не устоявшихся и часто спорных.

Примерно в это же время в Стамбуле организовалось Общество социалистической культуры, и вскоре журнал «Ён» стал его органом. Общество открыло свои отделения во многих городах страны и сразу же развило активную деятельность: оно систематически проводило лекции и широкие дискуссии на темы, связанные с социализмом... Обсуждались проблемы английского фабианства, «арабского» социализма, а также острые проблемы турецкой внешней политики. Небезынтересно отметить, что официальной целью Общества была популяризация идей социализма в стране, где еще совсем недавно само слово «социализм» нельзя было громко произносить. «Идеи социализма должны были поздно или рано дойти до нашей страны,— с сожалением изрек старейший турецкий журналист Ялман, известный своими правыми взглядами,— эти идеи, давно устаревшие на Западе, могут ослепить нас как раз в то время, когда мы так нуждаемся в развитии. Они выбьют почву у нашей частной инициативы, а народ отравят ядом классового расслоения».

Естественно, что очень скоро социализм стал «модным» в Турции, особенно в среде интеллигенции. В стране вдруг стали открывать давно известные в Европе произведения классиков научного и утопического социализма. Их начали срочно переводить на турецкий язык и издавать, несмотря на преследования. Ведь до сих пор в турецком уголовном кодексе действуют параграфы 141 и 142, точная копия 270 и 272 параграфов итальянского уголовного кодекса, введенного еще при фашизме. Параграф 141, запрещающий создание или попытки создания союзов, имеющих целью «установление власти одного класса над другим, а также изменение общественно-экономической структуры страны», предусматривает наказание от пяти лет тюрьмы до смертной каз-

ни. А параграф 142 предусматривает тюремное заключение до десяти лет «за пропаганду, призывающую к изменению власти одного общественного класса над другим». Правда, и тот и другой параграф противоречат конституции, особенно ее статьям 40 и 41, гарантирующим свободу печати, но силы, которые заинтересованы в сохранении этих пресловутых параграфов, пока что не допускают их изменения даже через Конституционный суд. Соответствующая интерпелляция была внесена в парламент депутатом от Рабочей партии Турции, и Конституционный суд отклонил ее. Эти параграфы остаются эффективным инструментом, чтобы заткнуть рот свободной мысли.

Вот несколько поразительных примеров из судебной практики 60-х годов, когда применялись эти параграфы. Своеобразный рекорд побил, кажется, процесс над переводчиком и издателем газеты, напечатавшей отрывок из книги Бабефа. Суд состоялся в конце 1965 года и приговорил владельца газеты «за коммунистическую пропаганду» к семи с половиной годам тюрьмы, однако ввиду широкой огласки (и не только в Турции) Верховный суд в ноябре следующего года отменил этот приговор.

В 1963 году под суд были отданы ответственный редактор журнала «Атач» и доцент Стамбульского университета Бенк. Первый обвинялся в опубликовании, а второй — в переводе отрывков из статьи французского вице-министра Гаэтана Пикона «Панорама современных идей», в которой цитировались такие писатели, как Андрэ Жид, Мальро, Сент-Экзюпери, а также статья Лукаша о марксизме и экзистенциализме. Все эти литературные цитаты были признаны подрывающими основы турецкого государства. Но дело также получило огласку, и обвиняемые были оправданы.

Зато к тюремному заключению был приговорен старый служащий стамбульского муниципалитета некий Алкылыч, который из лучших побуждений ответил на предложенную газетой «Джумхуриет» анкету на тему «Либерализм и социализм». Это было в 1965 году. Ему оказали честь: его ответ сочли достойным внимания и опубликовали в газете. Алкылыч осуждал режим, который «давит на людей, насмехается над их благородством и свободой», и утверждал, что «прекрасная стра-

на, которая была раем, превратилась в ад», что «она страдает от несчастий, которые зовутся общественной несправедливостью, безработицей, голодом и невежеством». В заключение Алкылыч написал, что «единственным средством избавления от всех этих несчастий может быть социализм». Такое признание обошлось ему весьма дорого: его приговорили к шести годам тюрьмы. Но высшие судебные инстанции и в данном случае показали, что им не чуждо чувство справедливости и в мае 1967 года отменили приговор на том основании, что в опубликованном ответе нельзя найти состава преступления.

А вот случай, который имел место в Трабзоне. Там был предан суду некий Джихан за то, что опубликовал книжку под названием «Социалистическая Турция». Его приговорили к семи с половиной годам тюрьмы. Как утверждал известный юрист профессор Туран Гюнеш, его отправили за решетку «только за то, что он цитировал в своей книжке Маркса... произведения которого свободно продаются... То, что можно писать в доступной форме для людей образованных, становится преступлением, если это читают простые люди». Правда, Джихан просидел в тюрьме только два года...

Но, пожалуй, самым карикатурным делом в первой половине 1966 года было обвинение пятнадцатилетнего ученика одного из анкарских школ — Симшека.

В чем же он провинился? В своем школьном сочинении Симшек должен был сравнить Ататюрка с любым иностранным государственным деятелем. Ученик, которого, как и большинство его сверстников, до тех пор ничего, кроме спорта, не интересовало, ради оригинальности сравнил «отца турок» с Лениным, но при этом написал, что Ататюрк остается выше всех. Симшек посчитали «опасным коммунистом» и посадили в тюрьму. После резких выступлений в печати его освободили, но в свою школу он вернуться больше не смог — ему выдали волчий билет.

Свидетельствует ли все это, что в Турции в отношении свободы слова ничего не изменилось после майского переворота? Отнюдь нет. И лучшее тому доказательство — печатное слово. Издательства поставляют на книжный рынок все больше прогрессивной, социалистической литературы как отечественной, так и пере-

водной. Передовые тенденции обнаруживает также и турецкая пресса. В ряде содержательных, живо и умно написанных статей левые журналисты анализируют процессы, которые происходят в стране и за рубежом, вскрывают самоуправство кулаков в деревне, демаскируют засилье иностранного капитала в турецкой экономике, все громче и настойчивее требуют проведения независимой внешней политики. Об этом часто писали журнал «Ён» (с 1961 по 1967 годы он выходил тиражом в несколько тысяч экземпляров), еженедельник «Ант» (начал выходить в конце 1966 года и за короткое время завоевал популярность; его тираж — около двадцати тысяч экземпляров, он связан с Рабочей партией Турции). Статьи известных турецких журналистов появляются на страницах газеты «Акшам» (она отражает политику Народно-республиканской партии), в «Миллнет», в «Джумхуриет». Печать в Турции вообще пользуется уважением, она поднимает большой круг вопросов и имеет относительно высокий тираж. Наряду с газетками, которые существуют за счет дешевых сенсаций или снимков полураздетых женщин, с журналами правого или религиозного направлений есть газеты и журналы, рассчитанные на передовые слои общества.

Тираж всех газет в Турции в 1967 году достигал почти двух миллионов экземпляров. На это особенно хочется обратить внимание, потому что во время освободительной войны 1919—1920 годов самый высокий тираж в Турции равнялся 25—30 тысячам. Правда, тогда население страны составляло едва лишь одну треть нынешнего, а грамотными из них были только 14 процентов. Но и сейчас в Турции больше половины населения неграмотно, особенно высокий процент неграмотных в деревнях. Впрочем, вы не можете проехать ни через одну деревню, чтобы вас не облепили дети и не выпрашивали у вас газеты: в любой деревне найдется свой грамотей, который сможет ее прочитать, а если не прочитать, то посмотреть карикатуру...

Реакция понимает, какую роль играет в Турции печатное слово, и всеми способами старается влиять на печать — подкупом, преследованием независимых журналистов, руководством отделов реклам, которые являются основой финансирования журналов, а иногда и подкупом целых тиражей. Неоднократно случалось, что

заголовки некогда прогрессивных газет оставались, но их политическое содержание начисто менялось. Иногда и название газеты и содержание остаются прежними, но меняется название партии, с которой она связана. Так было, например, с анкарской газетой «Зафер»: в свое время она была органом Демократической партии, потом какое-то время не выходила вообще, а сейчас выходит как орган Партии справедливости...

А вот примеры того, как преследуются прогрессивные журналисты. Так, владелец и главный редактор журнала «Ён» Доган Авджиоглу был уволен с анкарского радио, которое находилось и находится под обстрелом реакционных сил, за «чересчур левые тенденции». Широкое эхо по всей Турции получило гангстерское нападение среди бела дня на прогрессивного журналиста Ильхами Сойсала; в центре столицы его впили в автомобиль и вывезли за город, где избили до потери сознания. Это было в октябре 1966 года. Особым нападкам подвергся весьма популярный левый публицист из газеты «Акшам» Четин Алтан, уволенный в свое время из «Миллиет». Когда в 1965 году он был избран депутатом от Рабочей партии Турции, реакционные элементы добились того, что летом 1967 года меджлис принял решение о лишении его парламентской неприкосновенности. Однако победа реакции была недолговременной: решение меджлиса осенью того же года отменил Конституционный суд.

Этот факт, как и многие другие, показал, что для поборников законности в Турции конституция является солидной поддержкой. В сегодняшней Турции существует то, о чем до 1960 года и понятия не имели,— общественное мнение. И с этим фактом правящие круги—хотят они этого или не хотят—должны считаться. Общественное мнение показало себя во время обсуждения в марте 1967 года выдвинутого правительством законопроекта об «основных гражданских правах и свободах». Оно сочло этот законопроект еще более антидемократичным, чем пресловутые параграфы 141 и 142 уголовного кодекса. Как писал главный редактор «Миллиет» Абди Ипекчи, по своему характеру «этот законопроект превзошел все законы, изданные Мендересом». Достаточно сказать, что он предусматривал не только десятилетнее тюремное заключение «за всякое мнение

или мысль, которые будут признаны коммунистическими», но и наказание всех тех, кто будет критиковать судебные приговоры и встанет на защиту обвиняемых. Протесты против этого законопроекта приняли столь широкий характер, что в конце концов он был снят.

Трудно предсказать в свете растущей поляризации сил, в каком направлении пойдет Турция в ближайшем будущем. Ясно только одно: после всех событий, которые Турция пережила с момента переворота, нелегко будет бороться с прогрессивными силами, непросто будет осуществлять террор в стране или проводить через меджлис фашистское законодательство.

Председатель Высшего суда Имран Октем в своей речи осенью 1967 года в связи с началом так называемого «судебного года» (началом работы суда после каникул) предостерегал всех тех, кто, как он выразился, «пытается тянуть Турцию вспять, к прошлому, к мракобесию... Никому не удастся ни изменить направление, по которому пойдет страна, ни замедлить шаги каравана цивилизации».

Своеобразным подтверждением его оценки явились события, связанные с похоронами Октема в мае 1969 года. Толпа религиозных фанатиков преградила путь похоронному кортежу в самом людном месте столицы (Кемаль, хотя и ввел светское законодательство, но не отменил обычая молиться в мечетях за людей, имеющих заслуги перед страной, в том числе и нетурок). С криками «Не смейте молиться за неверного!» фанатики пытались напасть даже на престарелого Иненю... Тотчас же нашелся какой-то генерал, который с оружием в руках сумел защитить Иненю. В ответ на эту провокацию турецкие судьи через два дня организовали около памятника Ататюрку демонстрацию под лозунгами верности идеям прогресса. Сторонники кемализма приветствовали манифестантов криками «Гази с нами!» и засыпали судей цветами. Это было еще одной пробой сил для тех, кто хотел бы преградить дорогу «каравану цивилизации» в стране¹.

¹ Разгул реакции в стране в последние годы, массовые аресты, длительные сроки тюремного заключения и пытки, применяемые к политическим заключенным, — все это свидетельствует, к сожалению, о временном превосходстве тех, кто пытается преградить путь «каравану цивилизации».

АНАТОЛИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Нельзя говорить о современной Турции, не затронув проблему турецкой деревни, потому что города в этой стране — это небольшие яркие островки цивилизации среди первобытной жизни Анатолии...

75 процентов всего населения живет в деревнях. Некоторые деревни — а их насчитывается в Турции около сорока тысяч — напоминают, скорее, поселки, состоящие из трех-четырёх десятков домов, затерявшихся среди скал и целины. Общая площадь обрабатываемых земель составляет чуть больше 23 миллионов гектаров. По данным 1963 года, 70 процентов земельной площади подвержено эрозии, и в стране почти ничего не делается для борьбы с этим стихийным бедствием. Правда, кое-где, например вокруг Анкары, сажают леса. Однако посадка лесов — дело весьма дорогостоящее, чтобы это применять в широких масштабах. Большая часть лесов принадлежит государству, но в мае 1967 года в парламент был внесен законопроект о передаче лесов их прежним владельцам. Депутаты оппозиции выступили против этого законопроекта на том основании, что он противоречит статье 131 конституции. «Если мы встанем на такой путь, — заявляли они, — мы вообще потеряем наши леса и Турция вследствие эрозии вообще превратится в пустыню». Предотвращение эрозии почвы — предприятие неслыханно трудное и дорогостоящее. По оценке министра по делам деревни Юрдоглу, проведение такого мероприятия стоило бы почти 100 миллиардов турецких лир плюс еще 50 миллионов на орошение анатолийского плато.

Турецкая деревня и сегодня остается такой же, как много веков тому назад. По словам того же Юрдоглу, «как в давние времена, так и сейчас турецкий крестьянин живет в глиняных домишках. Наши крестьяне, по существу, и в настоящее время живут как тысячу лет назад». Очередной министр по делам деревни, Авджи, заявил в 1966 году, что среди 22 миллионов крестьян 19 миллионов начисто лишено дорог, 15 миллионов — питьевой воды, а 21,5 — электричества; только полмиллиона крестьян знают, что такое электрический свет.

Чтобы убедиться в безысходно нищенском существовании подавляющего большинства населения этой пре-

красной страны, не надо специально и глубоко изучать проблемы современной Турции. Для этого надо просто сесть в машину и проехаться по обширным пространствам Анатолии. Вы увидите повсюду скопления глиняных халуп с маленькими окошками, заклеенными бумагой, в которых люди и животные ютятся вместе. Под окошками сушится навоз, которым здесь не столько удобряют поля, сколько топят печи... Вы увидите, как турецкий крестьянин и сегодня пашет деревянной сохой. По сведениям газеты «Миллиет», число сох в сельском хозяйстве не только не уменьшается, но, наоборот, растет. Если в 1960 году их было 1 999 259 штук, то в 1962 стало 2 087 725. Можно ли после этого удивляться, что средняя урожайность на один гектар в Турции ниже, чем урожайность в любой другой европейской стране, что земледелие не покрывает потребностей Турции в хлебе и она вынуждена импортировать около трехсот тысяч тонн пшеницы ежегодно.

Совсем по другому выглядят деревни на побережье, где земля плодородная и много воды. Но и здесь не крестьянин пользуется плодами своего труда, хотя здешние крестьяне живут богаче, чем в Центральной Анатолии. Как сообщает газета «Джумхуриет», годовой доход от сельского хозяйства в районе плодороднейшей долины Чукурова (вилайет Адана) равняется 2450 миллионам турецких лир, из которых 1200 миллионов приходится на 2800 помещичьих семей и 1250 миллионов — на 153 200 крестьянских семей. На обширных помещичьих полях в этом районе занято много сельскохозяйственных рабочих, у которых нет никаких прав. Выступая на семинаре по общественным наукам в Абандже осенью 1966 года, профессор социологии Ближневосточного технического университета госпожа Кырай сообщила, что летом 1966 года правительство установило минимум поденной оплаты для сельскохозяйственных рабочих в 9 лир, но Союз помещиков установил свою оплату — 6 лир и, когда платит за работу, требует расписки в получении девяти. «Организованная власть помещиков,— говорила госпожа Кырай,— это новый фактор в расслоении нашей деревни».

Об аграрной реформе много говорилось еще при жизни Ататюрка. Однако, по сути дела, никакой реформы проведено не было. Аграрные отношения и в настоя-

щее время носят анахронический характер. Проекты же, которые выдвигались в 1960—1965 годах, были еще менее прогрессивны, чем первый проект об аграрной реформе 1945 года. Тогда его утверждение сорвали защитники интересов деревенских ага из Народно-республиканской партии, а с введением многопартийной системы в 1950 году его вообще похоронили. Независимо от того, какая партия стоит у власти, ага в деревне как верховодили, так и верховодят. Правда, сразу же после майского переворота был принят так называемый Закон 105, по которому 56 самых богатых ага из южных районов Турции, которые беззастенчиво терроризировали и эксплуатировали крестьян, были принудительно выселены. Однако не прошло и двух лет, как они снова вернулись на свои земли... Принятый коалиционным правительством Иненю закон об аграрной реформе, с большим трудом утвержденный меджлисом (большинство депутатов представляли Партию справедливости), был лишь словесной уступкой требованиям крестьян. Отсутствовали бюджетные дотации, необходимые для проведения реформы, и пятилетний план никаких фондов на эти цели также не предусматривал. Таким образом, Народно-республиканская партия еще раз обманула надежды крестьян.

По данным английского экономиста Джекоби, который находился в Турции в конце 1962 года, 72 процента крестьянских семей владели едва лишь 2,3 гектара земли каждая. Вышеупомянутый законопроект о реформе предусматривал увеличение обрабатываемых площадей на 5 миллионов дёнюмов¹ и наделение земель малоземельных и безземельных крестьян. Но осуществление этих мероприятий зависело от составления кадастровых реестров, которых в деревне фактически нет, а это на практике — независимо от других причин — сводило на нет проведение законопроекта. Джекоби предложил ряд мер, которые, по его мнению, могли исправить положение в сельском хозяйстве, но и они остались на бумаге, поскольку затрагивали интересы ага. Так, он предложил установить минимум владения землей и отчуждать излишки за определенную плату. Не прошло предложение:

¹ Д ё н ю м — мера площади, равная 919,3 кв. м.

и другого английского эксперта, профессора Калдора о взимании налогов с высоких доходов в земледелии.

А вот другие данные: газета «Ени Истанбул» опубликовала анкету, из которой явствовало, что в то время, как официальный индекс экономического роста равнялся почти 7 процентам, индекс роста в сельском хозяйстве упал с 1,9 процента в 1968 году до 0,8 процента в 1969-м. Та же анкета сообщает, что полмиллиона турецких крестьян совсем не имеют земли, зато 38 тысяч помещиков владеют четвертой частью всех обрабатываемых земель.

Итак, все осталось без перемен. По подсчетам американского профессора Эноса, 84 тысячи турецких помещиков получают одну треть того, что получают 10,3 миллиона крестьянской бедноты. Средний ежегодный доход ага в сорок семь раз превышает доход бедного крестьянина.

Система «агалыка», то есть полуфеодального господства и засилья в деревне кулаков и шейхов, особенно распространена в Восточной Анатолии. «Здесь есть помещики, которым принадлежит по сорок деревень,— писал известный турецкий писатель Азиз Несин,— у крестьян же, которые работают на помещиков, нет ни своей ложки, ни постели...» Журнал «Ант» в марте-апреле 1967 года публиковал серию потрясающих очерков писателя Махмуда Макала из восточных районов под заголовком «Ничего нового на восточном фронте», в которых он описывает жизнь крестьян, прозябающих в нищете и полном забвении. Он рассказывает о своей беседе со старой крестьянкой. Поскольку она не говорит по-турецки, потому что в деревне живут в основном курды, объясняться им помогал ее внук, который выучился турецкому в школе. (Курдских школ в Турции нет.) Ее ответы на самые элементарные вопросы, как утверждает Махмуд Макал, могут служить своего рода эталоном невежества любой турецкой крестьянки, в какой бы части страны она ни жила. Женщина никогда не слышала ни об Исмет-паше, ни о Демиреле (он тогда был премьер-министром), она понятия не имеет, кто такие «левые» и «правые». На вопрос, кто стоит во главе государства, она ответила: «Султан, который живет в Стамбуле или в Анкаре». Когда же Махмуд Макал спросил ее, за кого она голосовала на последних

выборах, она сказала: «Я не знаю, мне дали бумажку, и я опустила ее в ящик».

В этой деревеньке господствуют суровые патриархальные обычаи, и в этом смысле она ничем не отличается от любой другой турецкой деревни. Повсюду принято, что молодой мужчина, пусть даже женатый, не имеет права подать голос или закурить в присутствии старших. Несмотря на то что женщина официально и уравнена в правах с мужчиной, в анатолийской деревне она считается все равно существом низшим. Если она не работает в поле, она никогда не откроет лица, чтобы на нее не взглянул чужой мужчина. Она должна уступать мужчине место и беспрекословно исполнять любое его приказание. Старшая сестра должна подчиняться капризам своего младшего брата. Если муж, как разрешает шариат, трижды скажет своей жене, что больше не хочет иметь ее женой, она должна уйти из дома и все будут считать ее разведенной. Как и в дачные времена, крестьянка только тогда имеет авторитет в доме, когда женит своих сыновей и начинает понукать своими невестками... Но упаси се господь изменить мужу! Убийство жены и ее возлюбленного считается моральной обязанностью мужа, и никакая сила, даже тюремное заключение, не может этого изменить. Ранение или убийство человека, по сути, не осуждается, а заключение в тюрьму за такого рода преступления, как, впрочем, и за насилие, в турецкой деревне — дело обычное. Моральный кодекс крестьянина — дело одно, а официальный уголовный кодекс — совсем другое. «В деревне закон силы не имеет» — гласит народная мудрость. Тут действует свой морально-бытовой кодекс.

Такова турецкая деревня. Деревня патриархальная, которая не меняется веками. В 50-х годах, правда, наметились кое-какие перемены. Они были вызваны беспорядочно проводившейся модернизацией и механизацией сельского хозяйства. Если в 1947 году один трактор приходился на 7 тысяч гектаров, то в 1955 году — только на 351 гектар. Огромное число рабочих рук, ставших лишними в деревне, заполонили город.

После 1955 года тракторов на поле не стало больше, технология в деревне не изменилась, но интенсивный рост населения привел к тому, что голод толкнул деревню в город за хлебом. Массовое нашествие деревни на

город продолжается и сегодня. Процесс этот носит трагический характер, ибо отсутствие в городах развитой промышленности оставляет рабочие руки без работы. Происходит явление псевдоурбанизации... Во всех крупных турецких городах растут целые кварталы «геджекконду». Стремительное увеличение населения «геджекконду» превышает численность исконно городского населения. По официальным данным, в этих трущобах в 1967 году проживало 59 процентов жителей Анкары, 49 процентов жителей Стамбула и 33 процента жителей Измира. «Геджекконду» накладывают своеобразный отпечаток на облик турецких городов... Их обитатели отличаются от крестьян ни своим внешним видом, ни образом жизни. Они не порывают своих связей с деревней и живут по законам деревенской морали.

Иностранцы, которые с жалостью смотрят на обширные кварталы «геджекконду» (турки стараются в общем-то скрыть их от постороннего глаза), вряд ли задумываются над тем, что жизнь в этих трущобах для их обитателей является все же шагом вперед по сравнению с их прозябанием в деревне. Смотреть на эти трущобы страшно, это правда, но здесь хоть есть вода, а иногда и электричество, и люди в них не ютятся вместе с животными, словом, жить в них все-таки легче, чем в глиняных деревенских халупах. И кроме того, приезд этих людей в город дает им возможность продвинуться: несмотря на безработицу, в городе легче, чем в деревне, получить работу, пусть и временную... Как правило, эти люди, неуверенные в завтрашнем дне, сохраняют в деревне свой клочок земли, как своеобразную страховку на случай потери работы. Иногда в город сначала приезжает глава семьи, устраивается на работу, а после возвращения его обратно в деревню, уезжает на заработки сын.

Происходит не столько процес урбанизации, сколько вторжение сельского населения в город.

А в заключение в качестве иллюстрации к положению о всесиили деревенских ага мне хочется рассказать историю, которая произошла в 1961 году на юго-востоке Турции в местечке Кадырли (недалеко от Аданы) и как эхо разнеслась по всей стране.

В то время каймакамом¹ в Кадырли был некий Мехмед Джан (кстати, после этой истории его имя стало известно всей Турции). Он настолько серьезно отнесся к своим обязанностям, что в один прекрасный день запретил местным ага сеять рис на землях, которые по кадастровым книгам значились как государственные (рис в тех местах — главная сельскохозяйственная культура). Как известно, рисовые поля должны быть залиты водой. Арыки же, по которым вода поступала на поля, находились в руках ага, и крестьяне платили за воду большие деньги.

Такое положение сохранялось десятилетиями. Никому в голову не приходило хоть однажды заглянуть в пыльные кадастровые книги, чтобы посмотреть, кому же принадлежит земля. Ага же считали землю своею... Так было при султанах, так было и при республике. Ничего не изменилось и после 27 мая 1960 г. Сменялись правительства в Анкаре, а в Кадырли, как, впрочем, и в сотнях других деревень юго-восточной Анатолии, ага беззастенчиво вершили власть над крестьянами.

Местный кулак Чошкун — всем «кулакам кулак», которого повсюду называли «королем воды», незаконно присвоил себе арык. Он даже держал специальных людей, которые охраняли его поля. Как рассказывают, в свое время, еще при жизни Ататюрка, нашелся какой-то отважный начальник местной жандармерии, который за издевательство над крестьянами и самоуправство сослал несколько кулаков, в том числе и Чошкуна, в Диярбакыр. Однако ссылка длилась недолго. В скором времени все они вернулись, а Чошкуна выбрали даже сначала руководителем местного отделения Народно-республиканской партии, а потом и депутатом. Кроме того, он возглавил комиссию по севу риса в Кадырли. Как человек влиятельный, он однажды позвал к себе местную власть и получил от нее «законное» право на владение землей. Когда же подвернулся случай, он присвоил себе и арык и возвел на нем запруду. Прибыв в Кадырли, Мехмед Джан отнял у Чошкуна арык и сдал его в аренду крестьянам за умеренную плату. Более того, он вообще ликвидировал монополию ага на воду,

¹ К а й м а к а м — начальник уезда.

построив три плотины на речке за счет местного управления. Вот и все его дела. Только в этом и заключалась «революционная» деятельность Мехмеда Джана, за которую его потом прозвали экстремистом. Он не сделал ничего, что не было бы предусмотрено правом турецкой буржуазной республики. Он даже не разрешил крестьянам пользоваться водой бесплатно.

Нового старосту возненавидели богатеи. Сначала они решили, что он, видно, хочет продать себя подороже. И они решили не считаться с расходами. Сделать им это было легко, поскольку каждый днём присвоенной ими земли давал им по 600 турецких лир чистого дохода, а Чошкун, который присвоил себе десять тысяч дёнюмов, вообще получал шесть миллионов лир! Значит, каймакама надо купить, чего бы это не стоило! Но — о чудо! — Мехмед Жан оказался неподкупным! Не помогли ни приглашения в самые дорогие ночные рестораны Аданы, ни угрозы, ни наемные бандиты. Мехмед Жан мобилизовал местную жандармерию, чтобы она охраняла его жизнь как представителя центральной власти.

Чошкун и его приятели побоялись сами расправиться с каймакамом — это пахло тюрьмой. Они нашли более безопасное, и главное более эффективное средство; Чошкун недаром финансировал предвыборную кампанию своего зятя, сына местного богача Топалоглу. Сначала зять стал депутатом от Партии справедливости, а потом и министром в коалиционном правительстве Иненю. Тесть — деятель НРП, а зять — депутат от ПС? Что ж, это только доказывает, что на периферии не было глубоких разногласий между представителями этих двух антагонистических партий. Зять Чошкуна был не единственным представителем кадырлийских кулаков в меджлисе. Как писал журнал «Ен», их было там пятеро: трое представляли Партию справедливости, а двое — Народно-республиканскую.

Как показало дело Мехмеда Джана, политические связи ага оплатились им сторицей. Это стало ясно, когда Чошкун и три брата министра Топалоглу начали собирать подписи под петицией, требуя снятия Мехмеда Джана на том основании, что он будто бы злоупотреблял своим служебным положением. (Одно из недоказанных обвинений сводилось к тому, что Мехмед Жан

якобы присвоил себе 500 лир, чтобы... сшить костюм.) Когда было собрано нужное количество подписей, делегация во главе все с тем же Чошкуном направилась в Анкару. А уж в столице все пошло как по маслу.. Вскоре в Кадырли приехала специальная комиссия, которая разговаривала не со старостой, а с его противниками. И что же комиссия решила? Мехмеда Джана отозвать немедленно! Кстати, сам он узнал об этом не официальным путём, а от кулаков, которые по возвращении из Анкары громко хвастались, что это они добились его устранения. «Раз он отобрал у нас землю и передал ее другим,— сказали эти ходоки корреспонденту газеты „Миллиет“,— он должен был от нас убраться!» Однажды в полночь приехал новый каймакам и потребовал, чтобы Мехмед Джан убирался немедленно. Тот выторговал все-таки себе пару часов на сборы и покинул деревню «только» в семь часов утра под насмешливыми взглядами Чошкуна и его приятелей.

На этом можно было бы поставить точку. История Мехмеда Джана как в капле воды отразила механизм власти ага на юге и юго-востоке Анатолии. Остается только добавить, что после его отъезда Чошкун стал вновь возглавлять комиссию по севу риса в Кадырли. И все закрутилось по-старому.

Только одно было новым — дело Мехмеда Джана стало известно всей Турции. Пресса негодовала. Сыпались протесты: Дело его стало предметом запроса в парламенте. Все это случилось всего через два года после переворота, и люди еще надеялись... Но, несмотря ни на что, Мехмед Джан больше не вернулся в Кадырли.

Что может быть лучшей иллюстрацией, чем эта история, к несколько преувеличенному, вероятно, но весьма убедительному определению, которое дала газета «Онджу» турецкой демократии,— «Турецкая демократия — это европейский термин, означающий власть ага».

ЯШАР КЕМАЛЬ И ДРУГИЕ

Не прошло и года после скандала с Мехмедом Джаном, когда мне на глаза попалась (в немецком переводе) книжка одного из известнейших молодых турецких

писателей Яшара Кемалю «Жестянка». Я прочитала ее — и поразились. Живо и умно написанная повесть — это же история каймакама из Кадырли! Правда, деревня у Яшара называется иначе, но находится тоже недалеко от Аданы. Другие имена носят и герои повести, но как похожи сами события! Повесть Яшара — это рассказ о судьбе молодого каймакама, который во имя справедливости вступает в борьбу с деревенскими ага: он запрещает им отвести воду с реки Саврун для поливки своих рисовых полей. И река та же самая... И сцена подкупа каймакама... Как и в жизни, борьба яшаровского каймакама окончилась ничем: он проиграл и должен был уехать из деревни. Уезжая, он слышит, как у него за спиной оглушительно бьют в жестянки. Это означает, что больше в этой деревне ему лучше не показываться...

Когда я прочитала эту книгу, я удивилась тому, как быстро турецкая литература откликается на события, которые взбудоражили общественное мнение страны! Ведь еще и года не прошло, а уже написана книжка и даже переведена на другой язык! Для меня это было примером отражения в литературе насущных, жизненных проблем страны.

Когда же я лучше познакомилась с турецкой литературой и познакомилась с некоторыми турецкими писателями, я еще больше укрепились в этом своем мнении. Во время постановки в 1965 году одним из авангардистских стамбульских театров пьесы «Жестянка» по повести Яшара Кемалю я узнала вещи еще более поразительные: история с Мехмедом Джаном произошла в 1962 году, а Яшар Кемаль написал повесть в 1954! Есть ли еще такая другая страна, в которой бы литература не только отражала действительность, но и предсказывала события?

Конечно, Яшар Кемаль не был ясновидцем. Названный факт только свидетельствует о типичности подобных случаев в Турции. Сам писатель в связи с постановкой своей пьесы сказал в одном из интервью журналу «Ен»: «До того, как я написал свою книжку, я по крайней мере четырежды был свидетелем таких случаев в моих родных местах около Аданы. И после того как книжка вышла в свет, произошла всем известная история с Мехмедом Джаном».

Яшар Кемаль родился в окрестностях Аданы в 1922 году. По национальности он курд, но пишет только по-турецки. Он гордится «разбойничьими» традициями своего рода, перебравшегося в свое время с востока Турции на юг. Его отец был убит во время одного из крестьянских бунтов. В детстве Яшар говорил дома по-курдски и только в школе научился турецкому языку и теперь в полном смысле слова — турецкий писатель. Жизненный путь Яшара Кемалья типичен для писателей, которые вышли из народа. Ради хлеба насущного он брался за все, что попадалось ему под руку. Он был сельскохозяйственным рабочим, агентом по распределению воды на рисовых полях. Он был общественным писарем и за деньги отстукивал на машинке жалобы, заявления и просьбы. Наконец, в 1951 году он опубликовал в газете «Джумхуриет» серию репортажей, за которые получил первую премию. Это было началом его писательской биографии. Его ранний роман, который повествует о крестьянском парне Мемед, бунтаре и разбойнике с гор, разошелся тиражом в 40 тысяч экземпляров, а в 1956 году ЮНЕСКО признало его лучшим романом года, и он сразу же был переведен на многие языки¹.

Позднее об этом своем первом романе Яшар Кемаль говорил, как о книге несовершенной, он видел его недостатки. Следующие его произведения на деревенскую тему уже более зрелые. Его книги издаются большими тиражами, а два последних романа переделаны в пьесы и играют в театре. За исполнение одной из них турецкая труппа получила премию на Международном театральном фестивале в Нанси.

Яшар Кемаль не почил на лаврах писателя, он активно занимается политической деятельностью, является одним из деятелей Рабочей партии Турции и сотрудником связанного с партией популярного еженедельника «Ант».

Сначала я прочитала книги Яшара Кемалья, а потом только познакомилась с ним самим, человеком живым, динамичным, из которого ключом бьет радость жизни. У него черные непослушные волосы и черные глаза на смуглом лице. Он сразу же откликается на наиболее

¹ В русском переводе роман «Тощий Мемед» был издан в 1959 г.

жгучие политические проблемы страны. Таким я его запомнила¹.

Естественно, что Яшар Кемаль не единственный писатель в Турции, который своим творчеством служит народу. Но он считается одним из наиболее талантливых представителей писателей молодого поколения и более других известен за пределами страны. В то же время он является (в известном смысле) типичным представителем своей среды. В настоящее время почти все, что есть ценного в современной турецкой литературе, так или иначе примыкает к прогрессивному лагерю, отражает жизненные проблемы общества, и в первую очередь проблемы турецкого крестьянина. Молодых турецких писателей республиканского периода привлекло народное творчество, фольклор. Центрами по изучению фольклора стали созданные еще в 30-е годы народные дома, закрытые с приходом к власти Демократической партии. Часть народных домов издавала свои журналы, предоставляя их страницы начинающим авторам.

Перед молодыми писателями встала тогда задача создания литературы, которая была бы понятна народу, питалась бы соками общественной жизни и отражала в своих произведениях положение анатолийской деревни. Наиболее последовательными представителями такого направления были Назым Хикмет и Сабахаттин Али, автор реалистических рассказов о турецкой деревне. После выхода из тюрьмы Сабахаттин Али пытался скрыться от преследований полиции и был убит при переходе турецко-болгарской границы в 1948 году.

Посеянные ими семена дали всходы. Сейчас можно говорить о целой школе писателей, которые пишут о нужде и эксплуатации турецкого крестьянина, о его борьбе за землю и воду, об уходе крестьянина в город. Одним из ярких представителей этой школы является Орхан Кемаль², которого, к сожалению, мне не пришлось узнать лично. Помню, как меня взволновала его повесть «Ребенок, родившийся в поле». Женщина одна, без чьей-либо помощи рождает в поле и, едва успев родить, снова идет работать. Признаюсь, я подумала тогда,

¹ Когда начались гонения на прогрессивных писателей, Яшар Кемаль подвергался аресту.

² Орхан Кемаль умер в 1970 г.

что такой сюжет — просто литературная выдумка писателя. Однако мне рассказывали, что в жизни такие случаи — не редкость.

Зато мне посчастливилось познакомиться с другим писателем — Кемалем Тахиром. Он родился в 1910 году, принадлежит к старшему поколению и считается самым известным современным прозаиком. В своем творчестве Тахир реалистически разоблачает механизм эксплуатации трудового народа. Многие его произведения переведены на иностранные языки. В 1967 году вышла в свет его многотомная историческая эпопея¹. В 1968 году он получил за нее премию Турецкого лингвистического общества, которая присуждается за мастерское владение языком. Его романы не пронизаны сказочным фольклором Яшара Кемалья; по своему стилю они, скорее, напоминают европейские романы XIX века. Он видит жизнь анатолийской деревни «оком мудреца». Он изучает ее как интеллеktуал, которому известны законы развития человеческого общества. Талантливый писатель создает живые реалистические образы в реальной повседневной жизни. В беседах с ним меня поразили его глубокие знания экономики Турции, ее истории и современного положения. Вместе с тем — и это характерно для всех прогрессивных писателей — он обладает большим чувством юмора и оптимизма².

Уж коль скоро я упомянула о юморе, не могу — хотя бы вкратце — не рассказать об известном писателе-сатирике, творчество которого знают не только в Турции, но и за границей³. На международных конкурсах юмористов в Риме в 1956 и 1957 годах он получил первую премию — «Золотую пальмовую ветвь», а в 1964 году в Болгарии — премию «Золотого ежа»⁴. Сейчас, когда я пишу о нем, я будто вижу перед собой невысокого, коренастого Азиза, с чуть раскосыми добрыми глазами... В одной из своих юморесок он написал, что его часто принимали за японца. В течение своего нелегкого

¹ В 1971 г. в русском переводе вышел один из романов эпопеи — «Глубокое ущелье».

² Кемаль Тахир умер в 1973 г.

³ В Советском Союзе вышло на русском языке девять сборников его рассказов, романы, пьесы, сказки.

⁴ В 1969 г. Азиз Несин получил премию журнала «Крокодил» на конкурсе писателей-юмористов.

писательского пути, когда, из опасений перед репрессиями, Азиз вынужден был прибегать к многочисленным псевдонимам, он подписывался и китайским именем и как китайский автор был даже цитирован во французском учебнике по истории литературы.

Его острая, глубоко народная сатира безжалостно бичует коррупцию и тупость ага и политиканов, фабрикантов и купцов, всех тех, кто, опираясь на религиозный фанатизм, засилье бюрократии и аппарат подавления, наживается на темноте и невежестве турецкого народа. Азиз Несин удивительно плодовит. Он издал более тридцати сборников рассказов, несколько пьес и шесть повестей. Его произведения переведены на многие языки, а его пьесы идут в ГДР и в США.

Все это далось Азизу Несину нелегко. Он родился в 1915 году. Как и для многих выходцев из бедных семей, первой ступенькой на жизненном пути Азиза была военная школа в Стамбуле. Однако молодой поручик вынес отсюда не желание дослужиться до генеральских погон, а глубокую ненависть к милитаризму, военной муштре, о чем не раз писал потом в своих рассказах. Как раз в тот год, когда он закончил школу, вышел указ Кемаля о фамилиях. Азиз выбрал в качестве фамилии два слова «не син?», то есть «кто ты?», «кем являешься?», «что собой представляешь?»... «С тех пор каждый раз, когда я слышу свою собственную фамилию, я спрашиваю себя, а тот ли я человек, каким обязан быть?» — сказал как-то Азиз Несин в своем выступлении по радио.

Ответ мог быть всегда одним и тем же. Азиз Несин ни разу не свернул с избранного им пути и верно служит своему народу. Это было нелегко. Прежде, чем стать писателем, он перепробовал много профессий и в погоне за каждодневным заработком сталкивался с рабочими, крестьянами, ремесленниками, жизнь и чаяния которых он потом так мастерски изобразил в своих рассказах. Не сломили его ни репрессии, ни преследования полиции. А преследовали его всегда, независимо от смены правительств и режимов: и непосредственно после окончания войны, и при Мендересе, и после переворота 27 мая 1960 года. Несколько раз реакционные элементы громили редакции сатирических журналов, в которых он сотрудничал. Но он не сдался. Своей едкой

сатирой он наносит удары тем, кто пригибает его, а вместе с ним и массы его сородичей...

В предисловии к сборнику рассказов «Если бы я был женщиной», который вышел в 1961 году на русском языке, Азиз Несин так определил турецкую сатиру:

«Особенность турецкой сатиры в том, что она на стороне народа и служит народу... Все анекдоты Насреддина Ходжи и Бекташи... это борьба нравственного с безнравственностью, правды с ложью, победа искренности над двуличием, широты над узостью, наступление нового на старое, прогресса на отсталость... И по этой причине у турецкой сатиры здоровая сущность. Именно поэтому она переходит от поколения к поколению, не подаваясь разрушительному действию времени».

Мне посчастливилось присутствовать в 1967 году на публичной лекции Азиза Несина в Союзе турецких литераторов в Стамбуле, посвященной творчеству его духовного предшественника Насреддина Ходжи. Невозможно было бы представить себе в роли лектора на эту тему другого человека. Несин является прямым продолжателем народной традиции турецкой сатиры, начало которой положил легендарный мудрец XIII века.

Мне хотелось рассказать здесь еще об одном художнике, совсем другого типа. Когда я увидела его в первый раз, на меня пахнуло экзотикой. Его длинные, густые, вьющиеся волосы, пышная борода и усы, смуглое лицо с черными, горящими глазами, невысокая фигура в одежде, которую носят на востоке Турции,— словом, весь его ярмарочный вид вызывал сенсацию на улицах Анкары, хотя удивить столицу восточной экзотикой трудно. С ним всегда неразлучна его жена Гюллюшах («Королева роз»), женщина с тонким лицом, в старинной расшитой золотом одежде.

Только позднее я узнала, что ашик Ихсани — так его все зовут — не циркач, а поэт. Точнее — странствующий трубадур, как бы перенесенный из средневековья в середину XX века... Только если средневековые барды воспевали красоту знатных дам, ашик Ихсани прославляет в песнях красоту своей родины и нищету своего народа, поет о его радостях и печалях...

Поэзия — его стихия, его бог. Его имя, вернее, то,

которое он себе взял — ашик — означает «одержимый любовью», «влюбленный»... в поэзию. По-настоящему его зовут Ихсани. Что касается фамилии, ее никто не знает, хотя наверняка какая-то фамилия и значится в его удостоверении личности. Ихсани — лишь один из многих ашиков, современных турецких бардов, поэтов и исполнителей одновременно, обогащающих живой источник народных песен сочинениями с неповторимым вкусом подлинности, глубоким артистизмом выражения, не испорченного посторонними влияниями. Да можно ли вообще говорить о каких-то влияниях на человека, который ничего не читает по той простой причине, что читать он выучился недавно. Первые свои сочинения он диктовал Гюллюшах, которая, хоть и коряво, но умела выразить это на бумаге. Как раз она и выучила мужа грамоте. Сейчас и Ихсани кое-как пишет и может прочитать ежедневную газету. На этом кончается его знакомство с печатным словом...

Ихсани родился на востоке Турции, недалеко от Диярбакыра. Его отец был главой курдского племени и занимался контрабандой. В школу Ихсани никогда не ходил, семья жила в вечной нужде и скитаниях, но зато с самых малых лет он сочинял песни и пел их. Кто знает, может он в детстве слышал песни ашиков и поэтов и под их влиянием начал сочинять сам? Ему было 13 лет, когда он пустился в странствие по Восточной Анатолии, где живут курды и турки, и по районам, граничащим с Ираном. Потом он отправился на запад Турции, там встретил свою «Королеву роз», которая окончила начальную деревенскую школу и которая стала потом его женой. Она выучила его грамоте, а он ее — петь и играть на сазе, народном музыкальном инструменте, напоминающем гитару. И теперь они все вместе — он, жена и маленький Гариб, мальчик с печальными черными глазами, — месяцами колесят по Турции с сазами в руках (у сына тоже есть саз, и он тоже поет) и связками тоненьких книжечек за спиной — сочинениями Ихсани. Они останавливаются в деревнях и в маленьких городах, поют о судьбе и горькой участи народа — и это их кормит. Зимой они живут в Анкаре.

Я была у них в гостях; их дом находится в квартале Кечиорен, где живет простой люд. Они угощали меня

настоящей турецкой едой, незатейливыми и очень вкусными блюдами и я подивилась, с каким врожденным, поистине царственным достоинством Гюллюшах пригласила к скромному столу. А потом в комнате для гостей, сидя на лавке, которая стояла у стены и была покрыта подушками и цветным ковром, я слушала игру человека с вдохновенным лицом пророка.

В его глазах появляется религиозная сосредоточенность, когда он берет в руки свой саз. Под его пальцами течет монотонная восточная мелодия. Из его уст вырываются слова — не то речитатив, не то песня. У Ихсани сильный, грудной, низкий голос. Вас поражает гармония слова и звука, богатство репертуара этого прирожденного артиста, которого нельзя назвать и самоучкой, потому что он никогда не учился ни писать стихи, ни сочинять музыку. Он выучился записывать слова, но записать музыку не может. Он помнит наизусть все свои разнообразные по мелодии и по тематике стихи-песни. Особенно изысканны курдские любовные напевы. В них воспевается любовь крестьянского юноши, рассказывается о несчастной судьбе крестьянской девушки, похищенной сыном ага. Они выражают жалобу рабочего, который не мог найти работу и исповедался поэту. Сменяются ритмы песен, но лицо Ихсани сохраняет неизменно вдохновенное выражение. После каждой песни он ритуальным движением, как это испокон веков заведено у анатолийских бардов, целует свой саз. И даже после такой песни, которая не только не имеет ничего общего с религией, но и является как бы спором человека с богом. «Почему я должен умереть, а ты не умираешь?» — обращается он к аллаху, а в конце песни говорит: «Я теперь понял: потому, что надо мной есть бог, а над тобой бога нет, поэтому ты бессмертен».

Разнообразие сюжетов его песен — это своеобразное мерило творческого пути Ихсани. До 1960 года он, как когда-то придворные трубадуры, воспевал сильных мира сего. Он был тогда модным ашиком, к нему благоволил президент Баяр. Его использовала тогдашняя правящая верхушка в своих политических целях. Но длилось это недолго. Не без влияния интеллигентной элиты, которая взяла его под свою опеку, Ихсани вернулся к своей собственной тематике — к стихам о народе и для народа. Он стал певцом обездоленных ра-

Ихсани

бочих, но главное — обездоленных крестьян. Последняя книжечка его стихов называется «Агали дюнья» — «Мир принадлежит ага».

Только сейчас его талант засверкал по-настоящему, он становится оружием в политической борьбе между силами реакции и силами прогресса в стране. Его сочинения приобрели широкую популярность, особенно в кругах студенческой молодежи. Он часто выступает публично и на сцене держится так же естественно, как дома. Он сам объявляет о своих песнях и очень быстро устанавливает контакт с залом. Со сцены в зал бегут страстные слова его поэмы «Якындыр» («Это близко»). В мощном ритме, как будто топают тысячи ног, исполняется песня о том, как уже близка та минута, когда угнетенные и обездоленные предъявят счет за свои страдания и изберут свой собственный меджлис, меджлис людей с натруженными руками. Он исполняет эту песню под несмолкаемые аплодисменты, как и песню «Балта» («Топор») — как бы разговор с крестьянином, который точит топор, чтобы расчистить себе путь к борьбе за свои права.

За эти песни счет предъявили власти. В начале 1966 года поэта привлекли к суду за пресловутую коммунистическую деятельность. Бородатый трубадур явился в суд с сазом, с которым никогда не расстаётся; с ним вместе пришли его жена и двое сыновей, они тоже держали в руках сазы. «Я всего лишь народный поэт, — отвечал он в суде словами своего нового стихотворения, — моя вина состоит лишь в том, что я пою песни». Несмотря на это, Ихсани приговорили к тюремному заключению. Однако через пару месяцев суд высшей инстанции освободил его, не найдя в его творчестве состава преступления. К сожалению, в тюрьме остригли его пышную шевелюру и бороду.

Но борода начала потихонечку отрастать, а Ихсани — продолжает служить своим самобытным талантом турецкому народу.

ПОБЕДА НАЗЫМА ПОСЛЕ СМЕРТИ

Я не собираюсь говорить о творчестве Назыма — на это мог бы решиться только литературный критик. Но как не посвятить в работе о Турции специальной главы

этому великому турецкому поэту, который принадлежит к авангарду мировой поэзии нашей эпохи?

Его поэзия, которая питалась народным творчеством, особенно близка нам, полякам. Он был правнуком участника польского восстания Константина Боженцкого, который нашел себе убежище в Османской империи и под именем Мустафы Джелальеддин-паши прослыл храбрым военачальником и автором исследования по истории турок...

Начальный жизненный путь Назыма был типичным для отпрыска благородной фамилии. Первое потрясение для поэта — это поражение Турции в мировой войне 1914 года и зарождение кемалистского освободительного движения. Молодой слушатель Стамбульской военно-морской школы прошел пешком по своей Анатолии, чтобы примкнуть к народным отрядам Кемаля, которые должны были принести Анатолии свободу.

Рожденная их борьбой Турецкая Республика не стала предвестником освобождения бедных анатолийских масс. С того времени вся деятельность Назыма — и политическая и литературная — тяготеет к левому движению. В стране усиливаются репрессии. В 1938 году, накануне второй мировой войны, Назым в разговоре со слушателем военной школы высказался об опасности фашизма, и этого было достаточно, чтобы приговорить его к пятнадцати годам тюремного заключения за якобы имевшее место «подстрекательство к бунту в армии». Главное доказательство — найденные при обыске в школе сборники его стихов... С этого года начинается «голгофа» поэта. Он узнает вкус тюремного хлеба во многих тюрьмах разных турецких городов. С ним происходит беспрецедентная история: через несколько месяцев после окончания первого процесса над сидящим в тюрьме поэтом начинается новый суд на том основании, что его стихи читали также и младшие офицеры флота. Его приговаривают еще к пятнадцати годам тюремного заключения. Суд над Хикметом был классическим примером судебной расправы. «Это был показательный процесс для устрашения» — напишет в своих воспоминаниях товарищ Назыма по тюрьме — Айдемир. А адвокат поэта Назихи в одном из своих интервью назовет Назыма «козлом отпущения».

Большую часть своего заключения Назым просидел

в Бурской тюрьме. Здесь им написаны прекрасные стихи, проникнутые горячей любовью к Анатолии, к простому турку, солидарностью с его борьбой. В тюрьме он закончил эпопею «Человеческая панорама» и дал миру непрекраснейший образец любовной лирики — «Письма к жене». Стихи погребенного заживо поэта, проникнутые, несмотря на преследования, нескрываемой радостью жизни, ободряют его товарищей по несчастью.

Война подходила к концу, а Назым все еще оставался за решеткой. Однако его стихи, передававшиеся из уст в уста, стали известны не только в Турции, но и в других странах. Повсюду поднимались голоса за пересмотр приговора. Дело Хикмета сравнивали с делом Дрейфуса. Эти требования особенно усилились после победы над гитлеризмом. Во Франции создается Комитет за освобождение Назыма во главе с поэтом Тристаном Тцара. Но турецкие власти остаются глухи к протестам. В 1950 году Назым в знак протеста объявляет голодовку, во время которой он похудел на 18 килограммов. Тогда же, в 1950 году Назым награждается Международной премией мира и избирается членом Бюро Всемирного Совета Мира.

Под давлением общественности турецкие власти в конце концов пересмотрели свое решение. Больной и ослабевший от голодовки Назым в 1950 году выходит на свободу. Однако преследования продолжаются. Его окружают шпиками, которые не спускают с него глаз. Больной Назым получает повестку в армию. И хотя у него офицерское звание, его хотят призвать как простого солдата, чтобы выслать в отдаленную местность на востоке страны и там под любым предлогом безнаказанно расправиться с ним. Такие прецеденты уже были, и Назым понимал, чем это ему грозило. Тайно покинув Турцию, он приезжает в 1951 году в Советский Союз. Он часто бывает в Варшаве. Много путешествует вообще. Пишет стихи, полные тоски, полные любви к своему народу, к своей земле.

Вот одно из них:

Гостиница «Бор»

Невозможно спать в этой Варне,
невозможно заснуть, невозможно,

потому что звезды так близко,
потому что сияют безбожно,
потому что волны,
погасшие волны,
шелестят на песчаном пляже.
что-то шепчут камешкам, шепчут,
раковинам
и каждой
травинке морской бессонной,
в водорослях соленых
шелестят всю ночь напролет...
В море,
как будто сердце,
стучит какой-то мотор...
И давние воспоминанья
из Стамбула
в гостиничный номер
приходят через Босфор...
У одного —
 глаза цвета яхонта,
другое —
 в наручниках,
третье
держит платочек махонький,
от платочка
 лавандой пахнет...
Невозможно спать
 в этой Варне,
невозможно забыться, милая,
в Варне
в гостинице «Бор»...¹

1958

3 июня 1963 года Назым умер в Москве от сердечного приступа.

Я была тогда в Турции и должна сказать, что после смерти поэта, когда творчество его «замкнулось», в стране будто прорвалась плотина и начался бурный процесс возвращения проклятого при жизни поэта турецкому народу. Воистину Назым победил после смерти! В прежние годы стихи поэта, запятнанного именем «предателя народа» были в черном списке, его имя было под запретом, а если находили его стихи при обыске, этого было достаточно, чтобы обвинить человека в «коммунистической деятельности». И происходило это в годы, когда Хикмет приобрел уже мировую славу, а его стихи были переведены на шестьдесят языков. Его

¹ Перевод М. Павловой.

игнорирование на родине, несомненно, омрачало последние годы Назыма. Об этом он как-то сказал Эренбургу: «Прислали мои стихи на исландском языке. Удивительно... А в Турции меня не печатают. Да и печатали бы, те, для кого я пишу, не смогли бы все равно прочитать — неграмотные...»

Однако реакции не удалось долго держать имя поэта под замком. После государственного переворота в стране началась либерализация. В 60-х годах турецкие издательства начали постепенно печатать произведения Хикмета, а наиболее известные театральные труппы — играть его пьесы. Его смерть дала толчок к диспуту в печати о том, почему величайший поэт должен был закончить свою жизнь в изгнании? Появилось много статей, авторы которых пришли к единому выводу. Была доказана необоснованность утверждения, будто Назыма Хикмета можно было назвать предателем, который добровольно покинул свою родину. Доводы реакции обернулись против нее же. Во всех публикациях подчеркивалось, что именно те, кто, глумясь над элементарными основами правосудия, приговорил поэта почти к тридцати годам тюрьмы и нацеливались на его жизнь, виноваты в том, что поэт вынужден был искать пристанище на чужбине. Советский Союз, предоставив ему убежище, дал Хикмету возможность для дальнейшего творчества и оказал таким образом бесценную услугу турецкой литературе. Знаменательной в этом смысле была статья турецкого литературоведа, профессора Таньола в еженедельнике «Ен». Отвергая клеветническое утверждение о Назыме, как «предателе народа», Таньол подчеркнул патриотическую позицию поэта, который своими стихами прославил Турцию во всем мире и доказал свою любовь к родной земле — все это нашло отражение в тех произведениях, которые он создал на чужбине. Таньол сравнивает позицию Хикмета с позицией таких уважаемых младотурецких реформаторов, как Зия-паша и Намык Кемаль, которые тоже вынуждены были покинуть родину из-за репрессий султанской реакции. Таньол сравнивает Хикмета даже... с Ататюрком. «Мустафа Кемаль, — пишет Таньол, — который спас народ и отчизну, выступив против колониаторских держав, жаждавших расчленить Турцию, и прибегнув к помощи России, тоже в таком случае может

быть признан „предателем народа“». Что означают эти слова, могут понять только те, кто знает, каким шумом окружено имя «этца турок» в этой стране.

Я не буду здесь говорить о всей «хикметологии». Вместе со стихами поэта турецкий книжный рынок в последние годы начала захлестывать лавина книг и статей о поэте. Одни авторы действительно знают литературу, другие — требуют, чтобы дело Хикмета было пересмотрено...

Появилось также много воспоминаний людей, лично знавших Хикмета, которые познакомили турецкую общественность с подробностями судебной расправы над поэтом. Так, в конце 1966 года вышла брошюра поэта А. Кадыра, судимого вместе с Назымом. Она была буквально расхватаана, и потребовалось второе издание. Специально Хикмету посвятил свой номер литературный еженедельник «Ени дерги». Журнал доказывал невиновность поэта и требовал пересмотреть его дело, чтобы снять с него клеймо предателя. Журнал опубликовал ряд свидетельств современников Назыма, в том числе и написанную еще в 1949 году статью старейшины турецкой журналистики, Ахмеда Эмина Ялмана, известного своими правыми взглядами. Ялман тогда вспоминал, как он навестил в Бурсской тюрьме больного, лишенного врачебной помощи Назыма и спросил его: «О вас говорят, что вы не патриот. Ваши стихи переводятся на многие языки коммунистами. Что вы на это скажете?» Назым ответил: «Не в моей власти запретить переводить мои стихи. Что же касается патриотизма, то, вероятно, есть люди, которых связывает с родиной чувство или то, что у них есть поместье или собственный дом в Турции. Моя связь с Турцией другая, более глубокая, я связан с ней родным языком. Мне кажется, трудно себе представить более глубокую связь».

Этот ответ поэта, ставший известным через столько лет, явился сильным аргументом, опровергающим ложь реакционных клеветников. Особое значение для Турции имел опубликованный в журнале «Ён» неизвестный доселе документ — письмо Назыма Хикмета Ататюрку, которое он написал в 1938 году. Это письмо, только недавно найденное в государственных архивах, не попало в свое время в руки смертельно больного Кемалю.

Вот выдержки из этого важного документа:

«Обвинив в подстрекательстве к бунту в армии, меня приговорили к пятнадцати годам строгого тюремного заключения. Теперь мне приписывают распространение бунта на турецком флоте.

Я клянусь турецкой революцией и Твоим именем, что я не виновен.

Я не подстрекал солдат к бунту.

Я не слепой. Я способен оценить все Твои гигантские усилия на пути прогресса, мое сердце полно любовью к родине.

Я не подстрекал солдат к бунту...

От Тебя и от кемализма я требую справедливости».

Сегодня, по прошествии более тридцати лет, проникновенный голос поэта все более широким эхом отдается по всей Турции. Все громче раздаются требования сбродовать дело Хикмета, заслушать оставшихся в живых свидетелей, добиться пересмотра процесса и полностью реабилитировать имя поэта. С таким требованием выступил в 1967 году от имени турецкой общественности известный турецкий журналист, депутат от Рабочей партии Турции Четин Алтан.

Дело Хикмета остается пока открытым. Однако в глазах просвещенной части турецкого общества поэт уже реабилитирован и признан величайшим поэтом современной Турции. Большой резонанс получил призыв Азиза Несина создать в Турции музей Хикмета и учредить литературную премию его имени¹.

КОЕ-ЧТО О ТЕАТРЕ

«В этом году Анатолия впервые увидела настоящий театр», — писала газета «Джумхуриет» в конце 1966 года. Речь шла о совершенно новом явлении для Турции — гастролях передвижного театра профсоюза учителей, который создал талантливый режиссер, актер и драматург Сермет Чаган². (Такое совмещение в одном лице нескольких театральных профессий наблюдается

¹ Наступление реакции в стране привело к тому, что произведения Назыма Хикмета вновь оказались под запретом.

² Сермет Чаган умер в 1970 г.

в Турции довольно часто). Без государственных дотаций, имея лишь незначительные средства от взносов учителей — членов профсоюза и двухсот семидесяти отделений вилайетских организаций профсоюза учителей, Сермет Чаган решил познакомиться с театром анатолийских крестьян и жителей провинциальных городков, которые до этого и слыхом не слыхали о слове «театр». Он не только организует там представления, но и читает лекции о пьесе; он преодолевает огромные трудности финансового порядка. Он ставит лишь пьесы значительные, имеющие художественные и воспитательные достоинства. Первая пьеса, с которой он объехал провинцию, была блестящая политическая сатира самого Сермета Чагана — «Фабрика ног». По форме и методу художественного воплощения (например, перебивка эпизодов пьесы хором) она напоминает пьесы Бертольда Брехта. Как писала газета «Хабер», пьеса Чагана — это «Турция, просвеченная рентгеновскими лучами». Она до мозга костей является турецкой пьесой и останется непонятной для тех, кто не знает жизненных реалий этой страны.

В основе ее лежит действительный факт: в одном из районов Восточной Анатолии богатые землевладельцы, дабы поднять цены на хлеб, травили пшеницу, чтобы ее нельзя было употреблять в еду, а можно только пустить на засев. Голодные крестьяне собирали и ели растение (оно называется «кара тохум»), после которого наступает страшная болезнь — паралич ног. Этот факт и послужил для Сермета Чагана фоном для горькой сатиры на политическую жизнь Турции во всех ее проявлениях.

А вот вкратце содержание пьесы: чтобы поднять цены на пшеницу, три Помещика вместе с духовным лицом (он одет в поповскую одежду, чтобы не затронуть религиозных чувств мусульман) уговаривают Шефа издать указ о принудительной сдаче государству пшеницы, пообещав им, что за каждый мешок пшеницы они получают вчетверо больше «кара тохума». А пшеница якобы должна пойти на корм священным рыбам, потому что — о ужас! — на берегу озера был найден обглоданный рыбий хребет. Рыба будто бы сдохла с голоду,

уверяют помещики Шефа; нельзя и допустить, чтобы было совершено святотатство и ее просто съели. Такой предрассудок и сейчас бытует в Турции. На востоке Турции, в Урфе, я сама видела такое «священное» озеро, полное карпов, которых подкармливали зерном и которых никто никогда не ловит, потому что это приносит несчастье... А тем временем на сцене происходит продажа девушки — тоже обычное дело в деревне. Юношу, который дает за нее больше других пшеницы, арестовывают и распинают на кресте. Этот потрясающий символ турка, распятого на кресте, становится фоном для дальнейшего развития пьесы, которая идет в одних и тех же декорациях, с одними и теми же действующими лицами. Только три Помещика выступают то в роли судей, которые приговаривают наглеца к... девяноста годам, то полицейских, которые предупреждают, что такая же участь ждет каждого, кто осмелится выступить против Шефа. В следующем эпизоде зритель видит, что всех, в том числе Шефа и духовное лицо, разбил паралич. На помощь прибывают иностранные специалисты, и вот тут-то сатира достигает своей кульминации: сверху на головы падает американская помощь — мешки, из которых вываливаются старые ботинки, зубные щетки и пр. Раздаются голоса: «Эй, остался кто-нибудь живой от этой помощи?» Одновременно на экране высвечивается текст: «Соглашение о помощи», первый пункт которого гласит: «Страна, получающая помощь, обязуется продавать стране, оказывающей помощь, сырье по бросовым ценам».

Следующий эпизод также начинается проекцией на экране: «Когда человек спокойно взглянет на вещи, он способен на все». «Беда на голову Шефу». Голова Шефа, естественно, падает после этого с плеч, а его убийца — бедняк, который съел рыбу, занимает место Шефа. На экране опять надпись «Это революция», а зритель мысленно добавляет: «Это май 1960 года». Новому Шефу сразу начинают льстить все те же три Помещика, которые и его уговаривают не отменять указа о сдаче пшеницы, а чтобы задобрить разбитых параличом, они решают построить «фабрику ног», после чего... из мешка достают уже готовые протезы — часть помощи, которую они себе присвоили. Далее следует эпизод о выборах. Все те же Помещики, но уже в роли Лиде-

ров политических партий. Один обещает, что «фабрика ног» будет началом промышленного развития, другой обещает развитие «частной инициативы в деле производства протезов для калек». Но когда ни один из лидеров не получает большинства, то они все образуют коалиционное правительство и осчастливливают граждан искусственными ногами. Всех охватывает радость и... ужас, когда оказывается, что на этих протезах можно только топтаться на месте или пятиться назад. Беспощадная сатира на турецкую действительность заканчивается словами, которые произносит хор: «На этом наше представление кончается, а жизнь дальше продолжается».

Я эту пьесу смотрела буквально за несколько дней перед выборами, когда к власти пришел Демирель...

Дошел ли до крестьян Анатолии смысл этой нележкой для восприятия пьесы, в которой в иносказательной форме рассказывается о бедах турецкой жизни?

Когда я спросила об этом самого Чагана, он сказал, что в тех районах, где люди ели «кара тохум» и были искалечены параличом,— поняли. В других местах — не все. Но когда после спектакля начинался разговор о пьесе, то зрителям это помогало понять ее содержание, а артистам — чувствовать себя ближе к народу. Как выразился Чаган в одном из своих интервью журналу «Оюн», он хочет «не только учить народ культуре, но и самому учиться у народа».

Естественно, что этот передвижной театр энтузиастов — не единственный в Турции театр. В стране существуют профессиональные театры с прекрасными актерами. Это тем более следует отметить, что история турецкого театра насчитывает не так уж много лет. Ведь до середины XIX века существовали лишь специфические театральные формы, уходящие корнями в степи Средней Азии, откуда турки пришли в Анатолию. Такой театр существовал в трех видах: театр одного актера — народного рассказчика, или театр «меддаха»; «Орта оюну», напоминающий итальянскую «комедия дель арте», и «Карагёз» — театр теней, берущий начало от китайского театра. Представления «Карагёза», — правда, не в полном виде, — можно увидеть и сейчас во время рамазана. И я была на таком представлении и видела две знаменитые куклы — представителя народ-

ной мудрости Карагёза и щеголя Хадживата, умело управляемые за освещенным экраном ловкой рукой Хаяли Кючюка Али, как здесь говорят, последнего «карагёзника». Он также подавал реплики за Карагёза, Хадживата и за всех других кукол (в классическом «Карагёзе» существует около четырехсот кукол). Такое «телевидение», пасчитывающее уже многие столетия, всегда было делом одного мастера: он один управлял ими и один за всех разговаривал.

Театр в нашем понимании родился в Турции в середине XIX века. Тогда существовали главным образом армянские труппы, которые играли пьесы европейских авторов. Театральное искусство начало развиваться одновременно с развитием отечественной литературы лишь после установления республики, но подлинного размаха оно достигло в послевоенные годы. Большая заслуга в этом принадлежит известному актеру и режиссеру Мухсину Эртугрулу, который воспитал не одно поколение актеров и о котором все здесь отзываются с большим уважением... Центром театральной жизни остается до сих пор Стамбул, где работает семь муниципальных театров и более десятка частных трупп. Большинство же государственных театров находится в Анкаре, затем в Измире, Адане и Бурсе. После майского переворота наступило известное оживление театральной жизни. Тогда же впервые в истории турецкого театра была создана Координационная комиссия, в ведении которой находятся государственные, муниципальные и частные театры.

Сегодня турецкий театр располагает рядом талантливых актеров... Часть актеров получила образование в консерватории (в Турции консерватории выпускают не только музыкантов, но также балетмейстеров и драматических актеров), часть вышла из актерских семей, она с детства получала образование на театральных подмостках... К таким актерам принадлежит один из известных актеров, Муаммер Караджа, театр которого по манере игры напоминает «Орта оюну»: каждый вечер он по-новому импровизирует на злободневные темы дня. К ним принадлежит также другая известная актриса Гюльриз Сурури. Я видела ее дважды, и оба раза она поразила меня высоким актерским мастерством в роли простых анатолийских крестьянок — играла

ли она в пьесе Яшара Кемалю «Жестяника» (о которой много тогда говорилось) или в пьесе «Жертва» (в которой она, как греческая Медей, убивает детей и себя, когда муж приводит в дом молодую жену). «В нашем театре¹ мы играем и будем играть пьесы из жизни народа, — заявила актриса в одном из интервью журналу „Ким“. — Именно в этом мы видим нашу цель». Кстати говоря, пьеса молодого автора Календжу «Жертва» вызвала большие споры. Одни хвалили ее, главным образом, за актерскую игру, другие критиковали за отсутствие в ней реализма; по их мнению, турецкая крестьянка бывает скорее рада, когда муж приводит в дом молодую жену... Автора упрекали за ассоциации с греческой Медеей и за то, что он ввел в пьесу хор анатолийских крестьянок, наподобие греческого хора.

Пожалуй, самой известной актерской парой в Турции являются брат и сестра Кентер, у которых есть собственный театр в Стамбуле. Я видела их лишь однажды в исторической драме молодого турецкого драматурга А. Офлазоглу о безумном султани Ибрагиме. В этой вполне добротной пьесе можно найти влияние шекспировских трагедий. Меня тогда изумила и восхитила игра Мюшфик в роли безумного султана и Йылдыз — в роли его матери! Оба они в этом спектакле достигли вершин актерского мастерства.

Хотелось бы упомянуть и анкарских актеров, таких, как Гёкчер, который одновременно является драматургом, режиссером и актером (он имел большой успех в роли дяди Вани в пьесе Чехова), или совсем молодой актер Генджо Эркал, который с блеском выступил в «Записках сумасшедшего» по Гоголю. В этой пьесе, или, скорее, монологе, заиграли все грани его таланта, который со временем будет еще совершеннее. За исполнение этой роли он был признан в 1967 году «актером сезона». В заглавной роли по пьесе Бертольда Брехта «Карьера Артура Уи» Генджо Эркал понравился мне меньше. Его Гитлер был не столько страшен, сколько смешон, было в его образе что-то чаплинское, и только в конце пьесы у героя появляются черты жестокого тирана. Что ж, от молодого турецкого актера

¹ Вместе со своим мужем, актером Энгином Джемзаром, они играют в Стамбуле в собственном театре.

вряд ли можно было требовать, чтобы он вжился в роль Гитлера... Знаменательным было политическое значение постановки этого спектакля в Турции, в стране, где сильны пронемецкие симпатии. Действие спектакля комментировалось надписями, которые раскрывали условные образы пьесы и действительные события, о которых говорилось в спектакле (например, поджог рейхстага).

Выбор репертуара турецкими театрами, особенно молодыми дерзновенными коллективами, свидетельствует о настроениях турецкого общества и тех слоев населения, которые ходят в «свой театр». Наибольшим успехом пользуются пьесы, где затрагиваются насущные проблемы страны. Такой, например, была пьеса «Перед ледоходом», поставленная в 1965 году одним из анкарских театров; написанная с большим знанием сценических законов, она изобилует конфликтными ситуациями и отличается политическим накалом. События в пьесе происходят после майского переворота в затерянном горном селении на юго-востоке страны. Зимой в селение приезжает новый каймакам и весьма энергично начинает проводить реформы: запрещает женщинам носить чаршафы под страхом заключения их мужей в тюрьму, пользоваться арабским письмом; он арестовывает местных спекулянтов, требует, чтобы ага возвратили незаконно захваченные земли. Ему во всем помогает полицейский. Ага и местные богатеи безуспешно пытаются его скомпрометировать и даже подсылают к нему человека, чтобы тот его убил. Но жертвой наемника становится «сумасшедший сержант» — участник освободительной войны, прекрасно выписанный и столь же прекрасно сыгранный.

Каймакам управляет как удельный князь и собственной рукой вершит правосудие. Но вот начался ледоход и восстановилась прерванная с вилайетом связь. И тогда убирают и каймакама и действовавшего с ним полицейского, которые стали очень популярны среди жителей селения как защитники их интересов: выяснилось, что оба они — сумасшедшие, сбежавшие из сумасшедшего дома. Приезжает настоящий каймакам, которому стоит немалых усилий убедить людей, что его предшественник был... сумасшедшим. «Столько было умных, а никто ни одного добра не сделал, для этого надо су-

масшедшим быть», — говорит одна из героинь, крестьянка Хатидже, которую тот спас от тюрьмы. В конце пьесы ага и богатеи потирают руки; на «доброе» каймакама надевают смирительную рубашу. «Эй, люди! Может опять дороги заметут, так я тогда вернусь», — кричит он, и эти слова зал встречает аплодисментами.

И в заключение еще об одной пьесе, которая в том же году в течение нескольких месяцев не сходила со сцены одного из авангардистских анкарских театров, — «Нарушенный порядок». Ее автор — молодой драматург Гюнер Сюмер был режиссером и исполнителем главной роли. Эта пьеса о небогатой мелкобуржуазной провинциальной семье, которая после землетрясения в городке переезжает в Стамбул. (Землетрясение в Турции явление довольно частое, и здесь, в пьесе, оно имеет символическое значение.) Члены семьи, которые не смогли приспособиться к жизни в большом городе, терпят один за другим крушение. Пьеса проникнута чувством безнадежности и тревоги. Эта пьеса не только о неудачах отдельных людей, но и об американских реактивных самолетах, которые угрожают мирной жизни Турции. К моему большому удивлению, я узнала из программы, что первым толчком, который зародил у автора сомнения в существующем порядке, была... оккупация гитлеровцами Польши. «В детстве мы слышали непонятные слова: „Немецкая армия вступила в Варшаву“, „концентрационные лагеря“... С тех пор все сильнее в нас росло чувство безнадежности».

Эти слова весьма знаменательны для настроений молодой прогрессивной интеллигенции Турции, страны, которая в годы первой мировой войны воевала на стороне Германии, а во второй — сохраняла благожелательный для немцев нейтралитет.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Когда я приехала в Турцию в 1960 году, пришедшая к власти в результате переворота, совершенного под лозунгами кемализма, военная хунта торжественно провозгласила свою верность военным союзам НАТО и СЕНТО. О каком бы то ни было сближении с социалистическими странами в то время не могло быть и

речи. Когда я уезжала оттуда семь лет спустя, уже во время правления Партии справедливости, дипломатические контакты на высоком уровне с социалистическими странами стали обыденным явлением. Эти факты свидетельствуют о переменах, которые произошли в тот период во внешней политике Турции. Каков источник этих перемен?

После войны, когда была провозглашена доктрина Трумэна, Турция подписала Атлантический пакт и Багдадский пакт, превращенный впоследствии в СЕНТО, и стала ревностным членом этих милитаристских группировок. С тех пор Турция самым тесным образом связала себя с политикой США. Турция была единственной ближневосточной страной, которая приняла участие в корейской войне, послав туда пять тысяч своих солдат, то есть больше, чем Англия и Франция, вместе взятые. Турция участвовала во всех агрессивных мероприятиях империалистов на Ближнем Востоке и предоставила свою территорию Соединенным Штатам Америки и НАТО под строительство военных баз. На сессиях Организации Объединенных Наций и других международных организаций, турецкая кнопка американской «машины для голосования» действовала всегда безотказно. Считая себя страной европейской, Турция вошла в состав Европейского совета, а после 1960 года стала ассоциированным членом «общего рынка».

Новое правительство, сформированное после государственного переворота 1960 года, продолжало проводить ту же внешнюю политику. Процесс милитаризации ширился. Военный бюджет увеличивался. Турецкие войска принимали участие во всех маневрах НАТО. Наступившая после переворота всеобщая либерализация привела, однако, к тому, что среди общественных кругов начали раздаваться голоса протеста против турецкой политики уступок американцам. Большое влияние на рост таких настроений оказали и международные события. Первым серьезным потрясением для турецкого общественного мнения был кубинский кризис 1962 года. Тогда во весь голос заговорили о том, что Америка, протестуя против советских ракет на Кубе, превратила Турцию в свой собственный ракетный полигон и что при малейшем конфликте между великими державами это грозит Турции полным уничтожением. При этом вспо-

мнили и о том, что как раз с базы в Инджирликке (недалеко от Аданы) стартовал — без ведома турецкого правительства — пресловутый американский самолет «У-2», что с той же базы — и опять без согласия турецкого правительства — американцы осуществили свой десант в Ливан в 1958 году. Общественное мнение обвиняло власти в том, что, сотрудничая с империалистическими державами, Турция все больше изолирует себя от «третьего мира».

Такие настроения впервые проявились в меджлисе в начале 1963 года при обсуждении внешней политики второго коалиционного правительства. С парламентской трибуны было высказано немало упреков за некритический подход к союзу с Соединенными Штатами Америки. «На международных конференциях, — сказал один из депутатов, — часто обсуждаются предложения молодых африканских государств, но никто никогда не слышал, чтобы обсуждались турецкие предложения».

Антиамериканские настроения достигли своей кульминации во время кипрского кризиса. Я напомним, что этот остров на четыре пятых населен греками и на одну пятую — турками. В 1954 году трения между двумя национальными общинами, подогреваемые империалистическими кругами, привели к кровопролитию. Пытаясь лишить Кипр независимости и втянуть его в орбиту НАТО, американцы форсировали в тот период так называемый план Ачесона и поддерживали греческий тезис об «эносисе», то есть присоединении острова к Греции и предоставлении Турции базы на острове с выплатой ей денежной компенсации... С еще большим возмущением было воспринято разоблаченное в прессе письмо президента Джонсона тогдашнему премьеру Инению, в котором Джонсон предостерегал Турцию от высадки десанта на Кипр. Он писал, что США не позволят использовать американское оружие на цели, не согласованные с Пентагоном. Предостережения Джонсона подтверждались находением VI американского флота в Средиземном море.

В тот период в Турции, которая тесными узами была связана с Вашингтоном, происходили вещи, на первый взгляд необъяснимые: американское посольство в Анкаре было окружено вооруженной полицией, чтобы охранять американцев от демонстрантов, выступавших про-

тив союзника, «который обманул». Полиция охраняла кварталы, где жили американцы, во всех крупных городах. Стало ясно, что антиамериканские настроения наблюдались тогда повсюду, не только среди левых элементов, которые требовали освобождения страны от империализма, но и среди правонационалистических кругов, оскорбленных в своей национальной гордости.

Кипрский кризис со всей наглядностью показал общественному мнению страны абсурдность турецкой внешней политики... Поддержка из-за океана оказалась иллюзорной...

С тех пор все громче и настойчивее стали высказываться требования о пересмотре курса турецкой внешней политики. Публичной критике подвергся ряд американских привилегий в Турции, но прежде всего пребывание в Турции почти двадцатипяти тысячной американской колонии (военные лица, «эксперты» и их семьи). Журнал «Ен» писал тогда: «Все высшие посты в государственном аппарате заняты чужеземцами. Только в четырех министерствах из восемнадцати нет американских советников». Американцы вообще чувствовали себя в Турции как дома. У них были собственные магазины, одиннадцать радиостанций, на которые не распространялся контроль Турецкого радиоправления, собственная почтовая сеть... Машины со знаком «А» заполнили все шоссе и улицы. Самолеты с такими же опознавательными знаками заполнили турецкое воздушное пространство. Привилегии американских военных в Турции нарушали суверенитет страны и до неправдоподобия напоминали капитуляцию Османской империи. Преступления американских солдат и офицеров не подлежали юрисдикции турецких судов, если высший военный чин заявлял, что преступление совершено «в служебное время». Конечно, только благодаря этому многие американские солдаты избежали наказания. Широкую огласку в конце 50-х годов получил в Турции случай с полковником Моррисоном, который в пьяном виде задавил машиной несколько турецких солдат, и дело одного сержанта, который наехал на играющих детей. В обоих случаях виновные подверглись лишь денежному штрафу. «Американских солдат, которые стреляли в турецких детей с балкона,—писал журнал „Ен“ в 1965 году,— даже не оштрафовали».

Компрадорская буржуазия начала постепенно перенимать американский образ жизни; дошло до того, что программы в ночных ресторанах Анкары и Стамбула велись по-английски.

В апреле 1961 года правая газета «Танин» поместила статью, в которой вот что говорилось. «Я не раз спрашивал себя, уж не превратились ли мы в колонию,— писал какой-то безымянный автор.— Я звоню в гостиницу в Анкаре и слышу в трубке „Hello“, а потом „Good morning“. Где я нахожусь? Не переселился ли я во сне в Америку?.. Пройдитесь по анкарским улицам и вы увидите на окнах многих домов надписи: „House to sell“ („дом продается“) или „House to rent“ („дом сдается“). Как вы могли догадаться, это написано не по-турецки... Посмотрите вокруг себя и скажите, можете ли вы найти Турцию в Турции?»

В 1961 году такой голос был, пожалуй, исключением. Однако со временем турки все острее начали реагировать на засилье американцев. Все громче стали раздаваться требования об установлении с американцами равноправных отношений, чему способствовала также постепенная дезинтеграция Атлантического пакта и особенно пример деголлевской Франции. Конечно, степень антиамериканских настроений была различна. Левые элементы требовали полного разрыва с США. Умеренные круги буржуазии требовали равноправия в рамках Атлантического союза при уважении суверенных прав Турции. Характерным для этих кругов было заявление Исмета Иненю корреспонденту журнала «Тайм»: «Я верил в руководящую роль Америки. За это я наказан».

В этих обстоятельствах началось постепенное потепление отношений между Турцией и Советским Союзом, а потом и с другими социалистическими странами... Первым шагом в этом направлении был визит турецкой парламентской делегации в Советский Союз летом 1964 года. Спустя несколько месяцев СССР посетил турецкий министр иностранных дел Эркин. Начало укрепляться экономическое сотрудничество, а за ним, правда в меньшей степени, культурные и научные связи. Очень скоро последовал ответный визит в Турцию делегации Верховного Совета Союза ССР во главе с Николаем Подгорным. Этому визиту предшествовало решение турецкого правительства об отказе Турции принять участие в так

называемых многосторонних ядерных силах НАТО (она осталась членом Ядерного комитета НАТО). В том же году, в августе, тогдашний премьер-министр Ургюлю посетил Советский Союз. Во время этого визита советская сторона еще раз подтвердила отказ от каких-либо территориальных притязаний к Турции. Совместное советско-турецкое коммюнике подчеркивало решимость обеих стран и в дальнейшем направлять усилия к разрядке международной напряженности. Все это убедило турецкое общественное мнение, что со стороны Советского Союза Турции не грозит ничего и что опасность для нее таится в другой стороне.

Когда в октябре 1965 года у руля правления страной встала Партия справедливости, ее победа всюду была расценена как «победа Америки». Высказывались даже предложения в связи с этим о возможном увеличении американских баз в Турции и об участии турецких войск во вьетнамской войне. Однако действительность превзошла все предположения. Во внешней политике еще больше, чем в политике внутренней, оказался невозможным возврат к старому курсу, к политике до 1960 года. Это не допускала изменившаяся обстановка в мире и изменившаяся ситуация в самой Турции. По мере укрепления своего экономического потенциала турецкая буржуазия все увереннее чувствовала себя на международной арене, требуя при этом для себя более широкой сферы маневрирования. Ей стало ясно, что американцы лишают ее части прибыли, навязывая ей высокие цены на импортируемые в Турцию промышленные изделия и покупая по низким ценам турецкое сырье. Она поняла, что торговый обмен и кредиты, в первую очередь кредиты инвестиционные, необходимые ей для индустриализации страны, она может получить на выгодных условиях только в СССР и в других социалистических странах. Следствием визита в Турцию Николая Подгорного было соглашение о строительстве там Советским Союзом семи крупных промышленных объектов. Турция также получила от СССР кредиты на сумму 200 миллионов долларов.

Все это учло правительство Демиреля. Недаром через несколько месяцев после формирования кабинета министр иностранных дел Чаглыянгийль заявил: «Турция — не сателлит Америки и не враг СССР. Мы возра

жаем, чтобы на нас смотрели, как на стража НАТО». Такая позиция была подтверждена дипломатическими контактами с социалистическими странами, из которых самым значительным можно считать визит премьера Алексея Косыгина в Турцию в декабре 1966 года и последовавший вскоре ответный визит Демиреля в Советский Союз. В 1967—1969 годах наступило сближение Турции с Польшей, а также с балканскими странами — Болгарией, Югославией и Румынией. Ни один из послевоенных министров иностранных дел Турции не был так активен в своих контактах с внешним миром, как Чаглыянгиль, которого за это прозвали «летучим голландцем». Никогда прежде на улицах Анкары так часто не развивались флаги иностранных государств, как в 1966—1967 годах во время визитов глав правительств.

Тогда же Турция дала понять, что она поддерживает идею антиколониализма. На ассамблеях Организации Объединенных Наций она голосовала за осуждение апарtheid в Южно-Африканской Республике. Но главное — Турция улучшила свои отношения с арабскими государствами; началом новой политики была поездка Чаглыянгиля в Каир весной 1968 года, а следствием — ухудшение отношений с Израилем. В ближневосточном конфликте Турция заняла нейтральную позицию, но симпатии ее были на стороне арабских стран. Турецкое правительство сделало официальное заявление о том, что оно не разрешает использовать находящиеся на ее территории американские базы против арабских стран. Позже оно высказалось за вывод израильских войск с арабских территорий.

Несмотря на то, что Турция является светской республикой, она участвовала (накануне выборов 1969 года) в работе Конференции мусульманских стран в Рабате, заняв там, правда, весьма осторожную позицию.

Знаменательным подтверждением независимости внешней политики Турции является и тот факт, что она даже символически не поддержала американскую агрессию во Вьетнаме. В связи с этим турецкие газеты напомнили сказанные когда-то слова Ататюрка о том, что Турция на собственной коже чувствует малейшее раздражение в любой точке земного шара.

Если же говорить об участии Турции в СЕНТО, то формально ее позиция не изменилась, но это и не имеет

значения, поскольку вследствие эволюции в политике двух других его членов, Ирана и Пакистана, этот союз превратился в чисто парадный. Зато Турция весьма активно участвует с Ираном и Пакистаном в так называемом Региональном комитете по развитию, который занимается экономическими вопросами.

Такая активизация турецкой внешней политики, несомненно, укрепила позиции Турции относительно Соединенных Штатов Америки и позволила ей выступить инициатором пересмотра турецко-американских «двусторонних соглашений», заключенных в соответствии со статьей III Атлантического пакта. Эти соглашения — а их 55 — регулировали правовое положение американских баз в Турции, радарных установок и других военных объектов, а также статус американских солдат в Турции. Большинство этих соглашений датируется пятидесятыми годами, но они никогда не были апробированы турецким меджлисом. Текста двадцати четырех соглашений вообще не удалось обнаружить в министерстве иностранных дел Турции, и за ними обратились в Вашингтон.

Формальный аспект этого вопроса был весьма запутанным; значительно более сложным выглядело существо дела. Американские военные базы в Турции были своеобразным «государством в государстве». Даже высшие турецкие военные чины имели право доступа на территорию баз только... с разрешения американского начальника данного объекта, нередко низшего по званию. Эти базы, формально принадлежавшие НАТО, фактически подчинялись непосредственно Пентагону. «В рамках двусторонних соглашений базы находятся в полном распоряжении американцев; турецкие представители могут посещать только казармы и театр, а не радарные установки или другие объекты, — признался публично в конце 1965 года бывший шеф штаба турецких военно-воздушных сил генерал Хюсю Озкан. — Функционирование баз находится непосредственно в ведении американского командования, зависящего только от Пентагона и не имеющего ничего общего ни с НАТО, ни с Турцией». Выяснилось, что базы занимают территорию в 35 миллионов квадратных метров, за использование которой США не платят турецкому правительству столько, сколько предусматривается соглашениями.

«С этих баз без ведома турецкого правительства стартовали шпионские самолеты,— писал лидер Рабочей партии Турции Ахмед Айбар в „Джумхуриет“.— Завтра с тех же баз и опять без нашего ведома может подняться самолет с ракетными боеголовками. Другими словами: чужие глаза, чужие уши и чужие руки, как небо, распростерлись над каждым клочком нашей земли». Знаменательно, что сходную с Айбаром позицию заняла и крайне правая Национальная партия, которая в начале 1967 года свидетельствовала, что «американские базы в их теперешней форме являются очагом опасности, способным превратить нашу страну в кладбище для тридцати двух миллионов человек».

Переговоры об изменении статуса американских баз продолжались долго и проходили трудно. Соединенные Штаты Америки не могли забыть о ключевом стратегическом положении Турции. Имелись в виду не только и не столько ворота Черного моря, т. е. проливы Босфор и Дарданеллы, стратегическое значение которых в век ракетного оружия и баллистических ракет сильно уменьшилось. Для Пентагона куда более важно географическое положение Турции... Ведь советские нефтяные богатства Баку лежат всего в четырехстах километрах от турецко-советской границы. Не говоря уж о таком факторе, как испытанная боеспособность турецкой армии, самой мощной на Ближнем Востоке.

Однако в свете растущих антиамериканских настроений Пентагон должен был пойти на уступки. До турецкого общественного мнения доходили все новые факты, которые только укрепляли такие настроения. Так, например, бывший член военной хунты сенатор Хайдар Тунджканат в 1966 году огласил доклад агента американской разведки бывшему военному атташе США в Турции Диксону. Доклад содержал фамилии тех деятелей, которых надлежало снять с занимаемых постов за антиамериканские настроения. Многие турецкие журналы поместили фотокопию этого доклада. Вот что писал в этой связи журнал «Акис»: «Наша разведка получает от американцев помощь деньгами и оборудованием. Нет ничего удивительного, что им все о нас известно... Антипатия к американцам растет. Заявление Тунджканата, несомненно, еще больше поднимет антиамериканские настроения».

Так оно и вышло. Эти настроения проявлялись неоднократно в шумных антиамериканских демонстрациях. Так, например, в конце 1966 года в Адане демонстранты всю ночь громили местные американские учреждения в ответ на нападки американских солдат с базы в Инджирлике на турецких женщин. В 1967—1968 годах состоялись многочисленные выступления в Стамбуле и Измире в знак протеста против присутствия в Средиземном море кораблей VI флота США. 1969 год был особенно знаменательным по силе антиамериканских настроений в стране. Во время забастовки турецких рабочих, занятых на американских базах, дело дошло до острых стычек с американцами; было разрушено много американских объектов, блокировано снабжение продовольствием американских магазинов. Проводимая в течение нескольких месяцев кампания против посла США в Турции Комера (он занимал в свое время весьма высокий пост в ЦРУ, а затем занимался планированием американской агрессии во Вьетнаме) получила такую широкую огласку, что президент Никсон вынужден был его отозвать, а назначенный на его место новый посол, Хэндли, прибыл в Анкару в июле 1969 года почью.

Чтобы как-то притушить такие настроения, Вашингтон пошел на уступки. В начале июля 1969 года в Анкаре был подписан документ, подтверждающий, что базы являются собственностью Турции, что турецкому правительству предоставляется право контроля над базами и что персонал этих баз — как военный, так и гражданский, должен отныне подчиняться турецким законам.

Итак, самые острые углы в неравноправных отношениях между Турцией и Соединенными Штатами Америки сглажены. Но остались базы, являющиеся важным звеном в военной системе Пентагона, остался американский персонал в Турции, что означает и в дальнейшем ограничение суверенитета страны¹.

¹ Следует отметить, что в последующие годы Турция в известной мере продвинулась вперед по пути разрядки международной напряженности. По существу, она поддержала идею созыва Конференции европейской безопасности. Весной 1972 г. во время визита в Турцию председателя Президиума Верховного Совета СССР Николая Подгорного выдвинутый Советским Союзом проект системы коллективной безопасности в Азии нашел широкий отклик в турецкой печати.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Польская журналистка Кристина Познаньска назвала свою книгу «Старая и новая Турция». Для историка, да и просто для читателя, знакомого с литературой о Турции, изданной в нашем веке, это название покажется, возможно, не оригинальным... На память сразу приходят книги и статьи о Турции, появившиеся после первой в истории этой страны буржуазной революции 1908 г. Тогда впервые в публицистике и в научной литературе замелькали названия, которые так или иначе варьировали тему «старая и новая Турция». Еще более усилился интерес к этой теме у историков и журналистов после победы национально-освободительной борьбы турецкого народа (1918—1923 гг.) и образования Турецкой Республики (1923 г.). Анализируя социальные, политические и культурные сдвиги, исследователи и публицисты тех лет часто стремились в своих работах не только показать новую Турцию, но и понять, какие историко-культурные традиции и социальные институты прошлого продолжают так или иначе влиять на развитие республиканской Турции.

Мне кажется, что такую задачу, в какой-то степени, поставила перед собой и Кристина Познаньска. Она написала книгу о Турции 60-х годов. Это серия очерков, отнюдь не претендующих на исчерпывающее освещение всех затрагиваемых автором тем и проблем. Автор — не историк Турции, он пишет о том, что мог увидеть и описать как публицист. Но, оценивая факты и события, Кристина Познаньска стремится понять и передать читателю свое понимание того, как сложно переплетение старого и нового в жизни Турции 60-х годов нашего века. Отсюда и название книги.

Правомерность такого названия книги определяется, на наш взгляд, не только авторским подходом. Сам период, о котором рассказывает в своей книге Кристина Познаньска, это годы острейшего противоборства старого и нового во всех областях социальной, политической и культурной жизни Турции.

Кристина Познаньска — опытный журналист. Многие годы она сотрудничает в газете «Трибуна люду», в польском агентстве печати. Она выступает, преимущественно как внешнеполитический комментатор, не раз публиковала статьи о событиях в Турции. Обстоятельства личной судьбы сделали ее свидетелем жизни Турции в течение ряда лет после государственного переворота 27 мая 1960 г. В эти годы

политическая и общественная жизнь Турции отличалась невиданной ранее активностью. Пытливому и наблюдательному публицисту было что увидеть, было над чем поразмыслить. Острое чутье журналиста позволило Кристине Познаньской в целом правильно ориентироваться в сложной политической ситуации тех лет. Она стремилась оценивать то, что видела, через призму приобретенных ею знаний об истории и культуре Турции.

Читая книгу Кристины Познаньской, нельзя не почувствовать атмосферы высокого накала политической борьбы, которым отличалась жизнь Турции в те годы и который, заметим попутно, не ослабел и в наши дни. Борьба правых и левых сил, их резкая поляризация — вот что было, пожалуй, определяющей чертой политической и общественной жизни страны в тот период. Не случайно в эти годы на политической арене Турции стала действовать легальная организация, отражавшая интересы трудящихся масс — Рабочая партия Турции. Резко повысилась роль профсоюзных, молодежных и студенческих организаций. В Турции издавались произведения классиков марксизма-ленинизма, а на страницах прогрессивных газет и журналов начались даже дискуссии о социализме и возможностях движения Турции по социалистическому пути развития. Активизация левых сил происходила в условиях непрекращающейся борьбы между различными буржуазными партиями страны по острейшим вопросам экономического и политического положения Турции. В центре политических и общественных дискуссий тех лет были проблемы экономического развития и роли государства в этом процессе, вопросы внешнеполитического положения страны, выработки независимого внешнеполитического курса, отношений с США и НАТО. Острейшая политическая борьба разгорелась и вокруг проблемы о роли религии в жизни общества; правые силы пытались так или иначе атаковать принцип отделения церкви от государства, стремились к усилению влияния религии ислама во всех областях жизни страны.

Остроту и сложность этих проблем широкий читатель может ощутить и понять, читая книгу Кристины Познаньской. Автору удалось нарисовать в своих очерках в целом верную картину общественно-политической жизни Турции 60-х годов.

Вместе с тем автору этой интересной и полезной широкому читателю книги не удалось избежать отдельных поверхностных, а иногда и неверных, оценок. Не будучи историком, тем более историком Турции, автор порой исходит из своего эмоционального восприятия фактов или событий.

Так, вряд ли правомерно оценивать приход Партии справедливости к власти в октябре 1965 г. как показатель того, что «вновь одержали верх» идеи казненного лидера Демократической партии Мендереса. Можно говорить об определенной преемственности социальной базы ПС и ДП, но нельзя косвенно отождествлять политические цели и программу этих партий. Кристина Познаньская, на мой взгляд, вообще склонна преувеличивать популярность Мендереса после его казни. Автору этих строк также приходилось слышать в Турции рассказы о посмертной популярности Мендереса в деревне, но этих разговоров все же явно недостаточно, чтобы делать вывод о том, что для «неграмотных турецких крестьян он остался не тираном, а благодетелем...» Скорее всего можно говорить о стремлении некоторых политических лидеров Партии справедливости создать Мендересу ореол

мученика и использовать его имя в целях борьбы за голоса части сельских избирателей.

Не очень точны и оценки деятельности Рабочей партии Турции. Ее никак нельзя рассматривать, как это делает Кристина Познаньска, в качестве «партии рабочего класса». РПТ выражала в своей программе и деятельности интересы рабочих и крестьян, трудовой интеллигенции, а также мелкобуржуазных кругов. РПТ выступала за некапиталистический путь развития Турции. Внутри РПТ шла в годы, о которых пишет Кристина Познаньска, острая идейная борьба между мелкобуржуазными идеологами «турецкого социализма» и сторонниками идей научного социализма. Сегодня трудно, конечно, сделать окончательный вывод о роли запрещенной ныне РПТ в процессе общественно-политического развития Турции 60-х годов, но очевидно, что оценивать РПТ в качестве «марксистской партии», как это делает Кристина Познаньска, неправомерно.

Некоторым преувеличением представляется нам также мысль автора книги о том, что идеи лаицизма «ни в малейшей степени не затронули основные массы народа, в первую очередь, крестьянские массы». Конечно, влияние традиций и норм ислама продолжает оставаться доминирующей чертой образа мышления турецкого крестьянина и быта турецкой деревни, но широкие массы городского населения, ежегодно, кстати говоря, пополняющиеся десятками тысяч выходцев из анатолийских деревень, достаточно ясно осознают тот факт, что Турецкая республика — государство светское. Да и в деревне сегодня немало людей, понимающих, что роль религии в жизни государства претерпела за последние десятилетия существенные изменения. Другое дело, что не всем по душе эти перемены. Именно этим недовольством пользуются лидеры некоторых политических партий, в частности Партии справедливости, которые умело играют на религиозных чувствах, пропагандируют свою особую приверженность религиозным традициям с целью завоевания голосов избирателей.

При чтении книги Кристины Познаньской возникает потребность и в уточнении некоторых фактов. Первые капитуляции были предложены Францией не султаном Махмудом I в 1740 г., а султаном Сулейманом I в 1535 г. Термином «Высокая Порта» обозначалась не-султанская власть. Так европейцы обычно называли правительство Османской империи, во главе которого стоял назначаемый султаном великий везир. Когда автор пишет, что во дворце Долмабахче есть комната, в которой часы остановились на времени 9.05, он просто констатирует, что в это время, 10.XI.1938 г., умер Ататюрк. Между тем, читателю было бы, вероятно, небезынтересно знать, что речь идет о спальне в той части дворца Долмабахче, где обычно жил Ататюрк во время его приездов в Стамбул и где он скончался.

Когда Кристина Познаньска закончила книгу, у власти в Турции находилась Партия справедливости. Рассказывая в своих очерках об этой партии, автор писал, что совсем нелегко будет ответить на вопрос о том, сколь продолжительна будет ее победа. Как обычно, ответ на этот вопрос дала история. В марте 1971 г. лидер ПС Сулейман Демирель был вынужден под давлением командования турецких вооруженных сил подать в отставку с поста премьер-министра страны.

Более двух с половиной лет после этого политическую жизнь страны контролировали в условиях чрезвычайного положения воспи-

ные. Под предлогом борьбы с «анархией», с «левыми» и «правыми» силами проводились репрессии против всех прогрессивных политических и общественных организаций и течений. Была запрещена Рабочая партия Турции, ее руководители были преданы суду и приговорены к различным срокам тюремного заключения, было запрещено распространение марксистской литературы, под запретом оказались сами идеи социализма.

Таким образом, история сама прокомментировала утверждение Кристины Познаньской о том, что после переворота 1960 г. «нелегко будет бороться с прогрессивными силами...» Это было действительно непросто. Репрессии против левых сил вызвали волну протеста, в особенности в среде учащейся молодежи. Левозкстремистские действия некоторых подпольно действовавших оппозиционных групп молодежи, в свою очередь, усилили репрессии властей против прогрессивных политических, профсоюзных и молодежных организаций. Хотя военным пришлось в конце концов вернуть всю полноту власти гражданским политическим деятелям после парламентских выборов 14 октября 1973 г., прогрессивным силам страны был нанесен сильный удар.

И все же силам, стремившимся к ликвидации в Турции буржуазно-демократических свобод, пришлось отступить. Первым признаком этого отступления было поражение кандидата руководителей армии генерала Гюрлера на президентских выборах весной 1973 г. После пятнадцати туров голосования, что само по себе было показателем крайней остроты борьбы, парламент избрал новым президентом страны адмирала в отставке, видного дипломата Фахри Корутюрка, кандидатура которого была поддержана ведущими политическими партиями страны.

Примечательно и то, что на выборах в октябре 1973 г. наибольшее число мест в парламенте страны (185 из 450) завоевала Народно-республиканская партия. Ее нынешний лидер Бюлент Эджевиг был одним из немногих крупных политических деятелей страны, которые энергично выступали против вмешательства военных в руководство страной. НРП выступила летом 1973 г. против закона о судах государственной безопасности, который был принят парламентом под давлением руководства армии и тех политических групп, которые стремились под предлогом ликвидации «анархии» обеспечить в стране жесткий курс исполнительной власти. НРП сегодня декларирует ограничение иностранных капиталовложений в Турции, усиление государственного сектора в экономике и проведение земельной реформы.

Расстановка сил в парламенте такова, что НРП пришлось пойти на создание правительственной коалиции с Партией национального спасения, в предвыборной кампании которой весьма заметную роль играли религиозные лозунги. Союз известной своими антиклерикальными выступлениями НРП с ПНС — одно из многих проявлений сложности и противоречивости политической обстановки в Турции наших дней.

Вынесенный в заголовок одного из очерков книги Кристины Познаньской вопрос — «Куда пойдет Турция?» — ждет и сегодня своего ответа.

Советские люди естественно желают, чтобы Турция шла по пути социального прогресса, экономического процветания, национальной

независимости и мира. Имевший место в последние годы в результате обмена визитами высших государственных деятелей важный положительный сдвиг в советско-турецких отношениях был закреплен во время пребывания Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного в Турции весной 1972 г. Подписанная в Анкаре 17 апреля 1972 г. декларация о принципах добрососедских отношений между СССР и Турцией — важная веха в советско-турецких отношениях. Советские люди с удовлетворением отмечают значительный прогресс в торговле между нашими странами. Общественность Турции поддерживает все расширяющееся экономическое и научно-техническое сотрудничество между Турцией и СССР.

В нашей стране неизменно высок интерес к жизни современной Турции. Думается, что книга польского публициста Кристины Познаньской, повествующая о жизни Турции 60-х годов, будет с таким же интересом встречена советскими читателями.

Ленинград,
март 1974 г.

Ю. Петросян

ЛИТЕРАТУРА

- Азиз Несин. Если бы я был женщиной... М., 1961.
- Илья Эренбург. Люди, годы, жизнь, М., 1966.
- «Акис», 1965—1967.
- «Ант», 1966, 1967.
- «Джумхуриет», 1964—1967.
- «Ди Вельт», 1969.
- «Ени Истанбул», 1966, 1970.
- «Ен», 1961—1967.
- «Миллиет», 1963, 1965.
- «Нью-Йорк Геральд Трибюн», 1961.
- «Онджю», 1962.
- «Танин», 1961.
- «Терджюман», 1967.
- «Хюр ватан», 1961.
- «Улус», 1966.
- «Annuaire statistique», Ankara, 1959.
- G a s z t o w t T. La Pologne et l'Islam, Paris, 1907.
- J a b ł o n o w s k i W ł a d y s ł a w. Pamiętniki z lat 1851—1893, Warszawa, 1967.
- «The Economy of Turkey; an Analysis and Recommendation for a Development Program», Baltimore, 1951.
- Thornburg M. Turkey, New York, 1949.
- Tully Andrew. Central Intelligence Agency—the Inside Story, London, 1962.
- Ward R. F., Rustow D. A. Political Modernization in Japan and Turkey.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Конья — столица сельджуков	5
Бурса — первая столица османов	12
Стамбул с историей на «ты»	18
Анкара — город Ататюрка	42
Вечно живой Ататюрк	52
«Демир кыр ат»	63
Орду	76
Меджлис	90
Ланцизм	103
Этатизм	111
Чаршафы	124
Куда пойдет Турция?	134
Анатолийская деревня	144
Яшар Кемаль и другие	152
Победа Назыма после смерти	162
Кое-что о театре	168
Внешняя политика	175
<i>Ю. Петросян. Послесловие</i>	185
Литература	190

Цена 62 коп.